

ONXEANIE PYCCROЙ RPECTЬЯНСКОЙ СВАДЬБЫ

съ текстомъ и пъснями:

обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными:

въ 3-хъ частяхъ.

Плачи и причитанія по умершимъ и по рекрутамъ; стихи великопостные; былины и легенды; старинныя пѣсни и величанія; сказки, загадки, пословицы и прибаутки.

(Съ текстомъ и мелодіями.)

О. Х. АГРЕНЕВОЙ-СЛАВЯНСКОЙ,

Дъйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Записаны отъ ИРИНЫ АНДРЕЕВОЙ ФЕДОСОВОЙ, крестьянки Олонецкой губерніи, отъ нищей УЛЬЯНЫ изъ Петрозаводска, отъ мѣщанки ЧУЕВОЙ, родомъ изъ Шуи, отъ НАТАЛЬИ СЕМЕНОВОЙ, крестьянки Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда и отъ няни МАРЬИ ИВАНОВНЫ и др.

Собственность О. Ж. Славянской.

1889 г.

В. Я. Пропп

1973 .

Дозволено цензурою. С.-Петербуры, 17 Декабря 1888 года.

Б И Б Я И О Т Е К А Каральеного филмала Академии науи СССР

плачи,

RIHATNIPUR N RIHEMOROT

ПО УМЕРШИМЪ.

отдълъ 1.

ПЛАЧИ, ГОЛОШЕНІЯ И ИРИЧИТА- НІЯ ПО УМЕРШИМЪ.

№ 1. ПЛАЧЪ ПО МУЖЪ ИЛИ ПО ОТЦЪ.

(Голосить вдова или дочь умершаго у тъла покойника, въ правомъ углу избы подъ образами.)

(Записань оть Ирины Өедосовой.)

Очень протяжно.

Я прошупала-то *) великое родительско жаланьице За горушки-то высокіи, за лѣсушки за темныи, За облачки-то ходячіи, за водушки стоячіи.... Хошь и сидѣла я, да бѣлая лебедушка, У трудной у болѣзной у постелюшки Какъ у свово-ли у родителя у батюшки (дочь), Какъ у свово-ли у желаннаго сожителя (жена), Да не запёрла-то я сѣнечекъ рѣшётчатыхъ И не задвинула околенокъ стекольчатыхъ, И допустила злодѣй—скорую смерётушку

^{*)} *Я прошупала-то* — значить: я не спохватилась, какъ ушло, я упустила, я прозъвала.

Во ту стекольчату-ли что околенку! И какъ она-то шла, злодъйка – душегубица: Со синя моря-то она въдь шла холодная. Со чиста гола полюшка она-то шла голодная. А кабы видъли мы скорую смерётушку, Да кабы знали--въдалимы про незвану--ждану гостьюшку, Протопили-бъ скоро на скоро мы печушку, Обогрѣли-бъ мы незванной гостьѣ горенку; Накормили-бы смерётушку мы до сыта, Напоили-бы незванную мы допьяна, Коли-бъ только не взяла-бъ родимаго жаланьица, Не наслала-бы укромной жирушкт да увяданьица.... А она въдь насъ, смерётушка, да подманула, Наши вев кресьянскія жаланыйда она затула: *) Какъ крылечушкомъ она въдь шла да молодой женой, По новымъ сънямъ-то шла въдь красной дъвушкой; Она въ домъ зашла-то къ намъ каликой- перехожеей, Обольстила насъ всёхъ рёчью ласковой, пригожеей. И я не взвидъла, не чаяла, кручинная головушка, Что подходила то злодъйка что нечаяна-незывана смерётушка.

И у перёнаго крылечушка она вѣдь не давалася, А подъ косевчатымъ окошкомъ не стучалася И въ окошечко-то залетала чернымъ ворономъ, И на уличкъ что прокричала быдто коршуномъ. Хошь и я видѣла, я чуяла, кручинная головушка, Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ разлеталася, Ясны оченьки со бѣлымъ свѣтомъ разставалися, Я родителя-ли батюшку да не гнѣвила (дочь), Я свово жаланнаго кормильца не гнѣвила (жена), Про жаланьице его великое родительско да не спросила! Мнѣ-ко въ комъ искать великаго родительска жаланьица, Мнѣ-ко въ комъ желать теперь да ласкова словечушка? Во жаланномъ-ли, родимомъ моемъ братушкъ, Аль въ своей милой скачёной-ли жемчужинкъ?... Такъ не знаю я, не вѣдаю, кручинная головушка,

Ты за что покинулъ-ли кресьянска наша жирушка?...
Ты куды-жъ, куды-же, мой родителько (жена: мой сердечушко), справляешься,

Ты куды-жъ, куды, жаланный, снаряжаешься?... Не во свътлое ты платьице что наряжаешься, Во опально черно кафтанишечко ты одваешься, И на ноженьки то-не сапоженьки козловые, А домашніе башмачики-ли что холщевые ... И не къ владычному ко Божьему ко праздничку, И не на трудну на кресьянскую работушку, А покидаешь насъ ты, бъдныихъ головушекъ, Однихъ-ли что на бъломъ свътъ одинешенекъ! Среди грязи покидаешь насъ ты, на погибель .. Гдѣ, жаланный нашъ. твоя былая удаль? Среди грязи насъ тогда не покидалъ-бы, На камняхъ подводныхъ насъ не оставлялъ-бы! На катучемъ синемъ камушкъ въдь мы сидимъ, Хлѣба-соли, батюшко (свѣтушко), теперь мы не ѣдимъ; Въ лужахъ-подводьяхъ-то станемъ мы валяться, Горючьми слезьми весь въкъ свой заливаться!... Глупо сдълала я, буйная головушка: Не сходила я во улички рядовый, Не объгала я лавочки торговыи, Не купила листъ бумаженьки гербовой.... Извела я денежки на гробикъ что сосновый! Я списала бы съ липа, со личка бълаго Я со батюшки (свътушки) списала-бы родимаго, Я на гербовой-бы листь бумаженьки списала, У сердечушка бы я его всегда держала. И какъ стошнится горюшамъ намъ, побъднется По своемъ да по родителъ по батюшкъ (дочь), По своемъ да по сердешнымъ по муженькъ (жена), Поглядели-бъ въ тотъ часъ на бумаженьку, Освътило-бъ, быдто солныко, что нашу душеньку: Быдто народила снова свово батюшко (муженька). Да въ ту пору, въ тое времячко Господнее Уму-разуму въ головушкѣ мнѣ не хватило, Вишь сердечушко-то грусть-тоска сдавила,

^{*)} Затула-задернула, скрыла.

Золота казна кармашка не груздила!...
А въ торгахъ листа бумажки не случилось,
Писаречковъ во домахъ да не добилась.
И по моему великому-ли что несчастьицу,
По несчастьицу и по злодъйску безталаньицу
Какъ-то жить мнъ быть безъ роднаго-ли батюшка (безъ
роднаго-ли муженька),

Какъ смотрѣть—глядѣть на бѣлый свѣтъ въ окошечко?... Безъ великаго родѝтельска жаланьица Нашей жирушкѣ вѣдь будетъ увяданьице! Въ полѣ витрушки на насъ да принавѣятъ, Про насъ добрыи-то люди принабаятъ! И покинуты въ своей кресьянской жирушкѣ Безъ свово оны родителя безъ батюшки Самовольныи-то дѣти, безъимённыи, А и всѣ мы вмѣстѣ-то вѣдь безталанныи!... И не хоробры сыны ростутъ безъ батюшки, И не красны дочери-то безъ родимаго!...

(Обращение дочери умершаго къ брату:)

Ты послушай, свътушко, братецъ родимыей, Ты послушай моей рѣчи-то немудрыей: Не доросла что кудрявая рябиночка, Не дозрѣла боровая ягодиночка, И ты, свътушко, родимый братецъ мой, Ты глупёшенекъ еще и молодёшенекъ: Много надо ума - разума тебѣ въ головушкѣ. Много розмыслу въ ретливоемъ сердечушкъ: Какъ вѣдь домъ вести, кресьянскую работушку, Управлять тебѣ кресьянску нашу жирушку.... Содержать любимую свою семеюшку!... Я гляжу-смотрю, кручинная головушка, Смотрю, вижу, горькая—я горюшка, Что не бълая береза къ зёми наклоняется, Родный братецъ мой слезьми что обливается! Дума-думушка бурлака пошибаетъ, Умъ за разумъ до того-ли забъгаетъ Что у братика-ли у мово да у родимаго....

Какъ по этому спораннему по утрышку Кто побудить насъ да на работушку, Кто раздѣлить-ли кресьянску нашу жирушку? Какъ опосля-то свово родителя мы батюшки Мы глупешеньки осталися, малёщеньки! Лѣсомъ заростуть луговы наши пашеньки, И задёрнѣють *) распашисты полосушки Какъ безъ нашего родителя-то батюшки!...

(Поворачиваясь къ людямь, которые вносять въ избу гробъ:)

Я гляжу-смотрю, кручинна-то головушка, Смотрю-вижу, горькая-ли горюшка, Какъ у нашего крылечка у перёнаго Стоять плотнички у насъ да все работнички: Про кого-же строять то немшоное строеньице? Про кого долбять колоду дуба бълаго?... Не прорублены косевчаты окошечки И не складенъ-то кирпичъ для теплой печечки; Не разставлены столы, столы дубовыи И не срублены крылечушки перёныи.... То про нашего родителя-то батюшку Издолбили въковъшную постелюшку! Сорудили новое хоронное строеньице Въ нову жирушку ему что на живленьице. Кто раздаль казну-ли вамъ безсчётную? Кто наняль работничковъ васъ, плотничковъ? Не по разуму строеньиде состроили И не ладно-то сидъньице наладили! Охъ, какъ послѣ наша-то медова оживленьица Будетъ намъ-ли вдругъ сердешно огорченьице, Такъ ужъ пойдемъ въ любимое въ гостибище Ко свътушку родимому-ли батюшкъ, Ко этому къ его жилищу ко могильному, Къ его-ли ко кресту да ко надгробному. И не сдълано еще крылечушко перёное

^{*)} Задёрньють - дерномъ поростуть.

И новы стнюшки еще ртшетчаты-И не пройти никакъ туды кручинныимъ головушкамъ, Горе-горькімть намь-горюшкамь! Мнѣ-ко стать на рѣзвыи на ноженьки И пройти-бы по хоромному строеньицу Розыскать родителя-то батюшку: Его нътъ-ли то у добрыихъ коней въ конюшенкъ, Али у коровушки молошноей во стойлышкъ? На дворъ-ли нътъ на хободистоемъ, *) Во сарающий-ли нътъ во колесистоемъ? Я пройду, бѣла кручинная головушка, Я во свътлую-ли что во свътличку, Во столову нову горничку, Я возьму его цвътное платьице А и все его другое одъваньице, Я прижму его къ ретливому сердечушку, Приложу его къ безсчастному бълу тълушку: -Охъ, батюшко ужъ тутъ не одъвается. По праздничкамъ жаланный не справляется.... И не впрягать себъ коня то добраго Онъ во саночки себъ да въ самокатныи.... Охъ, что за безсчастья солучилися ужасныи: Я не могла найти, кручинная головушка, Что свово роднаго-ли я батюшки, Что свово отца-родителя, Малыхъ дътушекъ хранителя!-

(Поворачиваясь къ покойнику:)

Во почёстномъ онъ лежитъ да во большомъ углу, Что на этой на брусовой онъ лежитъ на лавочкѣ.... Къ сердцу сложены его то бълы ручечки, Принакрыты тонкимъ бълымъ полотенечкомъ. Охъ, молци, молци, ретливое сердечушко! Пріужахнулось оно, какъ быдто ластушка, Съ малымъ дѣтворьемъ что разставается.... Такъ-ли и мое-ли сёрдечко-то упадается!

(Къ дяди, вошедшему въ избу:)

И покорю свое ретливо я сердечушко
Что жаланному родителю я—дядюшкѣ;
Покорю свое сердечушко покорное,
Я умишечко-ль свое незлобное!
Ты послушай-ко родитель—дядюшко,
Ты теперь намъ будь не дядюшкой,
Будь теперь роднымъ намъ батюшкой!
Будь защитникомъ отъ злыхъ-то людюшекъ,
Оборонушкой отъ буйныхъ вѣтрушекъ!
И работушкой вы насъ да хошь грузите,
Только грубнымъ словечкомъ не сгрубите;
Больнымъ еще ударомъ не ударьте
Насъ. обидныхъ бѣдныхъ дѣтушекъ....

(Опять обращаясь къ тълу отца:)

И ты послушай-ко, родитель нашъ ты-батюшко: И на кого да насъ, сиротъ, ты покидаешь?... Какъ сеголнишнимъ Господнимъ Вожьимъ денечкомъ Я оброночку, горюша, обронила, Потеряшечку, побъдва, потеряла: Я оброночку, горюша, во пятьсотъ рублей, Потерялочку, побъдна, въ цълу тысящу. Обороночка-то батюшки великое жаланьице; Потерялочка-то наше горько увяданьице!... И какъ опосля моего родителя-то батюшки Я одна пойду въ крестьянски-то въ работушки? И опережъ сёго, до этой поры-времячка Со родителемъ со батюшкой да мы ходили И уму-разуму мы отъ родителя учили. А онъ словечушкомъ въдь намъ да не сгрубилъ И работушкой-онъ николи насъ не трудилъ. Пораздумаешь кручинная головушка: Послъ своего родителя-то батюшки Не къ кому горюшъ бъдной пріютиться, Нѣтъ и у кого горюшѣ поучиться,

^{*)} Хободистый—съ поворотами, извилистый, отъ слова хободъ-поворотъ.

И некому теперь и приголубить, Словечушко-ли ласково промолвить! Не я отъ берега, горюша, отшатилася, Не я къ другому-то, горюша, прикатилася, А ты покинулъ насъ, сиротъ-ли безучастныхъ, Своихъ малыхъ дѣтокъ горемышныхъ

(Обращаясь къ матери:)

И ты послушай-ко, родитель моя матушка, Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Вожьимъ денечкомъ Получило ты словечико не милое, Ты не милое словечико-вдовиное.... Да ты сядемъ ко, родитель моя матушка, Мы на эту на дубовую скамеечку Подлъ своего родителя-то батюшки; Ты воскликай ко родительско жаланьице На свою что милую надёжную головушку; Ужь ты выспрашивай, родитель наша матушка, Какъ ростить-то насъ сердешныхъ малыхъ дътушекъ, Насъ станицу-то дътинную, Насъ, сиротину *) болъзную?... И станемъ жить какъ безъ родителя безъ батюшко? Спъси не давай ретливому сердечушкъ, Суровства ты да буйноей головушкъ. А намъ головушку держать да все поклонною, А и сердечушко держать да все покорное Предъ милыимъ спорядныимъ сусъдушкамъ И свътушкомъ братцомъ да сдвуродимыимъ, И нашіимъ родителемъ-то дядюшкомъ.

(Прінзжаеть тетка, родная сестра покойника, и у крыльца начинаеть голосить:)

Ужъ я шла путемъ—широкою дороженькой, Во слезахъ дорожки не видала, Всѣ колоденки, горюша, притоптала,

Вев я камушки, горюша, прищелкала-Во слезахъ ништо не различала!... И пришла-то въсточка ко мнъ да въдь не весела, Пришла въсточка ко мнъ до что не радостна: Нъть во живности что свътушки братца родимаго!... И подломились ръзвы мои ноженьки, И пріужахнулось ретливое сердечушко, И обмирать да стала зяблая утробушка, И одолять стала великая крушинушка, И омрачать стала злодвиная обидушка. И кабы у меня, кручинныя головушки, Выли крылья то, что крыльюшки гусиныя, Я бы къ вамъ скорешенько да прилетала, Я бы летучи дороженьку да скоротала, И свътушка – братца роднаго-бъ я застала, А всёхъ сусёдущекъ-бы вопрошала: -Вы скажитетко спорядные сусъдушки, И вы, племяннички родные - дътушки, Что двется здв на родимой моей родинкв? Вст во добромъ-ли они да во здоровьицт, Во живности-ли свѣтушкѝ-братцы родимые? И я гляжу-ли на хоромное строеньице: Пріунывъ стоитъ хоромное строеньице, На слезахъ стоять стекольчаты околенки, При обидушкѣ стоятъ косевчаты окошечки! По нову что стоить палата гряновитая, Выдто туча на нее нашла да страховитая, По нутру тюрьмы да заключенная. И отшатилось крылечико перёное Отъ этого хоромнаго строеньица, Подогнулись перекладинки кленовыя, Подломилися мостиночки дубовыя: Не по старому все на родимой моей родинкъ, Не по старому на родинкъ, да не по прежнему!

(Сестра покойнаго отворяеть дверь въ избу; дочь его идеть на встрычу къ тетки и голосить:)

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,

^{*)} Сиротину—значить сирот (употреблено въ смыслѣ собирательнаго имени существительнаго).

Катить—жалуеть родима наша тётушка!
Что же подолгу, родитель, спаряжалася,
Что же потиху, родитель, сподоблялася
На свою да на родиму на сторонушку?
И знать великаго безсчастья убоялася,
Знать и безталаньица ты устрашилася?...
Пріукрылся-то родитель нашь что батюшко:
Онъ лежить да на брусовой вишь на лавочкъ.
И можеть, тётушка, хошь ты да поталаннѣе,
И можеть до тебя онъ будеть пожаланнѣе,
Спроговорить, быть можеть, онъ единое словечушко
И сдіеть онъ съ тобою доброе здоровьице,
Что со тобой, родитель наша тетушка!...

(Тетка входить въ избу и причитаеть:)

Мнъ-ко крестъ класти, горюшъ, по писанному, Мнѣ поклонъ вести, горюшѣ, по учёному, Мнъ воздать поклонъ по всъ четыре по сторонушки: Во первой я: милыимъ спорядныимъ сусъдушкамъ, А въ особину поклонъ что свътушку братцу родимому: Первой-то поклонъ - во развы ему ноженьки, А второй-что супротивъ ретливаго сердечушка, Третій-ли во буйную ему головушку Противъ бѣлаго его да личушка. Мнѣ-ко сѣсть-то на брусовую-ли лавочку Подлѣ свѣтушка братца родимаго, Мнъ-ко състь да пригорюниться, Мнѣ припасть да приголубиться И воскликать братушка родимаго: -- Ужъ ты стань--возстань-ли, свътушко, На свои на ръзвы-скоры ноженьки; Отшиби отъ сердца бълыя-то рученьки, Сдій-ко ты со мною доброе здоровьице, И спроговори единое словечушко. И знать разгивался ты, свътушко братецъ родимыей, На меня, да на кручинную головушку,

Что я почасту къ нему да не учащивала, Что я подолгу въ родной сторонкъ не угащивала, У бользныя постели не сильла, У тяжела изголовья не стояла: Тебъ скорыя смерётушки въдь я не чаяла, О злодъй -- кручинъ я о той не въдала! Кабы знала я, горюша, про то въдала, Постановила-бы крестьянску я работушку И пришла-бъ сюда я въ темную то ноченьку: Посидъла у бользной бы постелюшки, Поглядъла бы во ясны ему оченьки, Насмотрѣлась-бы на бѣлое на личушко, Про запасъ-бы я на братца-то родимаго. Ты послушай, свътушко братецъ родимый, Какъ что у твоей семьи да у любимой Понаставлены столы да все дубовые, Разогрѣты - самовары то шумячіе Яства, питія наставлены горячія. Ты по старому-то встань да и по прежнему: Ты во свътлую пойди во свътличку, Во столовую войди во горничку; За столы садись ты за дубовые Распивать чаи и кофеи горячіе. На тарелочкахъ закусочки сахарныя Про тебя, про братца-то родимаго.

(Сестра подходить къ покойнику и прислушивается):

Крѣпко спить нашь свѣтушко отець родимый, Спить кормилець нашь жаланный! На рѣчисты онь не ставится, На сговорь да не сдавается. И проставлены столы дубовые, Понастряпаны закусочки сахарныя Про тебя, про братца то родимаго. Ужь на что-же онь-то не сдавается, И на ѣстушки онь не кидается?

(Затьмъ покойнаго кладуть въ гробъ, а вдова его или дочь, или причатальница вопять:)

Принесли домовище-ли что дубовое,
То немшоное хоронное строеньице....
Не сдавайся ты, любимый то родителько,
Ты со этой со брусовой-то со ставочки,
Что во это во хоронное строеньице!
Ты куды-то нашъ родитель отправляешься
Ты во этой во колодъ бълодубовой?...
Какъ закроютъ-то тебя—что гробовой доской,
Вольше всъхъ тебя горюшамъ не видати,
Никогда словечика твово намъ не слыхати!.....

(Плачь въ то время, какъ везуть въ церковь:)

Какъ попряжены ступисты-то лашадушки Во эти-то во дровни во дубовыи. Повезутъ они родителя жаланнаго Далеко-то что отъ домушка родимаго. Не везитетко, ступисты вы лошадушки, Оступитесь-ко вы на дорожкѣ на широкой, На широкоей дорожкѣ въ путь далекой; Привезитетко родителя назадъ сюда. Большакомъ онъ былъ въ дому да настоятелемъ, По крестьянской нашей жирушкѣ-то управителемъ, Намъ по утрушку —ранымъ-то побудителемъ, На крестьянскую работу разрядителемъ, Намъ во всякомъ-то во дѣлѣ указателемъ!

(Y y e p x 6 u:)

Добры конюшки опять остановились,
Знать они везти-то утомились.
Путь дороженька теперь да миновалася,
Добры денечки на вѣкъ что скороталися!...
Привезли-ко вѣдь родителя-то батюшку
Какъ ко этой Божьей перкви посвященной,
Ко ея Святой оградѣ позлаченной!...

(Въ церкви послъ отпъванія дочь голосить, припавъ на гробъ отца:)

Воску яраго свѣщи да догорають, Херувимскіе стихи-то допѣвають, И батюшкино бѣлое лицо что укрывають, А наше горе горькое-ли умножають!...

(Обращаясь къ священникамъ, она продолжаетъ:)

Спасёнъ Вамъ Богъ, попы, отцы доховные, Вы служители церковные, Вы священны цёркови да отмыкали, Ужъ вы черныя-ли ризы надѣвали, Божьи книги вы да открывали, Херувимскіе стихи, что воспѣвали, Воску яраго свѣщи да сожигали!...

(На могилы:)

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка, Опущають что родителя-то батюшку Во могилушку да во сыру землю И въ погреба его да во глубокіе.... Призасыпали родителя желтымъ пескомъ Прикатили на могилу катучи бълы камешки На могилушку да на умершую.... На тою-ли душеньку отшедшую.... И поставили что крестъ животворящій, Наше горе-горе горькое-ли надрыващій!... Ты послушай-ко, родитель свъть нашъ батюшко, Когда ждать тебя въ любимо во гостибище? По утрышку-ли тебя ждать ранёшенько, Али по вечеру тебя да вотъ позднёшенько Али во полночь ждать по свътлому по мъсяцу?... Хошь-ты по утрышку приди да горностающкомъ, Али по вечеру да сърымъ заюшкомъ, Ай во полночь да перелетной птицынькой.... И буду я сидъть, кручинная головушка,

БИБИИОТЕНА! Карольоного ф. жала! Анадзени на У этого косевчата окошечка. И сожидать-то буду я великое жаланьице Что по темной этой ноченькѣ... Не боюся я, горюшка, и не сполохаюся, И я, свѣтъ мой батюшко, тебя не испужаюся: Отопру тебѣ широкія воротечка, Отомкну что двери я кленовыя, Посажу тебя за столики дубовые....

(Ев всы унимають: «И, полно, быдна, плакать! слезьми не воротишь выдь; всымь тамь быть, да не всымь вдругь: по всых у Господа порука взята! Эхь ты, кручинная-ли головушка!...»)

Здайволюте мн в *), спорядные сусвдушки, Ужъ долитъ меня велика кручинушка, Ошибатъ меня великая обидушка.... Не жалъйтетко кручинныя головушки! И со кручинушки смерётушка не приде, Со обидушки душа съ грудей не выйде; И мое личушко въдь е да не бумажное, Не размочить его что горе-горе страшное, Горе страшное да и ужасное! Текуть слёзы у меня-да не скачёнь жемчугь, У меня, у бѣлой у лебедушки. И на насъ, да на побъдныхъ на голувушекъ, Не по старому печи что красно буде солнышко, Не по старому оно, да не попрежнему: Не обогрѣетъ и ретливаго сердечушка. Одно пече что красное-то солнышко На всею-ли Россею посвященную: Одны живутъ желанные родители, Одно живетъ родительско жаланьице; А на насъ нашло-ли горько увяданьице: То великое жаланье миновало, Грозна туча выставала, Отъ насъ солнышко она заволокала!...

(Въ 9-й день дочь приходить на могилу поминать отца и голосить:)

Мнѣ зайти было кручинноей головушкѣ Мнѣ въ любимо-бы сердешно во гостибище Ко своему родителю ко батюшкъ. На пути нашла, горюша, перепутьице, Край дороженька сердешное гостибище. И какъ почесь было да темной ноченькой Въ сонъ головушка моя да приклонилася, Чудо чудное у насъ да объявилося! И чудно видѣла во сняхъ да темной ноченькой: И прилетала мала пъвчата да будто птичечка И садилась на кочевчато окошечко; Она тоненькимъ носочкомъ колотила, Она жалкимъ голосочкомъ возводила, Человъчьимъ она гласомъ возглашала, Отъ кръпка да сна горюшу возбуждала: -Да ты стань-возстанько, бълая лебедушка, Отъ крѣпка да сна ты пробудися, За родителя-ли ты да ухватися!— Говорила перелетна мала птиченька: -Ты пойди-ко, бълая лебедушка, Ты ко своему либимому ко батюшкъ На сеголній Господній Божій денечекъ.— Я отъ кръпкаго-то сна, горюша, пробудилася, Я за жалка соловеюшка да ухватилася. Пораздумала кручинная головушка: Не во сняхъ-ли то, горюшѣ, показалося На яву-ли то горюшь объявлялося? Говорила перелетная-то птиченька: -Тебя въ гости ждетъ родитель-батюшко На сегоднишній Господенъ Божій денечекъ. Какъ у твоего родителя у батюшки Что поставлено хоронное строеньице, И положено крылечко съ передильцами, И прорублены косевчаты окошечки, А и складена кирпишна тамъ въдь печенька;

^{*)} $3\partial a \ddot{u} sonome \ мип-3$ начить: дайте ми \ddot{b} вволю ч \ddot{b} мь—нибудь нат \ddot{b} шиться,

Позуставлены столы тамъ все дубовыи, Кругъ въдь столиковъ е стульицы кленовыи; И положены è кушанья сахарныя, И поставлены è питвица медвяныя, И по рукамъ все красны ложечки. Снарядилась я въ любимо во гостибище: Ужъ я шла-ли путь-широкою дороженькой, Поспъшала къ Божьей церкви посвященной-Ко тоби, родитель родный батюшко. Омманула перелётна мала птиченька, Оболгаль да малый жалкій соловеюшко: Единая тамъ è могилушка умёршая, Единъ тамъ крестъ животворящій!... Мнъ-ко крестъ бы класть, горюшъ, по писанному Мнѣ поклонъ-бы класть, горюшѣ, по учёному И вѣдь этой пресвятой да Богородицѣ. Вы повъйте-тко, да буйны вътры-вътрушки, Вы со этого теперь да со чиста поля И вы не на поле то въйте-тко, не на моря: Вы на моръ караблей не разбивайтеткось, Безповинныихъ головъ не потоняйтеткось; Ужъ и мужнійхъ вы женъ да не слезитеткось, Ужъ вы малыхъ дътушекъ да не сиротьтеткось; Со домовъ вы шеломовъ да не валитеткось, У крестьянъ да вы домовъ да не раскрывайтеткось, Со Божьихъ церковей крестовъ да не срывайтеткось. Только въйте, буйны вътры вътрушки, Вы на эту на могилушку умёршую: Мурава трава теперь бы размуравилась, Катучи бълы камешки тогда-бъ раскатились, И желтые-бъ пески вокругъ поразнесло, И горе горькое мое бы унесло!... Ты звъзда, звъзда-ли подвосточная, Ты падѝ что на могилушку умёртую! Мать земля-бы разступилася И бѣло-дубова колода пріоткрылася.... И тонки бълы саватинки-бъ размахнулися, И показались телеса бы-то бездушныя....

Я Ісусову молитву сотворила бы, Я бы Господа—Владыку попросила-бы: —Пришли, Господи-ли, съ небеси Ты ангеловъ, архангеловъ,

Протрубили-бы во трубы золоченыя, Воздохнули-бъ воздухи спасёные.... Разважи Ты, Господи, на сердцъ облы руки, Вложи, Господи, Ты душу въ бѣлы груди, Разръши-ли узы замогильныя Моему родителю ты батюшку родимому. Ему зрѣньице верни во ясныя-то очушки И ръчисть языкъ въ уста да во сахарныя, И умъ-разумъ что во буйну-ли въ головушку; Ему силушку во ръзвыя во ноженьки, И могутушку въ могучія во плечушки, И маханьице во бълыя во рученьки! Ужъ ты стань, возстань, родитель, свътъ мой батюшко, На свои на ръзвыя на ноженьки, И ты сдій со мною доброе здоровьице, Воспроговори единое словечушко! Какъ посля тебя, родитель, свъть мой батюшко, Во эти двъ урочныя недълюшки Сытой сыточки горюши, не ъдали, Крѣпка сна да мы, горюши, не сыпали.... Все тоскуемъ по родителю по батюшкѣ! Видно нѣтъ того на свѣтѣ и не водится: Видно мертвые съ погоста не воротятся!... У родителя въ гостяхъ да побывала, Я родителя въ глаза да не видала; Я и думушки, горюша, чай не думала, Ужъ я тайныихъ рѣчей не говорила, Ужъ и жалобныхъ я словъ не находила.... Хлѣба соли у родителя да не ѣдала, Кваса-воды у него да не пивала!.... И далеко-то родительско жаланьице: Что за тридевять оно за сторожами И за тысящу оно да за замками; Сторожа стоять тамъ все не старъють,

Щекутурные замочки тамъ не ржавѣютъ. И ему тамъ не своя вѣдь вольная-то волюшка, Нашему родителю-то батюшкѣ.... И примѣтна лишь могилушка умёршая, А для памяти-то крестъ животворящій.

(Въ 20 и 40 день посль смерти голосять тотъ-же вопль, что и въ 9-й день, иногда съ маленькими произвольными измъненіями.)

№ 2. ПЛАЧЪ ПО УМЕРШЕМЪ ДЕРЕВЕНСКОМЪ ПИСАРЪ.

(Варіанть Олонецкой губ. Записань оть Ирины Федосовой.)

(Въ избу къ покойнику, если его въ деревив любили, набираются обыкновенно крестьяне со всвух деревень, а вокругъ избы стоитъ толпою народъ. Если мать у него есть и не очень старая и жена молодая, то голоситъ сначала послъдняя; если же жены и в тъ, то кума или наемная вопленица.)

Медленно.

Какъ э-тотъ пи- са -рекъ въдь хи-тро-муд рый,

Какъ этотъ писарекъ вѣдь хитро-мудрый, Крестовый-то вёдь онъ мой кумушко, По сватосьву-ко онъ мнт роднюшко, Онъ во свътлыя ходиль во своей шляпьъ, Онъ въ нъмецкиемъ сидълъ да въ одъяньъ, За столомъ сидълъ да за дубовыимъ, За буматама сидълъ да за гербовыимъ; Онъ перо въ рукахъ держалъ да лебединое, На столъ была чернилица съ чернилами, Со парадомъ онъ да управлялся-ли И всъмъ обчествомъ ему да поклонялись-ли. Ему честь да было мѣсто во большомъ углу. Почитали его многи добры людюшки И поклонялися крестьяне православныи; И проторена была широка-то дороженька Ко этому крыльцу да ко перёному, Ко этому строеньицу хоромному, И подогнаны были ступистыя ямски лошадушки.

Ужъ онъ вздилъ что въ управу ко исправничку. И въ отъйздъ онъ йздилъ ко начальничку, Какъ прівдеть, срвтять его добры люди: Скинутъ шубушку его что соболиную, Поудернутъ стульчикъ-то ему кленовый И широко-ли раскроютъ столъ ему дубовый. Вьють челомъ ему да низко кланяются, Ко его-ль ко нраву-обычью подлаживаются. Ему имечко было да со изотчиной, Со изотчиной оно-ли, со добавчиной Отъ добрыхъ ему было людющекъ. Какъ сегодня, сего денёчка Господня Его жизнь теперь перемънилася, Ему скорая смерётушка случилася На удивленьице въдь добрыимъ всъмъ людюшкамъ, На среканьице споряднымиъ сусъдушкамъ. Что случилося-то надъ удалою головушкой, Что случилось надъ крестовымъ моимъ кумушкомъ? Пришла скорая злодъйная смерётушка, Раззоряется домашня его жирушка. *) Солучилася великая невзгодушка Послѣ этого крестоваго что кумушка: Прівзжать стали злодвиный-то людюшки, Раззорять стали казну его нажитую, Продавать стали скотинушку любимую И ступистыихъ удальихъ лошадушекъ. Какъ у моего что у крестова батюшки Пристаръйшая родитель его матушка, Край кирпичной-то сидить она у печеньки.... Уныватъ ея ретливое сердечушко, Разрывать себя тоска великая кручинушка! Она горькима слезьми что обмывается. И сиротсвіемъ своимъ да убивается.

(Мать принимается голосить:

Какъ поразсталася съ сердешнымъ моимъ дитюшкомъ, Раззорилася домашня моя жирушка

^{*)} Жирушка-значитъ: жизнь.

Послѣ моего роженаго-то дитятка! Приходить станетъ бладычный Божій праздничекъ, Поъзжать станутъ къ бладычному ко праздничку Его милыи любимы споровечники, Что хоробрые удалы добры молодцы. Ужъ я, бъдная кручинная головушка, Какъ похаживать я стану-то по съничкамъ И поглядывать я стану во косевчато окошечко На прогулочку, да на широку уличку, На этихъ на спорядныихъ сусъдушекъ, На красныхъ дъвушекъ – лебедушекъ, На этихъ на удалыхъ добрыхъ молодцевъ?... Разупряжены ступистыи лошадушки, Разукрашены златистыи ихъ збруюшки, Поналёваны все пвътныи-то платыюшки На могучіи бурлацкій на плечушки. У меня-жъ, кручинной у головушки, Унывать мое ретливое сердечушко, Одолять великая тоскачушка.... Брощусь со горя въ новы съни ръшетчаты, Со обидушки во свътлу я во свътличку, Въ росписну мою-ли въ горничку. Какъ во свътлой моей свътличкъ Нѣту цвѣтнаго-то платьюшка, Что сердечнаго рожена мово дитятка. Что и брошусь я во нову-то въ конюшеньку, Во конюшенькъ въдь нътъ-то коня добраго, Во избъ нътъ дитятка роженаго. — Было въ живности сердешно мое дитятко, Я при всемъ жила, горюша, во довольствіи, Было полно мнѣ, какъ чаша продовольствіе. Я не въдала, сердешная, заботушки: Вев мы досыта-ли вли хлвбушко, Безотчётно велика была злата казна И бладычная была своя рука! При своемъ сердечныимъ-то дитяткъ Я богатаго сусъда не боялася, Маловажному сустду да не покорялася;

Я не чаяла, не въдала, вотъ беззаботная. Что придетъ во избу скорая смерётушка. И унесеть довольствіе мое кручинушка! И не чалась я-то горя, не началась, И рвалось сердечушко-не разрывалось. И не снилася така-то мнѣ кручинушка: Раззорится какъ крестьянска худа жирушка. Сиротъть пойду-то бъдноей голувушкой, Вуду жалиться своей я горькой долюшкой.... Буде по миру горюши находиться, Буде по двору горюши нашататься, По подоконью горюши настояться, Мнъ-ко милостынечки, горюша, напроситься. Не носили-бъ меня рѣзвы мои ноженьки, Не глядъли-бъ ясны мои оченьки Какъ на бълое на свътло личушко И на красное на солнышко Какъ послѝ-то бъдна мово дитюшки Мнъ пойти-то, горемышной, сиротинствовать, Унимать мое горючее сердечушко?... Перетлескаетъ ретливое сердечушко, Перезябла моя бъдная утробушка Послѣ своего сердешнаго-то дѣтушки. И пустымъ въ дому все стало въдь пустёшенько, Унылымъ стало все унылёшенько, Со сердечныимъ какъ дитяткомъ разсталася, Какъ я съ горемъ горькіммъ позналася!... Ломъ, житье мое теперь все раззорилося У меня, да у безсчастной у головушки. Какъ эта-то злодъй что скорая смерётушка, Она стрѣтила рожёно мое дитятко На пути да на широкой на дороженькъ. Какъ прівхаль-то сердешно мой рожёно дитятко Ко крылечику да ко перёному, Какъ я вышла-то, кручинная головушка. Какъ на это на перёное крылечико И зглянула на рожёное-то дитятко: Въ перемънъ его бълое то личушко.

Подъ томаномъ его ясныи-то очушки, И поразвились-то свътлы его кудерки На бурлацкой молодецкой на головушкъ. Туть ужахнулось ретливое сердечушко У меня да у ретливой у головушки; Возгорчилась я, побѣдная головушка, На сердешно на рожёно свое дитятко. Думала побъднымъ своимъ разумомъ: Видно допьяна рожёный напивался, Съ того въ личикъ-то онъ перемънялся; Ясны очушки его такъ помутились И подъ лобикъ ясныя что подкатились Я взгруснула на сердешно свое дитятко: — Аль ты допьяна-ли напивался, Али до отвала гдѣ-ты наѣдался? — Онъ отвътъ держалъ мнъ въ тихости, Онъ не съ грубости-ко, аль не съ лихости, Отвѣчалъ-то мнѣ онъ ласковымъ словечушкомъ: — У меня и рюмочка въ рукахъ да не бывалось, Сладкой водочки въ глаза и не видалось. Ужъ какъ вхалъ я путемъ широкою дороженькой, Помутилась буйная головушка-то молодецкая, И подръзало ретливо-то сердечушко. Ужъ не зналъ-не въдалъ я, родитель моя матушка, Что и двялось со добрымь со мной молодцемь...-Какъ прошелся онъ хоромнымиъ строеньицемъ Въ тепловитое во гнъздышко, Онъ роздалъ свое увъшное да платьице, Онъ и выслалъ-то что печеньку кирпишную, Пріукрыла соболинымъ я его да одъялышкомъ, И задумалась сердешная головушка, Что простуда охватила бъдное то дитятко. Унывало вотъ ретливое сердечушко.... Какъ во всю эту урочную неделюшку Я по дохтурамъ, горюшица, ходила, И по колдунамъ-то я, горюшица, бродила; Думала, что взыщу доброе здоровьице, Сохраню отъ злаго недуга-то бъдно мово дитятка,

Отъ лихой спасу его смерётушки. Видно много тяжкаго грѣха я согрѣшила, Ужь я Господа Владыку разгивнила: Пять годовъ я въ церкви не бывала И воскресныихъ объденъ не служила, Воску яраго свъщей я не топила И не ставила-то пресвятой ихъ Богородицъ, И молебенку-то на яво я не служила, Тъмъ я Господа Владыку разгитвила! За то отнялъ онъ сердешно мое дитятко, Разлучилъ меня съ скаченоей жемчужинкой, Со единымъ со сердешнымъ моимъ дитяткой. Осиротиль сироту меня побъдную И несчастну меня матерь горе-горькую, И истарую горюшу меня къ старости! При и древней моей древности Позябу я на кирпишной то на печушкъ, Да и по міру-то я голодной нахожуся. Не видна-ли моя скорая смеретушка... Въдь не нищаго его, не волокиднаго И не бъднаго она, да не убогаго, И не горкаго-то пьяницу шатучаго, Она взяла мое красное-то солнышко, Разлучила со сердешно мое дитятко! Вы послушайте, спорядные сусъдушки: Вуду жить посли свово сердешна дитятка Какъ я во сиротской, во бобыльской своей жирушкъ, Послъ этого велика удовольствія? Не покиньтетко, спорядный сусъдушки, Во душевное спасенье залучитетко-ль, Мнъ-ко милостинечку, горюшь, сотворитетко-ль? Можно знать да свъдать вамъ, спорядным сусъдушки, Я при староей, горюша-то, при старости: Мои ноженьки, горюши, притопталися, Вѣлы рученьки мои да примахалися, Ясны оченьки мои да помутилися, Умъ тотъ разумъ во головушкѣ да помѣшался, Сила мощна что моя да придержалася

Къ неспособной ко крестьянской ко работушкѣ; Дума думушка меня да пошибаетъ, Умъ за разумъ у горюши забѣгаетъ!. . Какъ то при сердешноемъ при дѝтюшкѣ Какъ шумѣли самовары-то шумячіи, Распивали чаи, кофеи горячіи, А послѝ мово сердешнаго-то дитятка Дубовы столы да пошатилися, Самовары со столовъ да покатилися, Вся вѣдъ чайная посуда поразбилася. Не до чаю мнѣ теперь, да не до кофею, Не до сладкихъ до медовыихъ закусочекъ: Я-те думаю теперя одну думушку — Пропитаться мнѣ до скорой до смерётушки.

(Когда покойника кладуть въ гробь, кума вопить:)

Во ужъ съвхалися людюшки незваныи, Люди странныи ли все, нежданыи, И несутъ они колодью что дубовую, И кладутъ въ нее кручинную ли голову. Отстраните вы народъ тотъ, люди добрые, То въдь людюшки чужѝ, неродные, Имъ лишь денежки то сокрушити, Родныхъ-роднюшекъ что сокрушити!...

(Дорогой въ церковъ кума или родня покойника голосить:)

Оступитесь-ко, ступистыи лошадушки, Распадитесь-ко вы, сани самокаточки, Отпустите вольну душеньку на волюшку Во привольную вы взадъ во жирушку! Не студитетко его вы личка бѣлаго, Вы и вѣтрушки-ли буйные, Непогодушки вы шумныя. ..

(При въпздъ въ церковную ограду:)

Пріоступилась лошадушка ступистая. Распахнулась дверочка-ли распашистая, Привезли любимаго мы писарёчика Что не на перёное его крылёчико, Привезли его мы въ Божью церковку Въ въковъшную его здъ жирушку!...

(Въ церкви мать голосить:)

Ой, дитё мое, дитё родимое, Дитё б'вдное мое рожёное, Ты куды-ль отъ насъ да сокрываесься, Ты пошто, пошто не поднимаесься! Встань, родимыей, на ноженьки, На козловыи сапоженьки; Ты откинь свои-ли ручки б'влыя Что отъ груди—грудушки болъзныя!...

(Посль отпъванія, когда выносять покойника на кладбище:)

Вы куды мово рожёнаго несететко, Вы куды его въ колодъ волокётетко? Ужъ вернитеткось назадъ въ хоромьице, Во родимое его-ли что строеньице, Во нову избу его, что ѝзобку сосновую, На постелечку положьте-ко пуховую!

(Глядя на могилу:)

И пошто вы эту землюшку изрыли, Радости моей вы жирушки туды спустили!... Не заступится-ль народъ здѣ православный, Не отыметь-ли рожёно мое дѣтушко Онъ отъ ямушки-ли — скорыя смерётушки!

(На зарытой могиль:)

Что сокрылся-то бѣлый денный свѣтъ, Помутилися очи слезныя, Не несутъ меня ножки рѣзвыя.... Горе мыкать мнѣ вѣкъ одинокоей,

А и скорбью скорбёть что глубокоей!
Ужъ не буде, горюшу, сынокъ утёшать,
И нётъ моченьки мнё горе то изживать:
Я разсталась на вёкъ съ ненаглядныимъ....
Кто-жъ поможетъ теперь времемъ страдныимъ?
Развалится мое-ли домишечко,
Обрушится перёно крылечико!
Приняла-ли его мать сыра земля
Во широки объятья, рожёно дитя....
Я осталась однымъ — одинёшенька
Что со горемъ своимъ-ли, старёшенька!...

(Кума и родня берутг старуху мать покойника подг

№ 3. ПЛАЧЪ ПО СЕСТРЪ.

(Въ большомъ углу подъ образами около тъла покойницы воетъ сестра родная.)

(Записань оть Ирины Федосовой.)

Мнѣ ступить-ли-то, горюшѣ бѣдноей, Что на этое крылечко на перёное; Мнѣ услышать-ли ужахну вѣсть, Да и какъ сердечушку ее изнесть? Я по петличкамъ-то дверь пріотпахнула, Я по пятничкамъ ее пріотпахнула; Я тихохонько во горенку ступала, Я дубовую-то дверь призатворяла: Не збудить-бы мнѣ сестрицы найродимыя, Не встрашить-бы *) мнѣ ее, жаланныя. Я легохонько къ сестрицѣ подходила,

Какъ-бы я ее да не пріобудила, Одъяльце ей на плечи надвигала, Тёпло на тепло ее пріукрывала, Отъ простудьина ее оберегала. Что-же сдіялось съ жаланною сестрицей? Отчего-же хворотьба ей солучилася? И разлучилась съ семеюшкой родимой, Со сестрицынькой своей любимой? Знала-бъ вѣдала я ту невзгодушку, Горе-горкую-ли ту обидушку, Я-бы къ горюшт раненько посптиала, Отъ смерётушки-бъ ее пріохраняла; Супротивъ лица ея сажалась-бы, Подъ право ушенько ее держала-бы; Злу напастюшку ту отгоняла-бы. Темной ноченькой она-бы не втомилась, Нонь при доми бѣдушка-бъ не солучилась. Ой, тошнымъ, горюшъ, мнъ тошнёшенько, Горькимъ горюшкомъ горчёшенько: Пооставила печальныхъ насъ головушекъ, Поприкинула своихъ любимыхъ лапушекъ! И на убыль-то пошла семеющка, А и въ ужасъ-то клонитъ головушка. А какъ было во ту пору времечко, Какъ по утрышку ты-то ранымъ вставала, Чисто на чисто избу ты припахала, Хлѣба пышные сама ты испекала, Рѣзвы ноженьки свои пріутомляла. Ты во доми-то была что солнышкомъ, Во двори-то ты была да вотъ работничкомъ, Малымъ дътушкамъ была заступница, Добрымъ молодиамъ была радъльница, А семеюшкъ была заботнипа. Роду-племени что въковъшная печальница: Нонт солнышко-то наше закатилося, За дремучій лісь оно сокрылося Ко великому злодійскому печальицу, Къ рода – племени-то вотъ безсчастьицу.

^{*)} Встрашить - устрашить, испугать.

(Къ дътямъ, если они остались послъ покойницы:)

Малы дътушки вы, несмыслёшеньки, Остались-то вы, малы малёшеньки Вы безъ матушки родимоей Въ бъдъ-бъдушкъ великоей. Вы, скачёныя жемчужинки, Ваше тѣлушко-ли изнѣжёное, Ваша волюшка да кубалёная: *) Вы что въточки сухи безъ яблоньки, Что утятушки малы безъ уточки ... Ваши рученьки-бумажныя, Ваши ноженьки-вертляжныя, **) Тъло тълушко - слабенько, Дътски ръчушки-глупеньки; Вы втеряли матушку да не во времечко ... Что сомкнуты ея ясны оченьки, Что призамерли то быстры ноженьки, Отлетѣла-то ея что душенька Изъ болъзна слаба тълушка! А вы плачете, горюши, убиваетесь, Съ горькимъ горюшкомъ вы не свыкаетесь; Воздымаютъ воплюшки что ваши плечушки Отъ великоей-то злой кручинушки!...

(Обращение къ покойници; когда ее кладуть въ гробъ:)

Ой, злодви-то оны, злодви супостатные, И пошто внесли они колодушку добовую, И пошто класти тія въ нее, жаланная? Ты пошто насъ покидаеши, Пошто, горькіихъ, насъ убиваеши? Догорвла-то сввща теплёная Что у образа у Спаса милосливаго, То дотеплилась-то жизнь земна—

*) Кубалёная—холенная.

Переставилась-ко ты до Господа! Знала-бъ, вѣдала-бы я писати, Я-бъ персонь твою могла снимати, Да на мѣдные гроши я не училаси И таланьицемъ-то я не надѣлиласи; Не вдогадъ мнѣ писаря-бы докликатися, Ай бумаженьки у ёво допытатися.

(Къ дытямъ:)

Наглядитесь-ко-то вы, безсчастные, Подымите оченьки вы ясныя Вы на матушку свою родимую Про запасъ-ли на разлуку долгую. Кто безъ матушки теперь родимоей Вамъ волосики-то буде расчесати, А и въ косыньку ню заплетати? Кто обуетъ ваши ножки рѣзвыи Во чулочики вязёныи?... Сжалуются-ли что сродичи-то сродчи Надъ вашимъ-ли что горемъ безъисходнымъ, Надъ вашимъ-ли сиротствомъ безпріютнымъ? Ай *) дождетесь темной ноченьки, Кто положи на тесовую кроватушку, Кто збудить приде съ пораннему по утрышку, Опосли смерётушки родитель вашей матушки?...

(Къ роднымъ и сусъдямъ:)

Сжалосливьтесь-ко, сусѣди спорядовыи, Смотрючѝ что на сѝротски горьки слёзыньки; Соберитесь-ко. порода родовитая, Что на выносъ мёртва тѣлушка на волю. Ужъ вы сдыньтетко свои-ли ручки бѣлыя Что на двери дверюшки сосновыя; Становитесь вы къ колодѣ бѣлъ-дубовой, Вы здымитетко ее со лавочки брусовой, Вы неситетко ко саночкамъ-ли новымъ.

^{**)} Вертляжный—слабый, подвертывающійся.

^{*)} Ай-значитъ или.

(Гробъ выносять и ставять на сани. Вопленица голо-

Ты пошто зіяеть солнце красное? Не утишить что мово ты горюшка безсчастнаго, Лучте-бъ бурю бурюшку ты насылала, Да сестрицы бъ родноей не отымала! Лучте-бъ разразилось тучей громовитой, А и непогодушкой-бы страховитой, Може такъ сестрицу ты-бъ пріобудила, Може тъмъ смерётушку ейну устрашила.

(Подъпзжая къ церкви:)

Во и церковки ужо видны маковочки, Золочены ясныи головочки; Во воротушки ужъ настежъ растворилися, Чтобы санушки не пріостановилися.

(Въ церкви до отпъванія:)

Вы попы, отцы духовные,
Вы служахи-ли, служители церковные!
Не жалъйтетко свъщей вы воску ярова,
Не жалъйтетко фильяна *) вы кадельнаго!
Не жалъемъ-то мы золотой казны,
Не жалъемъ сребра мы и золота:
Ужъ вы справьтетко честно что похороньице,
А на предь что циковично **) поминаньице.

(Въ церкви послъ отпъванія:)

Припотухли ужъ свѣщи-то воску ярова, Призамолкли-то молитовки надгробныя, Упокоилася душенька что вольная! Отлишилися сестрички мы родимоей.... Какъ сустигла насъ великая кручинушка,

Рання скорая горюшина смерётушка! Малы дѣтушки надъ гробомъ возрыдаютъ, Ко родимому лицу въ послъдяхъ припадаютъ:... Отрекнулася отъ роду-то отъ племени, Нонъ жителька она небесна, Ея душенька что безтълесна!

(На могилы:)

На твоей что на горюшиной могилушкъ Всёй не изженить *) тоски моей кручинушки! Какъ безъ тія въ домъ намъ ворочатися, Безъ твоей заботушки какъ изживатися? Въ раззоренную столову какъ пройти мнѣ горенку, Отомкнуть мнѣ какъ дубову дверюшку? Какъ ступить въ хоромное строеньице Безъ твово, горюши, тамъ живленьица? Содержать-ли намъ то горюшко во сердив, Какъ изнять его, горюшица, изъ мысли?... Разгорълася моя безсчастная утробушка. Распалилося ретливое сердечушко По тебь-ли, по любимоей сестричушкь. Нонь молю тебя, моя жаланная, Ты сестриченька, голубонька сердешная, Твою душеньку молю я, слобожденную, Твою душеньку молю, спасённую: Оберниськось-ты что пѣвчей птиченькой, На окошечко ко мнъ ты прилетайкоси, Тонкимъ голосомъ ты возжупляйкоси, Меня, горюшку, ты звеселяйкоси! Ты повызови меня раненько, На околенкъ запой ты жалобненько. А какъ здыну я что бълы рученьки, Ты взмахни ко мнъ-ли во свътелочку, На мои могучи плечушки ты подкутися, **)

^{*)} Фильянъ-фиміанъ.

^{**)} Циковично — (μ (p)ковично? сост. Дерк.-Слав. въроятно p съ теченіемъ времени выпалъ при скоромъ произношеніи)—значитъ: церковное.

^{*)} Изженить - изгнать.

^{**)} Подкутиться—приотиться. (Посербски «кодъ куки» дома, кука—домъ.)

У сердечика моёво пріютися. Сожидать тебя, надёжную головушку, Вуду долгую я, долгу ноченьку. Али взвейсятко ты малой пташечкой Надъ своей что малой дътворой. На яву коли, сестрица, не привидишься, Не во сняхъ-ли мнѣ объявишься? Ты скажи словцо мнъ тайное. Что и тайное да непроносное Про твое-ли сокровенно про жаланьице, Про твое-ли да ко намъ-ли провидъньице. Аль возстань-ли возстань съ гроба дубова, Ты промолви - скажи словцо ласково; Растряси-разорви бѣлы саваны, Отвали-откати бѣлы камени; Ты откинь-подыми гробову доску, Ты расправь-протяни ручки бълыя, Ты воскинь-ли на насъ ясны очушки, Ты ступи-размахни ръзвы ноженьки! Ты вернись-ко, вернись въ стару жирушку, Во любиму свою свътлу свътличку! Не убойся ты что побъдная головушка, Срѣнемъ мы тебя во радостнёшенько, Отчинимъ-ли дверечки скорёшенько, Чтобъ съ пораннему пътушью воспъваньицу, Чтобы съ птичьему-то клокотаньицу Твоя душенька не отлетала-бы, Въ мёртвы саваны вновь не спѣшала бы! Я-бъ воротечки широки заложила, Я-бъ окошечки косевчаты закрыла-Не пустила-бы сестриденьку я взадъ уйти Отъ крестьянской вновь отъ жирушки! Ты пошто молчишь, родимая горюша? Ты не баешь ни словечика утѣшна? Знать что мёртвые не воставаются, Со погостушка не ворочаются!...

№ 4. ПЛАЧЪ ПО ЖЕНЪ.

(Если замужняя женщина умираеть, когда ея дѣти еще малы, то мужъ покойницы посылаеть звать поголосить по ней самую ближайшую родственницу покойной: сестру, тетку или др.; если же родни женской иѣтъ, то беругъ просто наемную вопленицу. Подойдя къ дверямъ, вопленица начинаетъ вопить:)

(Варіанть Вологодской губ., записано оть нищей Ульяны). Медленно и слезно.

Охъ прой-ти- то нъ ту мо-чи, нътъ мнъ мо-чень-ки, Охъ пройти-то нъту мочи, нътъ мнъ моченьки Черезъ этую мостинку-что мостиночку, Черезъ этую опасну деревиночку: Надсъдаетъ-ли мостиночка дубовая, Надломилась перекладинка кленовая... Протяну я руку бълу, ручку бълую Я на дверь-ли затрорёну, затворёную, А и дверюшка сама вдругъ какъ распахнется, Мое сразу тутъ сердечко пріужахнется... Не сестрица то мнъ на сръту сръталася, Дѣтвора въ избѣ то мала убивалася... Горько-жалобно слезьми-то заливалася. —Охъ вы, дътушки, дътушки, малы лебедушки, И съ чего вамъ горе-горькое-ли приключилося, Что за бъдушка въ дому да солучилася?... Али матушка за балосьва бивала, Аль не по лътамъ работушкою угнетала? И пошто вы всв немываны, нечёсаны, По плечамъ косицы мохрами разбросаны?... Разступитесь-ко, народъ, да люди добрыи, Дайте мъсто мнъ, спорядныи сусъдушки, Мнъ не конюшкомъ протхать, ко сестръ пройти, Во новыя сѣнички рѣшётчаты войти. —Что-жъ нейдешь ко мнъ, сестрица, на срътаньице? Сдій-ко ты со мною доброе здоровьице!

(Входя въ избу:)

Кто-же тамъ лежитъ да во большомъ углу?...

Передъ къмъ теплятся свъщи воску ярова? То предъ образомъ-ль бладычнымъ свѣщи топлятся, Передъ Спасомъ-ли милосливымъ да молятся?... Нъть не образъ тамъ бладычный проявляется, То по матушкъ робятки сокрушаются! Во лежить она въ почёстномъ во большомъ углу... Много ѝзжила горюша на своемъ вѣку: Ты и горестей видала и напастей, Ты и больстей, и страха, и ужастей; А теперь лежишь спокойно въ горенкѣ столовой, На брусовой лавочкѣ въ избѣ ты новой. На груди-то бълы рученьки сложёны, А уста и глазоньки на въки что смыканы... Я поклонъ тебѣ чиню, горюша, по учёному, Я и кресть тебъ кладу, горюша, по писаному Что на три да на четыре-ли сторонушки, А особину поклонъ тебѣ, бѣлой лебёдушкѣ, Малыхъ дътушекъ родимоей-ли матушкъ. И что сдіялось-то здісь да солучалося, Что душа-то съ тѣломъ разставалася? И кака больсть гнетучая сестриць приключилася, Что душа ея-то съ тѣлушкомъ простилася? Охъ, сестрица-ли моя ты родная, Горе-горюшка моя-ли ты бользная, На кого ты малыхъ дётушекъ оставила, И на чью заботушку ты ихъ покинула? Аль тебя робятушки твои да прогнѣвили, Словомъ грубныимъ тебъ-ли согрубили? Ты згляни, згляни, какъ дътки убиваются, Какъ оны слезьми горючьми заливаются: Что-же будуть діять малые-то дітушки Безъ своей родимоей-ли матушки? И кто дътушекъ-то стане снаряжати, Лички бълыя кто стане умывати? Кто-же дътушекъ твоихъ-ли вспоитъ- вскормитъ, Кто головушки побѣдны приголубитъ? Ты была-то вѣдь, горюша, неспѣслива, Къ дѣтворъ была ты жалослива;

Ты съ умомъ да разумомъ семью водила, Словомъ грубнымъ николи ты мужу не сгрубила: Безотвътна, на работушку проворна, Ты во всемъ была ему во въкъ покорна. Горячо ты въ церкви по бладычнымъ днямъ молилась И широкіимъ крестомъ-ли ты крестилась; Почитала въ дѣвкахъ ты родителевъ своихъ, Свово батюшку и матушку родныхъ; Ты съ сусъдями жила да похорошему, Говорила рѣчи съ ними да поласкову: И съ невъстушкамъ своими ты не вздорилась, И съ золовушками ты не бронилась. Ты дарила всёмъ богатые подарочки: И жемчужны серьги со подвъсточки, И колечки съ яхонтамъ что позлащеныи, И узорчаты платочки левантёровыи: Имъ на памятки-ли шубья соболиныя. На подкладочку-ли перья лебединыя. А пойдешь какъ на Господень Божій праздничекъ Ты во церковь въ сарафан'я раструбистомъ. Вълы плечушки-ли изукрашены монистомъ, Ты идешь-плывешь, что пава, вдоль по уличкъ, А усмѣшка прикрашаетъ бѣлое твое что личко. Дътвора твоя идетъ да вся умывана, Чисто платьице на нихъ надёвано.... А теперь кому свою заботушку отдашь. Ты сиротушекъ своихъ кому-то передашь? Ты згляни, згляни, хозяинъ твой какъ убивается: Онъ безъ вътру-вътрышку въ избъ шатается! Онъ въдь думаетъ свою-ли кръпку думушку. Что куды склонить ему кручинную головушку?... Какъ онъ стане съ дътворой одинъ справлятися, Безъ родимой матушки какъ стане поспъватися?... А твоя родитель-матушка-ли богоданная, Охъ, что долюшка ея да безталанная! На кого ее, горюшу, оставляешь, На кого родимую ты покидаешь! Въдь она старымъ-стала старёшенька,

Въдь къ работушкъ она ужъ неможнёшенька; Какъ-же съ дътушками будетъ ей справляться, На работушку кресьянску снаряжаться? Въдь какъ ты на свъть-то мыкалася, Твои дътушки что сыръ въ маслъ каталися. За тобой, горюшей, всв-ли въ доми укрывалися. Какъ хозяину теперя жить да безъ хозяющки, Какъ работушку справлять да безъ работнички? И придетъ нужда въ другой законъ-ли поступитися, На другой-ли да на лапушкъ женитися. Хошь люба ему та будеть лапушка, Хошь сладка ему-ли будеть нова жирушка, Малымъ дътушкамъ то будетъ жизнь плохая, Какъ въ дому-то заведется мачиха лихая. Буде грозна злая мачиха на детушекъ покрикивать, Она утрышкомъ ранёнько буде ихъ позыкивать; Она долго дътушкамъ чужимъ спать не давае, На работушку суровую ихъ посылае; Словомъ ласковымъ она не называе, Грубо на грубо дътвору порывае. Не расчешеть вона русыихъ головушекъ, Не областить младыхъ ихъ сердечушекъ. И не мываны оны сидять, не чесаны, Съ утра ранняго не кормлены, не поены. Она пъсенокъ имъ пъть что не давае, А Ісусовыхъ молитвъ твердить не разрѣшае. Будуть дітушки твои у ней-ли въ черномъ тілів, Не въ балосьвъ-нъгушкъ какъ-бы досель: И грубнымъ словечушкомъ она въдь имъ сгрубитъ-то, И съ отпомъ-батюшкою ихъ разлучить наровитъ-то. А скоро дътушки у ней что народятся И съ сиротинками не будетъ имъ ровняться: Своихъ она и бълой рученькой погладить И на колѣночки къ себъ усадитъ; Твоимъ-же мъсто-мъстечко за печкой, Иль не сомножечко въ углу-ли за дверечкой. Ты послушай-же, сестрица найродимая, Ты зачёмъ-ли дётушекъ своихъ покинула,

Ты почто, почто сиротушекъ оставила?
Аль на въчное ты ихъ да на мыканье,
Горе— горькіихъ своихъ на изныванье? ..
Ты раскинь свои-ли руки, ручки бълыя,
Ты открой-ли глазки, глазоньки что ясные,
Ты спусти-ли ноги, ножки ръзвыя
Что на мостъ, на перекладинки сосновыя!
Ты возьми-ли дътушекъ за рученьки,
Ты прижми-ко ихъ къ ретливому сердечушку,
Ты гляни имъ въ очи, въ очи свътлыя,
Осуши ихъ слезы, слезы горькія...
Припадутъ оны къ ретливому твому сердечику
И изгонятъ изъ избы лихую мачиху,
Будутъ жить опять съ тобой-ли припъваючи,
Злую долю—долюшку не вспоминаючи.

(Когда умершую положать подъ образа и затеплять свычи:)

Подходитетко вы, горе-горьки детушки, Что къ своей-то вы родимоей-ли матушкъ, Припадите на колѣнки вы передъ родимой, Поцълуйте ея личушко еще разокъ единый. Сладко спитъ родима ваша матушка, Ужъ не бьется и ретливое сердечушко: Ея душенька теперь на томъ свъту у Бога, У Его теперь Святаго у Престола. Съ того Свъта васъ она благословляетъ. Вогу—Господу таку молитву сотворяеть: -Ты спаси, да Боже-Господи ты милосливый. Ты до малыхъ сиротинушекъ что жалосливый, Ты спаси моихъ робятушекъ что отъ напасти, Ты пошли имъ, Господи, на землю счастье! Ужъ и Спасъ ты, Спасъ-ли многомилосливъ. Ты спаси моихъ сиротушекъ маленькихъ, Ты отъ бури ихъ спаси, моихъ родненькихъ, Оть людской-ли злобы, оть напасти злой

И отъ мачихи спаси ты ихъ лихой!
Ты Покровъ-ли Богородице, Дѣва — Мати неутѣшная,
Ты заступница сиротокъ вѣковѣшная,
Ты покрой сиротъ отъ тучи страховитыя,
Ты отъ облака-ли, облачка ихъ гряновитаго.
Даруй радости имъ въ жизни даровитыя,
Даруй почести имъ, почести — что именитыя,
Чтобъ не плакали — тужили ясны оченьки,
А работой не трудили нѣжны ноженьки,
Чтобы въ Господа оны всечастно уповали,
Да и мать свою, горюшеньку, не забывали!—

№ 5. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЛАЧА МАТЕРИ ПО СЫНЪ.

(Варіант Вологодской губ. записант от нищей Ульяны.) Медленно.

Ты послушай-ко, рожёно мое дитятко, Ты пошто, пошто отъ насъ да укрываесься, И пошто ты съ нами разставаесься?... Аль не видишь ты моей печали-горюшка, Аль не въдаеть кручинная головушка, Что сердечушко мое-ли оторвалося, Съ горя—горькаго оно да надрывалося?... И въдь я тебя, горюша-то, вскормила, Подъ сердечушкомъ тебя я въдь носила... А теперя сердце мое пріужахнулось, Грусть, злодъй-тоска со мной, кручинной, сдіялась. Распахни-жъ свои ты руки, ручки бълыя, Ты, дитя мое рожёно, ненаглядное; Ты открой свои-ли очи, ясны очушки На мое-ли горюшко что безотрадное. На крыльпъ стоятъ любимы поровечнички, У вороть стоять упряжены лошадушки, А ты спишь, все спишь, сыночекъ ненаглядный мой! Я пойду, пойду къ крылечику перёному. Я скажу твоимъ любимымъ поровечничкамъ: —Ужъ вы подьте-ли, любимы поровечнички, Вы ступите-ль на крылечико перёное, Вы войдите-ли во сѣнички рѣшетчаты; Ужъ вы сдыньте свою руку, ручку правую Что на дверь вы сдыньте-ли да на дубовую, Вы на тягу сдыньте на желѣзную; Вы войдите въ мою горенку-ль столовую, Побудите вы родимо мое дитятко: Поднимите его буйную головушку, Вы спустите его ноженьки со лавочки. Вы обуйте ихъ въ сафьянные сапоженьки, Снарядите вы его въ цвѣтное платьице, Проведите-ли да на широку уличку, Вы мое дитя рожёно на прогулочку. Аль не чуешь ты, мое дитя-ли милое, Какъ болить мое сердечушко унылое? Пожальй свою горюшу—родну матушку, Взвесели мою безсчастную утробушку! Какъ разстаться мнв съ своимъ любимымъ двтушкой... Ты зачёмъ меня оставилъ одинокоей? Кто со мной пойдеть что льтомь на работушку. Кто раздіеть въковъшную заботушку?... Ты приди ко мнѣ, къ кручинноей головушкѣ; И съ какой мнѣ ждать тебя да со сторонушки: Ты по утрышку-ль придешь да во раздольице, Ты въ хоромное-ль свое придешь строеньице?.... Али въ полдень что во чисто поле-полюшко, Аль на синемъ ждать тебя, горюшь, морюшьь? Ужь я выбъту къ тебъ, мой свъть, на срътушку, Я прижму тебя къ ретливому сердечушку, Снаряжу тебя я въ ново платьице, Я во платьице тебя во цвѣтное, Съ тобой сдію я туть доброе здоровьице, Провожу тебя въ строеньице хоромное, Я во домъ тебя, въ палаты гряновитыя. Посажу тебя за столики дубовые:

Учешу твои завитны желты кудерки; Я обую твои ножки, ръзвы ноженьки, Во сапоженьки обую я козловые; На головушку дамъ шляпочку пуховую, А на грудь подвъшу пъпку золоченую. Охъ, не слушаетъ рожено мое дитятко Что моей-ли въдь заботушки кручинноей! Разставалася-то съ тъломъ его душенька, Унеслаль она далеко-ли за облачко... Не исбыть мнъ ввъкъ свово-ли горя горюшка Безъ мово-то ненагляднаго-ли дътушка! Мнъ остатній въкъ какъ будетъ доживати, Горе—горькое какъ мыкать—изживати? Охъ не держать меня ръзвыя-ли ноженьки, Подточила грусть—тоска ретливое сердечушко!...

(У Е. В. Барсова въ его "Причитаніяхъ Сѣвернаго Края" есть "Плачъ по сынп" въ варіантѣ Олонецкой губ. (безъ мелодіи), начинающійся словами: "Уже стать на этой горп—на дороженьки")

№ 6. ГОЛОШЕНІЕ МАТЕРИ НА МОГИЛЪ ВЗРОСЛОЙ ДО-ЧЕРИ ПОСЛЪ ОТПЪВАНІЯ.

(Отрывокъ въ варіанть Вологод. 1уб. записанъ от нищей Ульяны). Протяжно.

Отлетъла наша чистая-ли горличка, Отлетъла щебетунья наша птичечка Что ко Господу-ли Богу ея душенька, Къ милосливому Ісусу на живленье, Во Его Врата Святыя во спасенье! Ты простилась со любимой своей горенкой, Ты со мной-ли со родимой своей матушкой.... Ты великое мнъ горюшко да сдіяла, Вонъ изъ тълушка мою ты душу выняла... Я-ль тебя, горюша—мать, да не любила?

Николи тебъ я грубнымиъ словечкомъ не сгрубила, А и утрышкомъ ранымъ-я рано не збудила. Я взлельяла тебя, мое дитя родное, Ты мое желанное-ли чадо дорогое; Я тебя вскормила кушаньемъ сахарнымъ, А поила-то я питвицемъ медвянымъ. Аль покрутушекъ я для тебя жалѣла, Аль тебъ моя заботушка да не довлъла?... Ты покоилась на мягкой на постелюшкъ, Ты валялась въ пуховой перинушкъ,— Такъ почто-же насъ ты рано покидаешь, На кого насъ, дитятко, здѣсь оставляеть? Аль тебя подруженьки да разобидѣли, Аль поклонъ тебѣ на уличкѣ не здіяли? Али добры молодцы тебя да обошли, Что тебъ забавушки во умъ давно не шли? И простилась-ли на въкъ съ своимъ ты гнъздышкомъ, А позналася семья твоя вся съ горемъ-горюшкомъ, Какъ тебя изъ избы унесли, нашу лапушку!.,. Ты прости-ли на вѣкъ, дѣвынька родимая, Ты мое рожёно-ли дитя любимое! Ужъ не держутъ меня ножки ръзвыи, Подкосились оны что трава подъ косой; Въ ясныхъ оченькахъ помутилося, Во мысляхъ-ли моихъ распалилося.... Красно солнышко мое закатилося.... Ясны звъздочки за облачки туляются, *) Громы-молніи на неб'в разряжаются; На могилушкъ-то матушка убивается. Она горькими слезьми что заливается!... Не воротится что красное-то солнышко Со Кіянъ-моря да послѣ-то закатушка, Не вернуть и мнѣ, горюшѣ-горе горькоей, Что своей-ли ненаглядной дочи родноей! Буду я да на могилушку учащивать. Буду здъ-ка долго-по долгу угащивать:

^{*)} Туляются—прячутся, теряются.

Я по дитяткъ творить-ли поминаніе, Для ея-ли душеньки во вѣчное спасеніе. А подруженькамъ твоимъ раздамъ я покруты, Раструбисты сарафаны шелкомъ вышиты, Чтобъ оны за твою душеньку молилися, Чтобы свъщи въ болтаръ тебъ теплилися; Чтобъ ходили на могилушку частёшенько Ранней порушкой что утрышкомъ ранёшенько; Чтобы всв тебя подруженьки не забывали, На бесъдушкахъ горюшу-бъ вспоминали. А меня пускай возьметь скоръй смерётушка, Безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь, рожёна дѣтушка: Ужъ я старая стала совствиь старешенька, Во кресьянскую работу негоднёшенька; Мнъ-бы прежъ тебя, бълой лебедушки, Что лежать да спать въ дубовой-ли колодушкъ: Никому на свътъ я теперь не нужная, Ни на што про што теперя и негодная! А придеть какъ мнв-то скорая смерётушка, Кто закроетъ мнъ-то тусклы мои очушки Везъ тебя-то дочи-то, моей родимоей, Безъ тебя, рожёно дитятко, любимоей?... Охъ, уймись, уймись-ли сердце бъдное, Образумься-ли, головушка побъдная; Отвались отъ грудей что тяжёлъ свинецъ, Дай закрыть глаза ты мнв на былый свыть! Разступись, развались мать—сыра земелюшка, Дай мнъ мъсто не сомножечко въ своихъ нъдрушкахъ!

(Полный текстъ плача по дочери (безъ мелодіи) въ варіантъ Олонецкой губ. помъщенъ у Е. В. Барсова въ его "Причитаніяхъ съвернаго края" и начинается такъ: "Какъ сегодиммъ, долгимъ годышкомъ.")

№ 7. ГОЛОШЕНІЕ ЗАМУЖНЕЙ СЕСТРЫ ПО РОДНОМЪ БРАТЪ.

(Варіант Олонецкой губ. записант отт Ирины Федосовой.)

(Родная сестра покойнаго, извѣщенная о смерти брата, приходить въ домъ его вдовы и, видя послѣднюю плачущей у тѣла мужа, утѣшаеть ее.)

Медленно.

Солучилось слышать-ли печальной мнв головушкв Про твою-ли что великую невзгодушку, Про твое-ли что велико сокрушеньице, Про твое-ли что сердешно огорченьице. Написано нонв въ книгв голубиныя Про твое-ли про несчастьице вдовиное. Я не потиху, горюша, снаряжалася, Скоро на скоро я въ доми-ти справлялася, Я и теплой шубоньки въ страстяхъ не одъвала, Восичкомъ къ тебъ, сестриценька, бъжала: Черезъ горышки высокія перешагала, Черезъ камешки колючи преступала; Я во желтоемъ песочкъ ножки потопила, Я по бережку Онежка въ бродъ переходила. Подошла къ твому къ перёному крылечку, И ужахнулось мое-ли туть сердечко: Выстрой рѣченкой крылечко подмывается, И перёное крылечико шатается; А по рѣченькѣ плывутъ что малы утушки, Они хободы *) дають по чистой водушкь; А вода-ли что съ пескомъ смущается, Бережокъ отъ утушекъ все удаляется. Становилась я, горюша, призадумалась: —А и что така за ръченька ту разлилась, Да отколя здъ-ко быстрая взялась?

^{*)} Хободы — значить плескь, повороть.

На ней малы утушки одни-то одинёшеньки.... То не рѣченька, сестрица, - твои слёзыньки! И плывутъ по ней, родная, то не утушки, То твои, сестрица, малые что дътушки. Знать твое, горюшенька, великое безсчастье И тяжело горе-горькое твое-ли положенье, Что не здіяла со мной добра здоровьица, Не наставила на столь мнѣ угощеньица; За дубовый столъ меня не усадила-то, Словомъ ласковымъ меня не наградила-то! А надысь, какъ я къ тебъ въ гостибище бывала, Сладки кушанья у братца я вдала И пила я питвица сластивыя, И словечки слушала я льстивыя. Ты теперь сидишь, горюша, сокрушаешься, Горемъ-горькіимъ ты убиваешься; Вѣла грудь твоя что надрывается, А и плечи лебединыя здымаются: Ты оплачивань любимаго хозяющка, Моего родимаго что братьюшка. И кака работушка его да надломила, И како безсчастьице его да сокрушило? И пошто, сестрицынька, ты мив не отписала, Я-бы ночи долгіи съ нимъ вев покоротала: Я-бы заложила окна всѣ, окошечки, И не допустила-бы я въ избу-то смерётушки. Поразгивалась за то я на тебя, жаланная, Ты невъстушка моя, вдовица безталанная! Чтмъ-же братецъ мой родимый изнемогся? Ты скажи-ко мнѣ, невѣстушка, не бойся; Ты сидъла-ли къ ему, къ ему побъдному, близё шенько, Ты ходила-ли за нимъ да хорошошенько?

(Къ дитямъ покойника:)

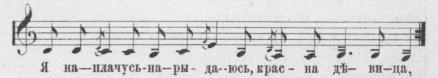
Спасенъ Богъ вамъ, безсчастны сиротиночки, Вы покинуты что малыя древиночки; Ноютъ малыя сердечушки больнёшенько, Будетъ жить безъ батюшки тошнёшенько! Кто вамъ купитъ платье, платье цвътное, Аль въ сапоженьки обуетъ васъ козловыи? Раззорилось ваше теплое-ли гнъздышко И нетоплена стоитъ кирпишна печечка; Придетъ съ нуждушкой вамъ познаватися, Передъ тетушкой въ ногахъ валятися!

№ 8. ГОЛОЩЕНІЕ ПЛЕМЯННИЦЫ ПО ДЯДЪ.

(Отъ Ирины Федосовой.)

(Если братья живуть не раздёленные въ одномъ дом'в и при этомъ одинъ изъ нихъ бездётный вдовецъ или вдовецъ при малыхъ дётяхъ, или наконецъ если онъ холостъ, то тотчасъ послъ его смерти начинаетъ голосить по немъ племянница, дочь одного изъ братьевъ).

Медленно.

Я наплачусь—нарыдаюсь, красна дѣвица. Я у дядюшки родима изголовьица... Упустила я великое его жаланьице, Я попустила его что ранне увяданьице. Аль я плохо, дядюшка, тебъ служила, Аль постелюшку не ладно я стелила, Что къ родимому вдругъ хворотьба пристала, Къ груди бълоей она что припадала?... Надъ тобой, сердешнымъ, долгу ночь сидъла, А смыкать-то глазоньки-и думать не посмъла; Горячо молилась Спасу милосливому, Чтобъ послалъ здоровьица дядюшкъ родимому. Съ сиверной сторонки горюшко навіяло, Со лъсовъ дремучихъ тученьку что пригнало, Наступила-то велика непогодущка, Принеслась во домъ къ намъ скорая смерётушка! Знала-бы я—свнюшку призатворила, Скорую смерётушку въ домъ-бы не пустила; Я-бъ ее по витру, витру развіяла, Со своей деревни прочь ее прогнала; Я своей лучинки рано-бъ не тушила,

Все-бы я смерётушку ночью сторожила. Не глядъли-бы на свъть мои оченьки, Не ходили-бъ быстры мои ноженьки, Лучше-бъ приняла я лють недугь, Лють недугь, да чёмь злодёй — испугь... Всѣ спорядный сусѣдки посрекалися, Родъ и племюшко все испужалося; А мое ретливое сердечушко--Оно кровью алою-ли обливалося, А головушка побъдная что притоманилась... На отлеть было что какъ съ душенькой, Я, горюша-то, и не примътила, Я великое родимое жаланьице, Горе-горькая, не воспріяла, Когда телушко-то душу отпускало. Глупо сделала-то я, глупёшенька, Что спокинула бользную постелюшку скорёшенько: Я-бы дядюшку за ручку потрясала И его благословеньица-бы испрошала. Красно солнышко для насъ что закатается, Ярки звъздочки за облачка туляются..... Вся семеюшка слезьми-то обливается, Со жаланнымъ дядюшкомъ прощается, Ко сахарнымиъ устамъ да прилагаются!

(Для полнаго-же голошенія по одинокомъ, приглашается или вопленица или ближайшая родственница старушка).

№ 9. ПЛАЧЪ ПО ХОЛОСТОМЪ, НЕ СТАРОМЪ, ДАЛЬНЕМЪ РОДСТВЕННИКЪ, ИЛИ ПО СПОРОВЕЧНИЧКЪ.

(Отъ Ирины Федосовой).

(Падъ тъломъ умершаго вопитъ двоюродная сестра или дальняя родственица, или вопленица).

Медленно.

Ужъ не знала я кручинушки, не вѣдала, Что нежданная ко мнѣ вдругъ проявилася, Что на бѣлый свѣтъ-ли объявилася! Собиралася на праздничекъ Господень Я къ сусѣдушкамъ въ гостибище, Къ разлюбимымъ на весельице. Тутъ печальная-ли вѣстушка сустигла, Свинцомъ тяжкіимъ мнѣ къ груди привалила: Что немогнется-то братцу сдвуродимому,

Или: (Что немогнется мому—ли споровечничку,)
Тяжко дышется—ль мому любимому.
Я свое—ли цвѣтно платьице скидала,
Скоро на скоро костыльчикъ *) одѣвала,
Скора на скоро я къ братцу прибѣгала,

Или: (Къ споровечничку я скоро прибѣгала,)
Во живыхъ его ужъ не застала!
Не дивуйтеся вы, люди добрыи,
Не дивуйтеся, сусѣди спорядовыи,
Не дивуйтеся вы, чужи людюшки,
Его ближніе родёнушки,
Что, горюша, горько я рыдаю,
Я о сродичѣ родимомъ причитаю:

Или: (О любимомъ споровечничкѣ я причитаю:) Мнѣ тошнёхонько-ли жаль его, любимаго, Моего-ли братика что сдвуродимаго.....

Или: (Моего-ли споровечничка родимаго...)
Я вёдь съ нимъ въ бесёдушкахъ играла,
Игры дётскія я съ нимъ что раздёляла;
Были съ нимъ вёдь мы что споровечнички,
На гуляньяхъ—первые забавнички...
А теперя красота его съ лица стерялася,
Желты кудерки его что распускалися,
Рѣзвы ноженьки его сковалися,
Умны рѣчушки его стихалися!
Крадучйсь пришла лихая-ли смерётушка,
Подошла къ его пуховой что постелюшкѣ,

^{*)} Костыльчикт—сарафанъ домашній.

Обняда мово-ли братца сдвуродимаго, Или: (Обняда мово любима споровечничка,) Придавида ёму бѣлую что грудушку; Она дыхнула дыханьемъ леденѣлыимъ, Она выняда изъ тѣла его душеньку....

А я, горькая горюша, и не знала—вѣдала, Братца въ болѣсти я не провѣдала:

Или: (Дружка въ болъсти я не провъдала:)
Я схватила-бъ лиходъйку-то за плечушко,
Да закинула-бъ ее я въ ръчушку,
Чтобы съ братцемъ сдвуродимыимъ мнъ не разстатися,

Или: (Чтобы съ споровечничкомъ мнѣ не разстатися,) Горючьми слезьми по немъ не обливатися!

№ 10. СТАРОВЪРЧЕСКІЙ ПЛАЧЪ ПО УМЕРШЕМЪ РОД-СТВЕННИКЪ.

(Записанъ отъ 80-ти лѣтней старухи А. Чуевой, мѣщанки Владимірской губ; тотъ же плачъ слышала и отъ старовѣра Орловской губ., 27-ми лѣтъ отъ роду, по имени Кузьма Ивановъ, живущаго въ Румыніи, въ гор. Яссы.)

Умъренно протяжно.

Со восточной-ли со сторонушки
Налетьли лебеди что тучами,
Налетьли тучами за кресть мучимы.
То скопцы—все бъльцы старобрядскіе,
Все радъльнички именитые,
Земли русскія что страдатели!
Во монашеско оны платье всь одёваны,
Воску яраго свъщи-то затоплены.
Одноручное кадило затепляюти,
Старобрядскіе стихи что воспъваюти;
Оны кресть кладуть по старому,
Что по старому, по писаному.
Оны ричи діють потихохоньку,
А молитвы зпіють полегохоньку.

Крѣпко -- накрѣпко всѣ дверцы позакрыты. А оконцы плотно на плотно забиты: Не терпять оны велика беззаконьица, Не упустять что сердешна-то желаньица. Оны клали все поклоны зёмные, А читали книги голубиныя. Оны къ мертвыимъ устамъ что прилагалися, Оны въ земюшку ему да поклонялися; Оны кланялись на вст четыре стороны, А особину поклонъ наистаръйшему; Во гръхахъ оны что каялись, О прощеньицѣ-ли и не чаялись. День ко вечеру ужъ коротается, Ко закатушку солнце клоняется, А оны-то все покойничка пытають, Про евовое желаньице что выспрошають: Оны вточь глядять во темныя во очушки, Накладають ёму руки на головушку. А и душенька его что отлетае И по личушку-то насъ всёхъ припахае... Потокомъ прошла-ли душенька по горничкъ, Что по свътлоей вона по свътличкъ. Облетела-ли она что всё уголушки, На палати поднялася къ малы дътушки. Всѣмъ желаньице свое да проявила И на волюшку она ту своротила. Страшна ужасна ту туча надвигалася, Небо тучами заволокалося; Громы - громушки ту разгромѣли, Молоный что молвіи ту пролетьли: Къ Богу душенька-то во громахъ каталася, Въ молвіяхъ она что поднималася, Съ родомъ-племенемъ своимъ прощалася, Съ зёмной учасью на вѣкъ-ли разставалася. Завывать стане туть родная-то матушка, Причитать стане любимая невъстушка. Разливаться стануть слезьми то горючими Малы дътушки — потоками текучими.

№ 11. ПЛАЧЪ ПО ВОСПИТАННИКЪ ИЛИ ВОСПИТАННИЦЪ, ИЛИ ПРІЕМЫШЪ.

(Варіанть Олонецкой губ. записань оть Ирины Федосовой.)

(Надъ тъломъ умершаго въ большомъ углу подъ образами.)

Медленно.

Какъ со озера да со Онегушка, Со того-ли бурна-ли что бережка, Нашла тученька-ли страховитая, А и облачко-ли гряновитое. Пробралась-ли эта туча-тученька Во мою-ль столову нову гореньку; Разрядилась туча грознымъ облачкомъ, Грознымъ облачкомъ-ли что туманныимъ. Принесла та туча во домъ горести, Во домъ горести-въ сердце ужасти! Не одна - я жила, горемышная, Быль-питомець дитё-ли сердешное. Онъ меня звеселяль рано утрышкомъ, Лѣтомъ онъ помогалъ мнѣ работушкой. Я взростила его съ малыхъ лътушекъ, Чтобъ не жить одинокой безъ дътушекъ. Я любила его и ласкала, На рукахъ-ли своихъ усыпляла; Онъ забавой мнѣ быль—утѣшеньицемъ, На него работала съ радѣньицемъ; Покупала ему сладки прянички, Одъвала его въ цвътны платьицы. Вѣлой рученькой мнѣ шею онъ обвивалъ, Зимни долгіе дни онъ со мной короталъ. Я чесала ему жёлты кудерки, Омывала его ръзвы ноженьки, Обувала я ихъ во сапоженьки

И не чаяла въ немъ души-душеньки! Я на торгъ-ли пойду-вев сторонются, На названа сынка всв любуются: И разуменъ, пригожъ и забавливъ-ко, А коли запоеть - соловеющко! И подросъ въдь дитя на подмогушку мнъ На работъ крутой во поли, во гумнъ. Ливовались всв сусвди уму-разуму И его-ли что ретливому сердечушку, И его-ли что головушкъ поклонной, И его-ли волѣ-волюшкѣ покорной; Николи онъ мнъ словечкомъ не сгрубилъ, Моей волюшкъ ничъмъ онъ не претилъ; Да злодейско облачко вдругъ набъжало, И крестово дитятко-то захворало. Знала-бъ въдала про то, горюша, я, Я-бы дверечки покрѣпше заперла, Я-бы облачко отогнала, Я-бъ окошечко косевчато закрыла, Чтобы облачкомъ его не ознобило. Долги ночи у постелюшки сидъла, Всѣ я глазоньки на личко проглядѣла... Какъ мое-ли ненаглядно дътушко Все хирѣло и худѣло его личушко! Когда личушко его пылало, Я молитовку Ісусову шептала! Когда личушко его бълъло -Моя душенька по немъ болъла! Говорила я мому сердешну: -Ужъ ты сядь-ли, сядь къ косевчату окошку; Ты надънь свое цвътное платьице, Ты верни свое-ли щебетаньице; Аль ты съ девушкамъ пойди гулять, Пъсней ихъ удалой звеселять! Може хворотьба отъ игръ пройдетъ, Може тучу черную мимо пронесеть?... Говорило мнъ дитя-то хворое: -Благодарствуй, матушка крестовая,

Ты меня, жаланная, вскормила, Уму-разуму меня ты научила, На рукахъ въдь ты меня носила, Николи мнт словомъ грубнымъ не сгрубила; Съ малыхъ лътушекъ меня ласкала, Матушку родную ты мнѣ замѣняла-Наградить тебя Господь да милосливый, Онъ сиротушекъ отецъ-ли жалосливый: За твои заботы, ласки и уходъ Снизошлеть тебѣ онъ счастье съ рода въ родъ. Не тужи-же ты, родима матушка, Знать такая моя доля - долюшка! Какъ опрежъ сего меня крестила, Какъ Ісусову молитовку творила, Ты теперь меня перекреститко, Да Ісусову молитву сотворитко...-Я Ісусову молитовку творила, Я крестоваго мово крестила.... Его плечушки я пріукрыла, Свое горюшко я призабыла. А оно-ли, горе туть какъ туть нежданное, Что нежданное да нежеланное, Ко постелющий оно да пробиралось, Надо мной-ли, надъ горюшей, надсмъхалось. Я смотрю-гляжу, печальна голова, Помутились оченьки крестоваго дитя; На постелюшкѣ оно да заметалось, А смерётушка къ нему все приближалась... Нонъ сий что мой крестовый дътушко Во большомъ углу на лавушкъ, И ужъ я его не добужуся.... Уста сахарны не разомкнутся, Ввѣкъ не станутъ ноги, ножки рѣзвыи На сапоженьки-ли что козловыи! Порастроньтесь-ко вы, люди добрыи, Вы сусъди спорядовыи, Вы любимы споровечнички! Вы припадьтетко ко бёлу личку,

Вы отриньтетко гробову доску... Вы, породушка-ли родовитая, Родовитая-ли, именитая, Оторвитетко вы мово дитятка Отъ злодъйскоей смерётушки; Уберитетко дубовый гробъ, Утолитетко мой слёзный вонъ. *) Красны дівицы, вы поклоняйтесь-ко, Умильнёшенько воть умоляйтетко: -Ужъ ты стань, возстань, да ненаглядный мой, Мой крестовый сынъ, мой дитё родной! Или: (Мой названый сынъ, мой дитё родной!) Нѣтъ, не слышитъ меня горе-горькую, Одиноку покинулъ меня онъ, убогую... Упокой-же Господь твою душеньку, Свътъ крестово дитя мое. лапушку!

№ 12. ПОМИНАЛЬНОЕ ПРИЧИТАНІЕ ПО РОДНОЙ ТЕТКЪ.

(Записано от нищей Ульяны).

(Племянница за поминальнымъ столомъ, вспоминая покойницу, причитаетъ:)

Протяжно.

Какъ се-во-дня, сё-во де-неч-ка Гос-по--дня,
Какъ сёводня, сёво денечка Господня,
Что во свётлой-то во свётличкё,
Во столовой новой горенкё
Сидятъ гостюшки все званыи,
Гости званыи и жданыи.
На столё стоятъ все кушанья выбраныи
А и питьица стоятъ медвяныи.
—Что-же, гостюшки, вы пріуныли,
Что-жъ, желанныи, вы не шутили?

^{*)} Вопъ-значить вопль.

Али свадьба та да не по полюби?.. Гдѣ-жъ княгинюшка здѣ во доми? Не сростало-то въ большомъ углу, Не сростало деревцо сахарное, Друго деревцо что виноградное? А сидитъ-то во большомъ углу Что родитель нашъ-ли дядюшка, Одинёшенекъ сидитъ-кручинится, Словомъ едныимъ ни съ къмъ-то не обмолвится. И на праздничекъ то не похоже, Такъ и гостюшекъ срѣтать негоже! Нѣтъ не свадьбушка ту собирается И не праздныи ту гости спотышаются, Тутъ кручинушка великая справляется, Горе-горькое-то здъ-ко изживается: Схоронили мы родиму нашу тётушку. Сёму дому именитому хозяющку! Какъ-же гостюшкамъ не тосковатися, Какъ родимыимъ не сокрушатися?.... Роду-племени не ужасатися, Малымъ дътушкамъ не убиватися?.. Везъ нея въ доми все здъсь нескладно: И пирогъ-то выпеченъ не ладно, И столы дубовы пошатились, А и питьица на нихъ пролились. А робятушки на лавочкъ голодны, А и горенки-то всѣ холодны, А и дюдюшко-то непривѣтливъ, А и сватьюшко-то безотвътливъ! Ты пошто насъ, родна тетушка, спокинула? На кого сиротами ты всъхъ оставила?...

№ 13. ПОМИНАЛЬНОЕ ПРИЧИТАНІЕ ПО ОТЦЪ ДУХОВ-НОМЪ.

(Варіант Вологодской губ., записант от нищей Ульяны.) (Вопленица причитаеть на коминкахь въ дом'в умершаго:) Протяжно.

Нътъ попа-отца духовнаго!.. Понастало грозно времечко: Какъ сегодня сего денечка, Сего денечка Господняго, Какъ во этой церкви Божьей, Вожьей деркви посвященной Нфту звона колокольнаго, Нѣту пѣнія церковнаго, Нътъ попа-отца духовнаго, Нътъ священника законнаго! Всв замки да застоялися, Всѣ ключи да затерялися, Черны ризы разорвалися.... Не горять свёщи что воску ярова Въ этой въ церкви посвященныя... Станемъ обчесвомъ сбиратися, Станемъ жеребьемъ кидатися, Станемъ толкомъ толковати, Станемъ писемки писати. Всв попы да собиралися, Всъ дьяки да соъзжалися, Всв причетники сбъгалися. И причетины духовныя, И попы отцы церковные Панафиды-то служили, Погребение творили По священникъ церковномъ, По отцѣ нашемъ духовномъ. Собиралися крестьяне православные, Клали всв поклоны оны зёмные; Всв жалвли батьку-то-отца духовнаго И служителя церковнаго: Онъ служилъ въдь намъ объдни воскресенныя И молебны полуденныя, И служилъ да по хорошему, И читалъ что по пригожему! Онъ крестилъ нашихъ робятушекъ, Хоронилъ да нашихъ роднюшекъ;

Онъ училъ насъ уму-разуму, Уму разуму въ головушку, Терпънію ретливому сердечушку!

№ 14. ПРИЧИТАНІЕ КУМЫ ПО УМЕРШЕМЪ СТАРШИНЪ — КУМЪ.

(Записано во Владимірской губ. от А. Чусвой.)

(При выносѣ тѣла на улицу проталкивается впередъ черезъ толпу крестьянъ кума, пришедшая на похороны изъ другой деревии.)

Умъренно скоро.

И что это нонь, ребята, солучилося, Что во доми именитомъ приключилося? Мимоходомъ шла я ко сусъдушкъ, Увидала здъ-ли кучами народушко. - Свъты-Господи, прости меня ты гръшную! Не Господень ли владычный нонв праздничекъ, Или здъ-ко нонь престольный буде денечекъ?... Нутко кума я поду-провъдаю, Все какъ есть отъ ёво я вывъдаю; Онъ въдь человъкъ è преразумный И во грамотъ вальяжно найучёный! -А на сръту - срътушку мнъ о ту пору Что несуть - ташшать дубовую колоду.... Я ужъ тутко такъ и пріосъла И благіимъ матомъ завопѣла: -Ай ты, свъты-Господи, что оказалось, Натка бъдушка колика ту являлась! -Ясны оченьки мои ту затоманились, Ръзвы ноженьки мои надсадились .. Я не чаяла вѣдь, не и гадала. О его бользтушкъ не въдала. И ташшать его съ крылечика перёнаго, Со его строеньица хоромнаго,

Что везутъ-ли въ погреба глубокіе, Въ обитаньица везутъ далекія. Кто-жъ теперь, робя, насъ буде защищати, Отъ обидушки-ли насъ оберегати? Во потемочкахъ при солнышкъ находимся, Безъ заступочки его навоемся!

№ 15. ГОЛОШЕНІЕ СТАРУХИ ПО МУЖЪ НА МОГИЛЪ ВЪ 40-й ДЕНЬ.

(Записано въ Вологодской губ. от нищей Ульяны.)

Протяжно.

на ко--го ты о--по--ло-жил--ся? На кого ты, красный мой, обнадъялся И на кого ты оположился? Что покинулъ меня, горе горькую, Везъ теплаго свово-ли гнѣздушка, Безъ призрѣнія, безъ сожительства!.. Не отъ кого-то, горе горькоей. Мнъ слышати слово ласково, Слово ласково да привътливо!... Нфту-то у меня, горя-горькія, Что ни роду-то да ни племени, Ни поильца мнъ, ни кормилеца... Остаюсь-то я, горе-горькая, На семъ свътъ да на бълыемъ Старымъ то я старёшенька, Я однышить одинешенька! И что стану дълати, горемышная?... Работать-то мнѣ изнеможенья нѣтъ!.. Нътъ-то у меня роду-племени, Съ къмъ мнъ думу думати...

Не съ кѣмъ-то мнѣ слова молвити! Охъ зачѣмъ тебя, милый ладушка, *) Отняла у меня зла могилушка!

№ 16. ГОЛОШЕНІЕ ДОЧЕРИ ПО ОТЦЪ НА МОГИЛЪ ВЪ 40-й ДЕНЬ.

(Старообрядческій вопль, записано от А. Чуевой.)

Умъренно.

туб Со вос точ ной со сто- ро нуш - ки

по - ды - ма - ли - ся вът - ры буй - ны - е

Па-ла, пала съ небе-си звъз-да что на батюшкину на мо-ги-лушку...

Со восточной со сторонушки Подымалися вътры буйные Со громами со гремучими, Съ молоньями да со палючими. Пала, пала съ небеси звъзда Что на батюшкину на могилушку... Расшиби-ко ты, громова стръла, Еще матушку-мать сыру землю. Развались-кось-ты, мать сыра земля, На четыре всѣ сторонушки, Ты сокройся-ко, гробова доска, Разступитеся, доски дубовыя... Распахнитеся, да бѣлы саваны, Отвалитеся, ручки бѣлыя, Отъ ретива отъ сердечушка! Разожмитесь вы, уста сахарны, Оберниськося, да открой глаза, Ты родимый — свътъ мой батюшко... Перелетныимъ яснымъ соколомъ

Ты слетайкося на синё море, На синё море на Хвалынское; Ты обмойко въ немъ, родной батюшко, Со бъла лица свово ржавчину. Прилетикося, ты родимый мой, На свойётъ *) высокъ теремъ; Тамъ, подкутеся подъ окошечко, Ты послушай-ко родный батюшко, Горе горькіихъ нашихъ пъсенокъ....

№ 17. ИЛАЧЪ МАТЕРИ НО УБИТОМЪ НА ВОЙНЪ СЫНЪ.

(Когда придеть въ домъ въсть съ войны объ убитомъ сыпъ, то соберутся вет родные выть по покойникъ, а вопленица причитаеть;)

(Записанъ отъ Ирины Оедосовой.)

Протяжно.

Охъ, пришла-то въстушка печальная, Въсть печальная, да что нежданная, Со бумагами пришла да со гербовыми, За печатями, печатьми черными: Что побиль-то окаянный супостать Что жаланнаго-то нашего солдатика, Что свътъ-Ванюшку то ясно солнышка. -На безсчастье знать тебя я спородила, Не во радости тебя я знать носила, Уму-разуму тебя я не учила И таланомъ-учасью тебя не надълила! Знать тебя-то я не ладно снарядила, И златой казной тебя не надълила; Въ Вожью перковку не почасту ходила, Свъщи воску ярова невдосталь я теплила, Не жалосливы молитовки творила.

^{*)} Ладушка - мужъ.

^{*)} Свойёть—вмѣсто свой-то. (Аналогично съ словомъ свой-ты или своять въ болгарскомъ нарѣчіи.)

А какъ я тебя, жаланна, провожала, Вдосталь словъ тебѣ я умныхъ не сказала; Что сустигло-то великое безсчастьице И что настигло-то велико безталаньице! И супостатова стръла вдругъ разлетълася. Христьянска кровушка что разгорѣлася, Ай стрѣла каменна въ ню-ли ударялась И злая бъдушка ту солучалась: И не упала стрълушка та на воду, Не пронеслася-то она и на гору, И не звирюшка настигла во темныхъ лъсахъ, И не заюшку-то въ зеленыхъ въ борахъ. Она пала на мово-ли Ванюшку, Разорвала что его ретливое сердечушко.... Николы мнѣ сына не видати, Его глазынекъ-то мнѣ не закрывати.... Натомилося рожено дитятко, Наскиталося по странамъ завоённыимъ, По приходьицамъ что незнакомыимъ. Его личушко отъ солнца прикалилось, Его ясны очушки-то притомились, Его бълы рученьки пріопалились, Его ръзвы ноженьки что подкосились! И ты некрутикъ-то въдь что нанёмный, И не въ своей-то волюшкѣ ты вольной: Тя лошадушки въдь были не подаваны, А черкальскія сѣдёлки не обсёдланы; Во усталушкъ ходилъ ты, во заботушкъ, Со горемъ горькіммъ, со ужасью въ сердечушкъ. А мы-ли домушка тебя не нъжили, Словечкомъ грубныммъ тебя не гнѣвали; И во доми своемъ въ крестьянской жирушкъ И быдто сыръ ты въ маслушкъ катался, И быдто рыбинька въ водъ ты копошался.... А нонъ рыбинька та изловлёна И какъ осеннё деревцо ты подкошёно, А грудь-то стрѣлушкой калёной пробіёна! И не вернешься боль, ненаглядно дитятко,

На свою ты на родиму что сторонушку: Ты на солнышкъ лежишь-ли припекаешься, Алой кровію сердечко обливается... На чужой землъ лежишь безъ покаянія, На сырой землѣ ли во что мачихъ. Надъ тобою непогодушка бушуе, Буйны вътрушки лицо что бороздуе, Надъ головкой стрълушки летае, А копытомъ конюшки топтае-А ты спишь все спишь, ветляный мой нешутушко *), Ты рожёно мое мило дътушко, И бъжить ручьями кровь-то алая, Потопляе поле-полюшко песчаное! Родна матушка къ тебъ не прибъгае И великое жаланьице твое не принимае; Не сольеть великую тоску-вазолушку На твою-ли на могучу грудушку. Закопають тія на чужой землѣ Отъ родимаго что гнѣздышка вдалъ, Вблизь-то супостатовъ тѣхъ что козьнекозныихъ, Вблизь ли вороговъ тъхъ супостатныихъ. Не придти мнъ на твою могилушку, Не розвіять мнѣ на ней свою кручинушку, Не роздумать-то свою что думу-думушку; Панафиды мнѣ на ней не отпѣвати, Горючьми слезьми ее не обливати; Коротать весь вѣкъ-ли мнѣ свое мученьице На великомъ отъ тебя что отдаленьицъ!

^{*)} Ветляный мой нешутушко—значить веселый, шутливый.

№ 18. ГОЛОШЕНІЕ МАТЕРИ НАДЪ ТЪЛОМЪ УТОПЛЕННИ-КА—СЫНА НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

(Записано отъ Ирины Өедосовой.)

(На Ладожское и Онежское озеро отправляются цѣлой толной крестьяне — ловить рыбу.
Сильная буря (особенно на Ладожскомъ озерѣ) опрокидываеть иногда утлый челиъ и рѣдко обходится безъ песчастія. Часто утопленника уносить волнами; когда-же его тѣло выплываеть изъ воды на берегъ, оповѣщають родню. Прибѣгаетъ мать или родственница и голоситъ:)

Медленно:

При пе-чально-ей, кручинной что --- нз -- въс -- точ-къ

При печальноей, кручинной что извѣсточкѣ Я пустилась-ли, горюша, сыпучимъ пескомъ, Сыпучимъ пескомъ, Онегушкинымъ бережкомъ. Я вопила-ли что зычнымъ голоскомъ: Я скликала добры люди на подмогочку Къ тому топкому что бережку. Выстры ноженьки-то я въдь окровавила, Бѣлы рученьки-то я примахала, Ясны оченьки дороженькой приплакала. Къ топку бережку я подбъгала, Свово рѣзваго дитю я увидала: На песочкъ онъ, рожёное, растянуто, А головушка что взадъ-ли опрокинута, Его наги ноженьки что не покрываны; Со волосушекъ ручьи текутъ, А со личушка струи бъгутъ... Съ этой страсти-то да съ перепалушки *) У меня-ли что въ головушкѣ не гладится, Вонъ изъ рукъ-ли-то все валится... Не я знаю - вѣдаю съ чего зачать, Какъ рожёнаго-то въ чувствь призвать! И лежи оно безсчастно, безпомочно... Остудились его ръзвые что ножки,

Приразбухло его личко, личко бѣлое, Поразвѝлись кудерки-ли желтыя, Призамолкли его уста са̀харны...

(Мать падаеть на трупь, ее поднимають и уговаривають, она продолжаеть:)

Ой народъ вы, люди добрыи, Вы сусъдушки что спорядовыи, Наказалъ Господь меня, горюшеньку, Что на тяжкоемъ на безталаньицѣ, На великоемъ-ли согрѣшеньицѣ: Я во церковку не почасту ходила, Свѣщи воску ярова я не теплила, Я объденокъ не отстояла, И родителевъ невдосталь поминала!.. И наслалъ Господь Богъ тущу темную, Тущу темную, что неспособную, Со громомъ да съ толокучимъ, Съ молвіей да со трескучіей И со бурюшкой-ли клокотучіей... Какъ та бурюшка-то зашумляла, Мое нутрышко все защемляло... И сердечушко-ли упадало... И подъ душеньку мнѣ подкатилося, И лицо слезьми что оросилося! А волна на морюшкъ страсть расходилася, Ту и лодочка ихъ приломилася, И мое дитё ту потопилося.

(Пока она причитала, крестьяне пробовали по обыкновенію откачать покойника, но, видя безполезность общихъ усилій, они положили его обратно на землю. Въ толпѣ рыбаковъ идутъ толки о томъ, какъ быть съ утопленникомъ: оставить-ли его и оповѣстить начальство, или отвезти въ деревню. Мать, понявъ что все кончено, снова бросается на трупъ и голоситъ:)

Ты прости мое рожёно дитятко, Ты прости, прости, да безталанное,

^{*)} Съ перепалушки-съ переполоху.

Что и я тебя въ безсчастьицѣ родила,
Что безъ радостей тебя на свѣтъ пустила!
Ты утопъ да безъ причастьица,
Везъ родительска благословеньица.
И какъ будешь ты отвѣтъ держати,
Къ Спасу милосливому престати?
За твою утопшую-ли душеньку,
Отслужу полночную обѣденку,
Може Господи тія да помилу̀е
И прощеньице теѣ да подару̀е!

(Есть похоронные вопли надъ утопленниками (безъ мелодіи) у Барсова въ его "Причитаніяхъ Сѣвернаго края". Первый начинается словами: "Спарядились мы за славное Онегушко", а второй: "Когда мы были глупёшеньки и малёшеньки").

№ 19. ПРИЧИТАНІЕ КУМЫ НА ПОМИНКАХЪ ПО УМЕР-ШЕМЪ ОТЪ ОПОЯ.

(Записано отъ Ирины Өедосовой.)

(Кума утъщаетъ вдову, горюющую о томъ, что мужъ ся умеръ безъ покаянія)

Умъренно скоро.

Ужъ ты, ку-муш-ка, пош-то нонь при-то-ма ни - лась,

Ужъ ты, кумушка, пошто нонь притоманилась, Ты, какъ курочка, нонь въ воду пріоканилась? Аль кручинишься по пьянсливой утробушкѣ, По евовоей безсчастноей головушкѣ. Что преставилась-ли душенька безъ покаянія За велико безотстанно беззаконіе?.. Ужъ не дано-то было ему отъ Господа Ни талану-то ему ни участи. Ты-ли пьянсливой сдавалася державушкѣ,

Что безсчастноей его головушкѣ; Ты сусѣдушкамъ топеря покорися, Роду-племени свому ты поклонися, Чтобъ въ безсчастьицѣ тебя не покидали, Малыхъ дѣтушекъ-бы поднимали.

(Вдова по очереди падаеть въ ноги передъ старшими сродниками и вопить:)

Умфренно протяжно:

Спасенъ Господь вамъ, племя-родъ любимое, Вы горюшеньку бездёльную неспокидайтетко, Вы робятушекъ—сиротъ не оставляйтетко! Нонь-ко ржавъе *) болъзное сердечушко Что по пьянсливой своей головушкъ, По безсчастноей его утробушкв. Ничего-то у меня, горюши, не припасено. Ничего въ сарай и ненасено; Ни зерна нътъ хлъбушка въ амбарушкъ. Нъть ни пахаря во чистоемъ во полюшкъ; И въ доми печечка не истоплёна И коровушка и та не накормлёна!.. Воють малы дътушки-сиротушки Что за дверцой-ли въ уголушкъ. Возгорчилася моя печальная головушка, Надорвалася моя безсчастная утробушка! Нонь раздумаюсь своимъ умомъ я-разумомъ: Что мнѣ съ крохотными діяти. Что и въ полющав-то сіяти?... А его-ли что пьянсливую утробушку И пропавшую-ли что его головушку Съ чёмъ мнё въ церкови-то поминати?..

^{*)} Ржавпе сердечушко-значить поеть сердие.

Все хоть выверни, гдѣ гроши собирати, Свѣщи воску ярова чтобъ распаляти?!.

"Причитаніях спвернаго края" Е. В. Барсова есть варіанть "Плача жены объ упьянсливой головушкі (безь мелодіи), начинающійся словами; "Какт вчерашнимть по Господнимт Божьимт денечкомт".

отдвлъ н.

ГОЛОШЕНІЯ ПО РЕКРУТАМЪ И РЕК-РУТСКІЯ ПЪСНИ.

№ 1. ПРОВОДЫ И ПРОЩАНІЕ РОДНЫХЪ СЪ РЕКРУТОМЪ.

(Записано въ Тверской губ. отъ Натальи Семеновой, крестьянки Осташковскаго увада.)

До дня пріема за мѣсяцъ будущій рекрутъ начинаетъ гулять и веселиться: прощается съ вольной жизнью. Родные же его всѣ ходятъ печальные, а бабы нѣтъ-нѣтъ и примутся выть. Рекрутъ-же (холостой или женатый—все равно) ходитъ по улицѣ и "первое удовольствіе" съ гармоніей, а иногда и порядкомъ подвыпившій. Его приглашаютъ сосѣди и родные зайти въ домъ, "чьмъ Богъ послалъ закусить". Вотъ онъ входитъ въ одну избу, здоровается съ хозяевами и со всѣми. Его привѣтствуютъ "таково ласково и упыло," даже со слезами на глазахъ, а "онъ себп важничаетъ," ходя взадъ и впередъ по избѣ. Его просятъ присѣсть къ столу, ласкаютъ и всѣ хвалятъ его:

"Ужъ какой-ты работать-то лихой, И какой-же ты да дѣльный парень, удалой!" А онъ имъ "иа стричу" говорить:

— Не тужи, дядя (или тетка): я и тамъ не пропаду! — Всѣ садятся за столь. Рекрутикъ выпьетъ водочки, закуситъ и выйдетъ изъ за стола, поблагодаривъ тётку за хлѣбъ—за соль, за угощеніе и ласку. Его не пускаютъ, просятъ погостить, побесѣдовать немного.

Онъ садится на лавку, начинаетъ играть на гармоніи и запоеть слідующую пісню:

мой другь не счаст-ный Или вътеръ вътерочекъ, Вътеръ сильный, преужасный! Вѣтеръ сильный, преужасный, На тебь, мой другь несчастный (2 раза) Вътеръ, скуки разносилъ, Когда съ миленькой ходилъ! Но всв люди говорили, Во солдаты наровили. Меня матушка жалъла, Во солдаты не велѣла: "Ужъ ты, дитя, не ходи, Жалобная, погоди! Поди на міръ объявись, Поди на міръ поклонись: -Мірски люди, христіане, Пожальйте меня, Вани!- " -Міръ поклоновъ не приняли; Тройку коней готовляли. Тройка-кони вороные, Новы сани лубовые! Посадили Ванюшку, Посадили удалова Добра молодца, лихова, Въ новы сани дубовыя, Въ новы сани дубовыя, Что на кони вороные! Повезли молодчика

Вороные конюшки По большой дорожунькъ, Во Тверску Губеренку. Повели молодчика Во домы казенные, Во домы казенные, За двери стеклянныя; Посадили Ванюшку На стуль на дубовый. -Погодите Ваню брить: Дайте маменькъ придтить! Моя маменька придетъ И кудерки уберетъ, Убереть, убереть И въ платочекъ завернетъ! Ихъ завяжетъ узелкомъ, Сударушкъ отошлетъ! Закричали: "Ванъ лобъ!" У Вани сердце замретъ.... У Вани сердечко опало. "Дитё милое пропало! Дитё милое пропалъ: Во солдаты жить попаль!" -Во солдатахъ жить доходно: По три денежки на день, По три денежки на день, Куды хочешь туды дёнь! Хошь пропей ты, прокути, Хошь сударушкѣ снеси!-Вотъ за дворомъ, за дворомъ Стоитъ дѣвица съ виномъ; Другая-то съ закускою-Съ бѣлою съ капустою!

Пока рекруть играеть, родные стоять или ходять и подгорюнившись слушають, нѣкоторые даже плачуть.

Потомъ онъ встаетъ и говоритъ:

— Что вы плачете — горюете?... Вѣдь и тамъ три фунта хлѣба даютъ!

Вогъ милостливъ, А Царь жалостливъ! Возвращусь оттудова: Галуны шятыи, Пуговицы литыи! Тогда вся Валдай Шапку скидай!—

Рекрутъ при этихъ словахъ гоголемъ ходитъ по избъ. И такъ продолжается до дня пріёма.

Въ день пріема утромъ въ домъ рекрутика—новобранца собираются вст сости. Когда рекрутъ начинаетъ снаряжаться, мать или сестра принимается голосить:

Медленно.

ро-ди мо--е, да ку-ды же ты сна-ря--жа- ешь-ся.

— Да куды-же ты, дитятко,

Дитягко мое родимое,

Да куды-же ты снаряжаешься?.... (2 раза)

Во каку во путь-дороженьку собираешься?

Попроситко ты у Господа благословеньица

На свое-ли новое что живленьице!-

Родные благословляють рекруга хлѣбомъ—солью передъ иконами.

Онъ кланяется отцу и матери въ ноги и проситъ родительскаго благословенія; послѣ чего снаряжается и идетъ прочь изъ дому. Тутъ начинаются всеобщія рыданія; всѣ выходятъ за нимъ слѣдомъ на улицу съ воплями и причитаніями. Идя вдоль по улицѣ, мать или сестра голоситъ:

Да распрощайсятко ты съближнимъсосъдушкамъ,

Да попроситко ты у нихъ прощеньица: Не согрубилъ-ли ты имъ, дѣтушко, Нѐка единымъ грубныимъ словечушкомъ! —

Провожаетъ рекрута до города часто вся семья, и нѣкоторые даже проталкиваются въ пріемныя комнаты, гдѣ опять вопять и просять "помиловать Ванюшу."

По окончаніи пріема, если рекрута забрѣють, онъ является домой веселый и шутливо говорить:

—Вотъ и женился Ваня, готовьтесь на свадьбу!— Потомъ онъ обращается, "папримпръ," къ какой нибудь дъвушкъ и говоритъ:

"Вотъ не пошла за меня, я и въ городъ нашелъ себъ невъсту!

Весь городъ пировалъ на сговорахъ, а Царь будетъ на свадъбъ-вотъ какъ!"

Но матери не весело и она слезно голосить:
-- Охъ ты, соколикъ ты нашъ ясный, соколикъ ты нашъ ясный!

Да и куда же ты, соколикъ ясный,
Ты оставилъ-ли свои кудёрышки,
Кудёрышки свои, что кудри русыя?
Да на куда-же ты приготовилъ,
Приготовилъ свою буйную головушку?...
Да и скажи-ко ты свому родному батюшкѣ,
Скажи своей родимой матушкѣ,
Да молви-ко ты ласковымъ словечушкомъ,
Для чего тебя споили, скормили, возлелѣяли?—
Съ этого дня для рекрута начинаютъ изготовлять
(шить) солдатскія рубахи и все бѣлье.

На другой день послѣ пріема, рано утромъ на зарѣ, рекрутъ еще спитъ, а мать садится возлѣ постели его и голоситъ:

— Знать ты спишь, мое родимо дитятко?..
Что и спишь-ли послъдній часокъ,
Ужъ послъдніе-же ты часы, минуточки
На теплыихъ постелюшкахъ, подушечкахъ!..
Дай ставайко-же ты, наше кра́сно солнышко:
Ужъ посмотримъ мы на твою буйную головушку,

Что на буйну-разудалую посмотримъ-полюбуемся, Полюбуемся наши распослѣдніе-то часики-мину-точки!..—

И такъ продолжается до дня отправки на службу. При отправлении рекрута со двора опять голосить мать или жена:

— Улетишь ты на чужу сторонушку На чужу-дальню, незнакомую, Что за горы, горы за высокія, За лѣса-то ты что темные... На службушку знать да на Царскую, На работушку-то ты на Государскую. —

Туть ужь и самому рекрутику не до смѣха и веселья, не до гармоніи съ пѣснями и не до водки: рѣдкій загуляеть въ день отправленія, развѣ какой ни на есть бобыль. Какъ не крѣпится рекрутикъ до дня отправленія на службу, а туть рѣдкаго слеза не прошибеть. Утѣшая семью, рекруть твердить одно:—Ну что же будешь дѣлать матушка?!... Не я первый, не я и послѣдній! Служать и лучше насъ! — Онъ обнимаеть мать или жену и дѣтей (если женатый) и прощается со всей родней. Рекрута провожаеть мать или жена до города и остается съ нимъ, большею частью, до самаго того дня, пока по простонародному выраженію, рекрутовъ всѣхъ "не вигонять" на мѣсто ихъ назначенія.

№ 2. ПЛАЧЪ ПРИ ПРОВОДАХЪ НОВОБРАНЦА.

(Олонецкой губ., записант отт Ирины Федосовой.)

(Мать, сидя подгорюнившись на лавкъ, голосить:)

Протяжно и съ передышками.

Я гляжу—смотрю, кручинная головушка, Я на своего родимаго на дитятка.

И на полетъ мой ясенъ соколъ, На поъздъ добрый молодецъ Онъ вотъ со свово хоромнаго строеньица, Со этой со палаты грановитой, Со своей родимой со сторонушки! У меня, да у кручинныя головушки, Какъ сегодніимъ Господнимъ Вожьимъ денечкомъ Разрывать мою что зяблую утробушку; Ужъ болитъ-то моя буйная головушка, На родимо свое дитятко-то глядючи, Въ его ясныя-ли оченьки да смотрючи! Онъ похаживать хоромнымиъ строеньицемъ, Онъ постукиватъ солдатскіимъ сапожищемъ; Онъ бълыми ручками да вотъ помахиватъ, Онъ жёлтыма кудеркама что потряхивать, Ужъ онъ ласковы словечки спроговариватъ Мнѣ на память-то кручинныя головушкѣ По своемъ рожёномъ горькимъ дитяткъ Какъ у моего сердешнаго-то дитятки, Что не носять его ръзвы его ноженьки, Не глядять съ обиды очи, ясны оченьки Какъ на этотъ-то на бълый-ли на свътушко, И на это что на красное на солнышко. Онъ безъ вътрышка въдь дитятко шатается, Съ родомъ съ племенемъ родимымиъ прощается, Со родимоей сторонкой разставается. Хошь ростила я свое рожёно дитятко Везъ родителя безъ батюшки, Везъ своей милой надёжной я головушки, Не видали-то ввъкъ добрые что людюшки, Какъ мы по міру съ сыночекомъ шаталися, И не въдали-то добрые что людюшки Ни обуть моихъ рожёныхъ бѣдныхъ дътушковъ, Ни купить-то имъ и плохонькихъ сапоженьковъ, Ни накормить ни напоить моихъ свътушковъ!.. Какъ повозрасло сердешно мое дитятко, Тутъ увидъли его что судьи судные И прознали-то про-то что власти немилостныя,

На гербовый листъ бумагу написали, Мово дитятка на службу призывали, Что во грозную во службу назначали. У мово рожёнаго сердешна дитятки, Хошь не скованы его-ли ръзвы ноженьки, Хошь не связаны его-то бѣлы рученьки, Только сковано ретливое сердечушко, Что признало-ли оно да страшно горюшко. Что напугано некрупькимъ наборушкомъ, По указамъ-то, бумагамъ-ли что царскіимъ. Ужъ кабы у мня, кручинныя головушки, Кабъ была-бы у меня казна несчетная, Откупила-бы тебя, родимо дитятко, Задарила-бъ я судей неправосудныихъ, Ужъ я этихъ-ли властей немилосердныихъ. Пооставили-бы мнв сердешно дитятко, Мнъ-ко пахаремъ во чистомъ полъ-полюшкъ, Сѣнокосуемъ на луговыя-то на пашенькѣ. Рыболовушкомъ на синемъ на Онегушкъ, Мнъ кормителемъ -- безсчастныя-то матушкъ. Какъ по нашему великому безсчастьицу И по нашему злодъйну безталаньицу. Сволновался непріятель земли русскоей; Присылать стали указы Государевы, Побирать стали удальихъ головушекъ, Златокрылыхъ нашихъ ясныихъ что соколовъ, И сиротить стали бъдныхъ женъ-молодушекъ, И сиротить стали малыихъ ихъ дѣтушекъ. Какъ мое сердешное рожёно дитятко, Многоумная, разумная головушка, Онъ не пьяница въдь былъ, да не пропоица, Воскормитель быль онъ бъдныимъ головушкамъ: Сестрамъ, братьишкамъ былъ онъ да что сиротушкамъ

Какъ старателемъ-товъ ню крестьянской жирушкѣ! — (Рекрута торопятъ отглядомъ. Мать собрала на столъ.) Мать. Ты садись, мое сердешное-то дитятко,

Ты за эти что столы да за дубовыи,
На эты что да стульчики кленовыи;
Тебѣ слажены здѣ кушанья сахарныи,
По уму тебѣ ли питвица медвяныи?
Ты сади друзьёвъ да братьицевъ—пріятелевъ,
Ты удальихъ-то, добрыихъ что молодцевъ.—
И спроговорилъ рекрутикъ-то молодыей,
Добрый молодецъ головушки удалыей:
— Вы послушайте, друзья братья пріятели,
Какъ посли меня, удала добра молодца,
Вы зайдите-тко къ родимой моей матушкѣ.
Разсмотрите-тко, любимы споровечнички,
Когда стошнится-то ей по добромъ молодцѣ,
Звеселите вы тотъ день мою голубушку,
Вы мою-ли что родиму родну матушку.

(Мать продолжаеть, сидя за столомь рядомь съ сы-

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка, На родимое свое рожёно дитятко: Ужъ онъ ѣствушекъ теперь не искушаетъ, Ужъ и питвицевъ теперь не испиваетъ, Знать утробушка его не принимаетъ. Молоденьки горьки слезы проливаетъ.....

(Рекрутг встает изг за стола, молится и прощается съ матерью, падая ей прежде всего въ ноги, потомъ на шею.)

(Мать принимается выть голосомъ:)

— Ужъ не бѣлая березка нагинается, Добрый молодецъ мнѣ въ ноги поклоняется... Мнѣ-ль своей-ли что родитель его матушкѣ, Мнѣ во шаткія мои, во стары ноженьки... Онъ горючима слезьма что заливается, Онъ великою кручиной отирается, Со родимой матушкой вѣдь онъ прощается..... А и въ царскую онъ службу отправляется! (Сымъ). Ты прости меня, родима моя матушка,

Бласлови меня, удала добра молодца, Въ путь-дороженьку мнѣ выдти за воротьица, Буде Богъ судилъ во службъ Государевой... (Мать). Не вздрыгнулися-бы стары мои рученьки На твою-ли что на буйную головушку-Бласловить тебя во службы Государевы.. И не вяжется языкъ во уста старчески.. Теперь годушки-ли, годушки бъдовые, Времена-ли, времена да потрусливыя: Часты-почасты наборы-то некрутскій, Горьки-нагорьки и слезы молодецкій.... Выбирають все удалыхъ добрыхъ молодцевъ, Отрываютъ ихъ отъ родныихъ что гнъздышковъ. Какъ у этого крылечка у перёнаго Ужъ подогнана ступистая лошадушка, Упряжёна въ самокатным во саночки. Ужъ не къ праздничку-то дитятко сбирается, Не къ бладычному родимо снаряжается И не во тихую, смиренну во бестдушку, Не на этую унылую на свадебку-Увзжаетъ что рожёно мое дитятко, Онъ на службу убзжаетъ Государеву, По указу-ли по батюшки по Цареву. Онъ фуражечку съ головушки скидаетъ-то, На всв стороны четыре поклоняется, Со добрыми людями онъ прощается: Онъ со этыми сусъдями съ спорядными, Со этыми съ молодцами съ удалыми, Онъ со этыми душмы да краснымъ дъвушкамъ, Онъ со племенемъ со встмъ своимъ, со родушкомъ, Онъ съ породушкой своей да именитою, Онъ и съ крёстною своею чваковитою. Ужъ онъ ласковы словечки спроговариватъ, Роду-племени онъ все да вѣдь наказыватъ Обо мнѣ, да о безсчастной родной матушкъ: -И хошь въ праздничекъ вы къ ней да заходитетко, Въ воскресеньице вы къ ней да заглянитетко. Ее въ горюшкѣ всечасно утѣшайтетко,

Ее слезыньки вы горьки унимайтетко, Чтобы матушка моя не тосковала-бы, Горькихъ слезушекъ она не проливала-бы!--И знаю-вѣдаю, кручинная головушка, Тяжела да грозна служба Государева, И горька, горька что жирушка некрутова; Да безъ нужды царска служба не бывае, А безъ горя кто-жъ некрута отправляе?... А вденьице солдатущкамъ-сухарушки, А питеньице-что водушка со ржавушкой. Да и выбріоты тамъ жёлтый вѣдь кудёрышки, Да и снимуть тамъ что вольную ихъ волюшку! И не цвътное-то выдадутъ въдь платьице, И не теплое дадутъ имъ обуваньице: Что повыдадуть мундеры суконъ стрыихъ, Не по плечушкамъ любимую покрутушку, Не по ноженькамъ сапоженьки козловые, На головушку фуражку не по модушкъ; Имъ повыдадуть что ружья всёмъ пудовыя, Ихъ повыгонять въ дубравушку зеленую, Ихъ учить станутъ, удалыяхъ головушекъ, И ружейцомъ вотъ станутъ оны помахивать. Какъ подутъ на караулы полуночный, Оть земли зябуть да ноги, ножки ръзвыи, Отъ ружья зябуть да руки, ручки бѣлыи, И отъ вътра подвъвае личко нъжное, И морозомъ прошибае тёльцо юное У этыихъ солдатиковъ что новобранныихъ. Съ руки на руку оружье перекидыватъ, И проворно-то что голову закидывать. Вспомянётъ тогда свою родиму сторону, Проклянеть свою судьбу-ли что безсчастную: -Охъ судьба моя, дътинушки, безсчастная, Моя жизнь-то вся и учась безталанная.... Лучше-бъ матушка меня да не родила И на бълый свътъ меня-бъ не попустила: Всв бъды она тогда-бы упредила И безсчастною судьбой меня-бъ не надълила! -

№ 3. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЛАЧА ЖЕНЫ ПО МУЖЪ НОВО-БРАНЦЪ.

(При проводахъ его, на улицъ.)

(Записань оть мыщанки Владимірской Губ. А. Чуевой.)

Довольно протяжно.

Не бушуйтетко вы, буйны вътры-вътрушки, На мою что на кручинную головушку, Не здымайтетко сыпучъ песокъ Мнѣ во слёзны очи-очушки! Да и какъ, горюшѣ, мнѣ не плакати, Да и какъ еще, печальной, не здыхати?... Что везуть-везуть-ли мово ладушка, *) Что беруть - беруть да во солдатушки, Что стригутъ — стригутъ да во некрутушки; Отрывають отъ крестьянской его жирушки, Отъ безсчастноей его семеюшки! Не могу я слезыньки сдержати, Самокатныя росинки утирати.... А робятушки маль-мала меньше, Ихъ въ игольчато ушко-то въдь не здънешь, Съ собой въ полюшко ихъ не поведешь.... И зачёмъ я ихъ, горюша, спородила, Что безсчастьицемъ я ихъ да надълила?.... И я со горя да со кручинушки Ужо сяду подъ косевчато окошечко: Я тебя, жаланна, буду споминати, Горе-горькое свое что проклинати! И спожидать тебя я стану на побывочку Во мою-ли одинокую во жирушку. А ты въсточку ту радостну пришли, На гербовоей бумаженкъ мнъ отпиши.

И веселыимъ я стану веселёшенька,
Приберу я избушку чистёшенько;
Я робятушекъ пріобужу ранёшенько,
Уберу я ихъ да хорошошенько....
И тебя стрѣтать-то выду въ полюшко,
За широкое за то овраженько,
Гдѣ дороженька что лента разстилается,
За лѣсами за дремучими теряется.
И не красно солнышко-то распекаетъ,
И не свѣтелъ мѣсяцъ на землю зіяетъ,
То родимый ладушко во домъ что ворочается
И со малымъ дѣтушкамъ-то онъ во здоровкается....

№ 4. ПО СЛАВНОМУ ПО НЕВСКОМУ ПРЕШИЕКТУ.

(Рекрутская ивеня, записана во Владимірской губ. отъ А. Чуевой.)

По славному по Невскому прешлекту
Пли рекрутики что удалые,
Вслъдъ за ними матушки родныя,
Позади ихъ—жены молодыя.
Во слезахъ пути—дороженьки не видятъ,
Во рыданьицъ словечка не промолвятъ.
И спроговорятъ рекруты молодые:
— Вы не плачьте, наши матушки родныя,
Не тужите, наши жены молодыя:
Не смочить-то вамъ сырой земли слезами,
Не наполнить синя моря горючими!...
Изнамочитъ сыру землюшку дождями,
И наполнится синё море ръками.
Не ясенъ соколъ съ тепла гнъздышка слетаетъ,

^{*)} Ладушко-мужъ.

Добрый молодецъ изъ дому повзжаеть; Не отецъ, не мать рекрута провожаеть, Провожаеть его красная дъвица, То названая его роденькая сестрица.

№ 5. ГОРЫ, ГОРИКИ-ГОРЫ КРУТЫ, ВЫСОКИ.

(Рекрутская стариннъйшая пъсня средней полосы Россіи. записана отъ А. Чуевой.)

Довольно протяжно.

Горы, горики-горы, горы круты, высоки, Круты, высоки горы, горы Воробьевски! Ничего-то вы, горы, горы не спородили: Вы ни травоньки, горы-горы, ни муравоньки, Вы ни цвътиковъ, горы - горы, ни лазоревыхъ.... Спородили вы, горы - горы, бѣлъ горючь камень. Изъ полъ камешка – камешка бъжитъ, Бѣжить рѣчка, рѣчка быстрая, По край рѣченьки стоитъ Да частъ ракитовъ кустъ, И на кустышкъ-кустышкъ сидитъ, Силить младъ, младъ ясенъ соколъ; Во когтяхъ-то онъ своихъ держитъ, Лержитъ черна, черна ворона; Онъ не ворона-ворона держалъ, Держалъ братца, братца роднаго. Ужъ онъ всть его-то, не встъ, Самъ его онъ выспращиватъ: -Ужъ и гдъ-же ты, воронъ, былъ, Гдъ-же ты, сизый, полетываль?— "Ужъ гдѣ я былъ?... я былъ-леталъ Что во ликихъ степяхъ!" -Что-жъ ты, воронъ, увидалъ,

Что, воронъ, ты высмотрѣлъ? — "Увидалъ я — усмотрѣлъ тѣло бѣлое, Тѣло бѣлое видалъ—молодецкое.. И никто къ тому тѣлу, Никто-то къ нему не залетываетъ. Прилетали къ тѣлу двѣ пташечки: Одна пташица летитъ— Летитъ ро̀дна маменька, Она плачетъ и тоскуетъ, Она льетъ слезу надъ нимъ; Друга пташица летитъ— Летитъ красна дѣвица, Тая красна дѣвичка— Прежняя подружечка!

№ 6. СОБИРАЙТЕСЬ-КО, БРАТЦЫ РОБЯТУШКИ.

Старинная пъсня сибирскихъ козаковъ.

Собирайтесь-ко, братцы робятушки, Вы на зеленый лугь, Становитесь-ко, братцы робятушки, Вы во единый кругь. Ужъ вы думайте, братцы робятушки, Вы думу крѣпкую; Запѣвайтетко, братцы робятушки, Вы пѣсню новую, Вы которую, братцы робятушки, Вечоръ да пѣли-то, Вы вечоръ здѣ-ка, братцы робятушки, Да на синёмъ морѣ. Мы на соколѣ, братцы робятушки,

На черномъ кораблъ, Мы не пъсенки, робятушки, спъвали, Мы горе мыкали.... Горе мыкали мы, робятушки, Слезно плакали; Слезно плачутци, братцы робятушки, Мы слово смолвили, Словцо смолвили, братцы робятушки, И рѣчь говорили: Не видалъ-то, знать, полковничекъ-то нашъ Что страсти-ужасти, Страсти-ужасти, братцы робятушки, Да пальбу пушечну. Есть-ли въ полъ-то, братцы робятушки, Да во чистомъ полъ, Во чистомъ полъ, братцы робятушки, Да такова трава, Что безъ вътра-бы, братцы робятушки, Да колыхалась-то? Чтобъ безъ корешка, братцы робятушки, Да травка выросла? А и выросши; братцы робятушки, Да безъ цвътиковъ выцвъла?... Или есть-ли то да что на сёмъ свѣту̀ Такая строга мать, Что, отдавъ сына да во солдатушки, Сама-бъ не плакала? Какъ большая-то сестра, робятушки, Коня съдлала-ли, Что съдлала-то она, робятушки, Да братцу конюшка; И что средняя, братцы робятушки, Середняя сестра Братцу коня-то она, робятушки, Сама да подвела; А меньшая-то, робятушки, сестра Да плетку подала. Молода жена, братцы, да горюшка,

Что въ воротахъ стоитъ И держить, держить да на рукахъ своихъ Младенчика она. Что младенчика, братцы робятушки, Да ровно трехъ недѣль.... Она плачетъ-то, братцы робятушки, Да что рѣка бѣжитъ! Она слезно-то, братцы, да плачутци, Словпо смолвила: "Ты когда-жъ, надёжа мой-надёженька, Домой будешь опять? Когда-жъ, когда-жъ мнѣ, надёжа мой-надёженька Назадъ тебя-ли ждать?" —Ты глядитко,-бѣдна молода жена, На сине морюшко, На синё море да ты глядитко все, Жена ты, женушка! Какъ на синемъ морюшкѣ-то вдругъ Волна да порасходится, Утлый чёлнъ мой, чёлнъ Волной пригонится. -

отдълъ ш.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ СТИХИ, БЫЛИ-НЫ И ЛЕГЕНДЫ.

Великопостными стихами назывались встарину: былины, легенды и всякіе стихи, исполнявшіеся народомъ Великимъ Постомъ, такъ какъ пѣніе обыкновенныхъ пѣсенъ, не только веселыхъ, но даже и протяжныхъ, постомъ считалось "диломъ гриховнымъ". Это, такъ сказать, эпическая народная поэзія, а обыкновенныя народныя бытовыя пѣсни—лирическая.

1-й СТИХЪ ВЕЛИКОПОСТНЫЙ.

(Олонецкой губ., записант отт Ирины Федосовой.)

Довольно протяжно.

— Матушка Марія, Богородице, Пречудная-ли Дѣва, Пресвятая! Гдѣ Ты ночесь спала, Гдѣ Ты спала—ночевала?— Спала—ночевала во этой горѣ, во артепи, *)

Подъ святымъ подъ древомъ кипаричныимъ. Чуденъ сонъ предъявился Ей: Кажись, Чадо Она спородила, Спородила, въ пелены спеленала Это Чадо во камчатныя; Въ поясы Его обвивала. Въ поясы Его шелковые; Вѣлой грудью Его воспитала. "Такъ тутъ Меня изгоняли, Чало мило Мое отнимали.... Чадо Мое Я съ рукъ не сдавала, Къ бълой груди Его прижимала! Шла Я путемъ, широкою дорожкой, Край пути-дорожки келейка стояла. Жила тамъ жена милосердна. Въ эту келейку Я заходила, Милосливой женѣ говорила: "Возьми ты Чадо Мое мило На свои на бълы рученьки." Милослива жена милосердна Не могла на рукахъ надержаться, На Его свътлость наглядъться, На Его на ризы насмотрѣться. На ея рукахъ Младенецъ стрепенулся.... Какъ на праздникъ на Пасху еврейскую Пошло Чадо Мое мило въ Ерусалимъ во градъ; Десяти лътъ было Оно отъ роду." Пресвятая Мати Марія, Пречудная Дъва Пресвятая, Она плакала, рыдала, Умильно Она причитала: —Ай-же, Чадо Мое мило, Не ходитко во градъ Ерусалиме; Можно Свята Пасха здъка проводити. Я Тебя, Дитё, Своими сосками воспитала, На Свопхъ рукахъ Я издержала, На Своихъ кольняхъ Я качала, Что-жъ Меня не почитаешь,

^{*)} артепъ значитъ - вертепъ.

Моихъ словъ Ты не срътаешь?...-Какъ въ осьмомъ году, въ осьмой тысящи, На седьмой недълъ Поста Великаго, Что собрался Господь въ Ерусалимъ во градъ. Приходиль Іуда туть предатель Ко Господней-то ко Матери. Такъ Она его молила, Тако слезно говорила, Его ласково просила: -Пребывай ты съ Чадомъ милымъ, Ты во градѣ во Ерусалимѣ; Такъ ужъ будешь первый ученикъ ты Моего что Чада дорогаго. Что въбзжалъ Господь въ Ерусалимъ во градъ, На ослѣ въѣзжалъ въ врата Онъ царскія. Кудельницы по улицамъ воду носили, Малыя дъти по улицамъ ходили, И они вътки лозъ ломали И по пути Ему бросали: И ризы всѣ съ себя снимали И по пути ихъ разстилали; А путь Ему цвътами устилали, А женщины кольна преклоняли, Предъ Нимъ дътей своихъ вздымали, И всъ-то на земь упадали, И многіе изъ нихъ рыдали.... И такъ вошелъ Господь въ Ерусалимъ во градъ; Вошелъ Онъ въ Заведеевъ домъ И срвчаеть Его Іўда-предатель туть, Говоритъ Ему слова лживыя: -Туть и горница намъ подготовлена, Тука будемъ мы и Пасху срѣчать, Пасху срвчать, людей поучать — Самъ отъ Христа онъ Бога отвернулся, Пошель онь ко жидамь проклятыимъ И возгласиль имъ со радостью великоей, Что прівхаль Ісусь Назареянинь. Госполь въ его мысляхъ злодъйство читаетъ

И кротко Іуду Онъ вопрошаеть:
"Гдѣ былъ ты, Іуда, держи намъ отвѣтъ:
Со Мною Апостолы здѣся, тебя только нѣтъ?"
Отвѣтъ держитъ Іуда:—простоялъ я на улицѣ до теми,
Все бесѣду я велъ со кудельницами!—

Какъ сталъ Господь на Тайной Вечери, На Пятницу со Великаго Чегверга-Апостоламъ смиренно ноги умывати, Бѣлымъ платомъ утирати. Умывая имъ ноги, колънки преклонилъ. А Апостолъ Петръ тутъ Господу-то говорилъ: -Должны-бъ мы, Господи, Тебъ ноги мыть И эту воду святую - пить! -И пошель затемъ Господь со Петромъ и Павломъ И говорить Петру: "Вѣрно-ли, Петръ, сказано: Ты предашь Меня, трижды откажешься. Раньше чёмъ трижды пётухъ пропоетъ?, Отвѣчаетъ Ему Петръ:-Господи, Господи! Хошь всего меня окати Ты водой, Коль затымъ пришелъ я во градъ святой!-Пришедши въ горницу, сѣли за столъ по порядку: И посадилъ Господь Іуду по праву руку, А Ивана Предтечу по лѣву свою. Туть отъ хлѣба Онъ крому отрѣзалъ, Съ молитвой Апостоламъ подалъ, сказавъ: "Кушайте, братья, аки-бы Тъло Мое!" И налилъ Онъ въ чашу вина и сказалъ: "Пейте вино то, аки-бы Кровь вы Мою!" И, обглянувши апостоловъ, кротко онъ рёкъ: "Изъ васъ одинъ Меня предадите, Въ руки враговъ отдадите...." И стали апостолы всв перешептываться И рекли Господу:-Не я-ли?-Не я-ли?-И пов'вдаль Господь Ивану Предтеч'в: "Кому хлъбъ подамъ-тотъ Меня предасть!" И подалъ крому по правую руку Гудъ. Поужинавъ спать апостолы улеглися.

И пошель Господь въ Гавсиманьевъ Садъ,
И почаль Господь Богу молитися,
До кроваваго пота томитися.
Кровавыя капли по Личику лили,
Уста-же ко Богу—Отцу говорили:
"Пошли Господи—Отче ангела Свово,
Чтобы Чашу отнесъ отъ Лица Моего!..."
И пошель Онъ тутъ въ кедрахъ ходить
И Ивана Предтечу Онъ въръ учить.
А Іуда, къ жидамъ онъ прямо пошелъ
И сказалъ имъ:—идите вы въ кедры ливанскіе,
Идите скоръй во сады Гавсиманскіе,
Берите Того, Кого облобызаю при васъ.—
И пришли старйшны тъ со стражею
И взяли они Господа на муку жидовскую....

И мучили Господа они и позвали учениковъ И спрашивали: —Знаете-ли Царя Іудейскаго? — А старъйшій выспрашиваль апостоловь: --Вы-ли учили съ Назареяномъ этимъ народъ? --И трижды пропълъ на дворъ туть пътухъ. И трижды отрекся Петръ отъ Христа..... И повели Господа Бога враги на распятіе. И вспомнилъ тутъ Петръ Христовы слова И, горько заплакавъ, пошелъ вследъ на Фагоръ. И въ Пятницу несъ Самъ Спаситель Свой Кресть, Онъ несъ его на ту на Өагоръ-гору. И Христа враги тамъ распинаша, Святыя Его ноженьки гвоздьми что прибиваша, Во рёбрышки копьемъ-ли прободаща, И Кровь Его пречистую ту проливали.... А на головушку терновъ вѣнецъ-ли клали; И во глаза Ему они плевались, Надъ Христомъ-ли Богомъ надругались. А со двухъ-ли со сторонушекъ, рядомъ со Христомъ Двухъ разбойниковъ жиды тутъ распинали. И взмолился туть одинь изъ нихъ ко Господу:

-Ты прими меня, Ісусь-ли Назареянъ Господи, Ты прими меня во Царствіе Твое!— И отвъть держалъ Спаситель на крестъ: "Днесь со Мною будеши въ рай!" А апостолы иные у креста что собиралися, Горю горькому они тутъ предавалися. Слезно плакала Марія Мангалида, Что Святой-ли Крестъ тотъ обнимаючи И святую кровь своими длинными власами утираючи. А Марія, Матерь Вожія, поодаль Она стояла, Она плакала-рыдала, на колѣнки припадала, Таковы слова-ли изрекала: — Чадо, Я Тебя родила, Чадо, Я Тебя вскормила, На рукахъ Тебя качала, Изъ Своихъ сосцовъ питала! Нынъ Чадо Мое мило Сердце кровью Мнъ облило: На кресту Оно распято, Въ длани, въ руки гвоздьями пробито.... — "Ужъ Ты Жено, Мати Марія, Пречудная Дъва пресвятая, Ужъ о чемъ Ты плачешь, О чемъ плачешь Ты, рыдаешь?..." — О Себъ Я плачу, Господи, О Твоихъ страданьяхъ крестныхъ: На Крестъ Тебя распяли— Сердце Мнѣ все истерзали!... Тебъ рёбра прободали — Мнѣ всю душеньку изняли!...-Сговорило тутъ Ея Ей Чадо милое, Чадо милое, любимое: "Не плачь, Мати, не томися: Своей смертью Я Тебя прославлю, Отъ гръховъ людей избавлю!, -Ты скажи, Мой Боже-Господи, Чадо Ты Мое родимое, Ты къ кому Меня теперя предъляеть,

Ты пещись о Мнъ кому-же назначаешь? — И сказалъ Госполь въ отвътъ: "Іоанну поручаю, Жено, Я Тебя, Ты ему пусть будешь Мать, Іоане-сынъ Тебъ отнынъ!" И изрёкъ къ Маріи Мангалидъ: "Съ Іоанномъ Мати Мою утвшайте, Словомъ ласковымъ Ее вы ублаждайте! Съ Нею вы отнынъ пребывайте-Заповъди сей Моей не забывайте." Видя скорбь Онъ Матушки Маріи, Ей еще Онъ Слово молвилъ: "Не печалься. Жено, Пресвятая Дѣва! Въ третій день Я, Матушка, воскресну: Я Имя Господа, пославшаго Меня, прославлю! Испишутъ и Твое-ли Лико на икону И поставять въ Божій Храмъ. Будуть Тебя люди умоляти, На кольна предъ Иконой припадати. Свое Свято Имя Я прославлю, И пройдеть Оно изъ въка въ въкъ. Вознесу Тебя Я, Мати, въ небеса Ко Престолу Господа-Отца!" Туть изрёкъ Христосъ-Богъ: "Совершихся!" И Святой Свой Духъ Отду Онъ предалъ.

Во Святую Субботу ученики Христа что погребали, Въ пелены пречистое-ли тъло Его обвивали И во гробъ-ли кипарисный опускали. И настала вдругъ тьма по всей землъ: То померкло-ли солнышко, солнце красное, То потухли всъ въ небеси звъзды ясныя; Разорвалась во Храмъ занавъсь на Святыхъ Вратахъ!.... Страхъ объялъ всъхъ враговъ Христа, Призадумались и старишны-то.... А народъ, что Христосъ поучалъ по селамъ, городамъ, Собрался плакать ко Гробу Господнему.

Какъ на третій день-то случилося, Солучилось-ли чудо-чудное, Чудо-чудное, диво-дивное! Какъ раздался вдругъ гулъ, подзёмный громъ.... И явиль Христосъ людямъ Славу Свою: Во Христово было Воскресеніе то Разступилась земля надъ Гробомъ Христовыимъ, Разверзлись небеса, озарилась земля Свётомъ яркіимъ. Не смогли перенесть Свъта яснаго Вев враги Христа, стража-воины, Что ко Гробу Его-ли врагомъ наприставлены. И упали ницъ, молоньёй какъ сраженные, Свътомъ ясныимъ тъмъ пораженные И возсталь Господь, какъ сказаль Онъ Самъ На крестъ Своемъ Своей Матери, Онъ во третій день погребенія, По словамъ пророческаго Онъ писанія. Открывались могилы святыхъ людей, Выходили изъ гробовъ умершіе И единымъ всѣ гласомъ-ли громкіимъ Прославляли Христа словомъ вельміимъ! И радость была людямъ праведнымъ, и веселіе: Растопталь Христось - Богъ главу зміеву. И пошелъ Христосъ учить народъ Въ Новъ-Завътъ ихъ вводить со Господомъ: И бъжали за Нимъ люди добрые. И внимали Его ръчи мудрыя. И бъгали за Христомъ дъти жидовскія, И подаль имъ Христосъ по камешку. Сказавъ одному: "Христосъ Воскресъ! скажи!..." А другому сказаль: "Воистину Воскресь! отвѣчай." И узнали жиды то проклятые. Что "Христосъ Воскресъ! радость людямъ всемъ!" Что свершаетъ великія чуда вокругъ: Слѣпые прозрѣли и зрячими стали, Глухимъ возвращаетъ Онъ слухъ, Разслабленный всталь, умершій воскресь, И яркимъ сіяньемъ Онъ Самъ окруженъ.

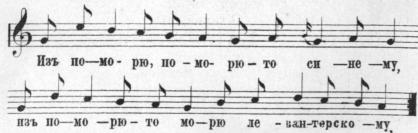
И новое вдругъ совершилося чудо:
Пѣтухъ, ужъ зажаренный, вдругъ стрепенулся,
Змахнулъ вдругъ крылами и трижды-ли онъ возгласилъ.
Тутъ пали враги - жиды тѣ проклятые;
Іуда-жъ, что предалъ-ли Бога за тридцать монетъ,
Передъ своей онъ совѣстью не выдержалъ отвѣтъ
И на осинѣ со отчаянья повѣсился.
А лучше было-бъ, какъ разбойникъ на крестѣ,
Коли-бъ съ прощеніемъ припалъ къ Его святой рукѣ.
И съ той поры осина и безъ вѣтрышка трясется.

Пробывши на землѣ немного дней,
Пошелъ Спаситель на гору Левонскую,
Куда пришли ученики, апостолы, а къ нимъ
Старинные пророки: Моисей, Илья.
И тутъ Христосъ вручилъ Петру ключи отъ рая,
И всѣмъ апостоламъ Онъ заповѣдалъ учить народъ.
Тутъ стали Богу всѣ молиться;
Вдругъ сталъ отъ нихъ Онъ подниматься.
И свѣтъ такой блестящій засіялъ,
Что страхъ апостоловъ объялъ.
И тутъ Господь преобразился!

2 й СТИХЪ: "О КНИГЪ ГОЛУБИНОЙ".

(Записань оть Ирины Федосовой.)

Довольно протяжно.

Изъ по морю, по морю-то по синему,
Изъ по морю-то, морю левантёрскому,
Вхало— бъжало тридцать кораблей
Что искать—отъискать книгу голубиную,
Спохованную въ воды глубокія,
Во глубокія, въ берега во широкіе.
Златомъ, серебромъ корабли изукрашены,
Дорогою тканьей изнавъшены,
А сидятъ тамъ и бдятъ люди древніе,
Люди древніе да поштенные;

Ихъ съдые власы серебромъ отдаютъ, А морицины глубокую мысль выдають. А одинъ-то корабль красивъе смотрълъ, Словно яхонтъ корабль тотъ на солнцъ горълъ Корма, носъ у него-по турецкому, Вока выведены у него по нъмецкому, Паруса на кораблѣ томъ камчатные, Еще той ли камки что заморскія; Онъ оснащенъ корабль по россейскому, И канаты на немъ по бълозерскому. Слово змѣй - Горынычъ по волнамъ несется И ништо-то на немъ не стрепенется: Не змотается, не колышется на волнахъ корабль. И не страшенъ тому кораблю грозный валъ. Спереди, вм'всто глазъ, каменья горящіе, Вмъсто дровъ-то куницы, лисицы палящія. Всв корабли установилися; Этотъ корабль напередъ бъжить, Ото всѣхъ кораблевъ да уходитъ онъ; Изо встхъ-то онъ встхъ и могучте. Изо всъхъ-то онъ всъхъ и бъгучъе! Вст моря-то давно онъ вокругъ обощель; Становился онъ у крута берега незнакомаго, Въ берегахъ то въдь онъ чужеземныихъ, Въ островахъ-то въдь что небывалыихъ. Какъ пришелъ-то корабль къ таку мъсту, Къ таку мъсту, ко багоръ-горъ, Ко тыимъ стопамъ ко Адамовымъ, Ко тыимъ следамъ ко Господнимъ. Наставала тутъ туча темная, Со громомъ пройде туча, со молвіей, Со громомъ пройде со трескучимъ, Съ молоньёй пройде со палючей. Объявилася книга голубиная У тыихъ стоповъ у Адамовыхъ, У тыихъ следовъ у Господніихъ. Собиралися — сокоплялися Туть со всвхъ-ли странъ люди знатные, Люди книжные, именитые, И заморскіе всѣ Королевичи, И вев-ли дьячки, вев дьяковичи, Еще всъ-то попы, да поповичи; Стали они книгу ту перебирати, Да никто не могъ голубинаго писанія прочитати.

Они всв стоять призадумавшись, Во глубокую думу окунувшись. Вдругъ съ того корабля левантёрскаго. Со того-ли снастья бълозёрскаго Выступаетъ мудрецъ Вотосеевичъ. И премудрый мудрецъ Вотосеевичъ, Онъ читалъ что ту книгу шесть годовъ. Прочиталъ онъ въ той книгъ шесть листовъ. Онъ читалъ – сидълъ не разгибаючись. На свою ручку правую опираючись. Обступали тогда мудреца со допросами, Люди добрые припадали къ нему со вопросами: "Ты, премудрый мудрецъ, Вотосеевичъ. Ты теперь-ли скажи намъ по памяти, Ты изъ намяти скажи намъ по грамотъ. Ты всю правду скажи намъ по старости; Отъчего зачалась та книга голубиная"? Такъ отвъть свой держалъ премудрый мудрецъ. Что премудрый мудрецъ, Вотосеевичъ: —Ужъ вы слушайте, братья -собратьица, Вы заморскіе Королевичи. Вы дьяки всѣ дьяковичи, Вы попы вс в поповичи: А зачалась та книга голубиная Отъ Өагоръ-горы той великоей, Гдв стопы ли. стопы что Адамовы, Гдъ слъды-ли, слъды что Господніи!-"Ты еще намъ скажи. Вотосеевичъ. Ты еще намъ скажи что по памяти, Ты изъ намяти скажи намъ по грамотъ, Ты всю правду открой намъ по старости: Отъчего зачался-ли что бѣлый нашт свѣтъ"? —Вѣлый свѣтъ зачался—отъ Словесъ Ero, Отъ Словесъ Его, отъ Господніихъ!-"А теперь намъ скажи, Вотосеевичъ, Ты скажи-ли, скажи намъ по памяти, Ты изъ памяти скажи намъ по грамотъ. Ты всю правду скажи намъ по старости: Отъчего зачалось красно солнышко"? -Красно солнышко отъ Его Лица, Отъ Его Лица отъ Господняго!-"Ты, премудрый мудрецъ, Вотосеевичъ, Ужъ скажи-ли намъ ты по памяти. Ты, изъ памяти скажи намъ по грамотъ. Ты открой-ли всю правду по старости: Отъ чего зачался что свътёль мъсянъ"?

—A свътёль мъсяць—оть Очей Ero, Отъ Очей Его что Господніихъ!--. "Ты, ученый мудрецъ, Вотосеевичъ, Ты скажи-ко, скажи намъ по памяти, Ты изъ памяти-ли скажи намъ по грамотъ, Ты ту грамоту открой намъ по старости: Отъ чего зачались часты звъздочки "? -Часты звъздочки зачались отъ Сіянія, Отъ Сіянья Его отъ Господняго!-"Ты мудреный мудрецъ, Вотосеевичъ, Ты скажи-ли намъ что по памяти, Ты изь памяги - ли скажи намъ по грамотъ, Ты изъ грамоты – ли скажи намъ по старости: Что такое скажи намъ Кіянъ-море?" Призадумался что мудрецъ Вотосеевичъ, Покачаль онъ своею съдой головой: -Кіянъ-море, собратьица, то-всъхъ морей море, Какъ Фагоръ-гора-всвиъ горамъ гора: Какъ горою все освътилося. Такъ водою все пріомылося!... Въ книгъ правды тъ проявилися, -Людямъ радости пріоткрылися!— И корабликъ тотъ, что получше былъ, Съ Вотосеевичемъ въ путь обратный плылъ; А въ рукахъ онъ держалъ книгу-мудрую, Книгу мудрую-голубиную. Онъ впередъ все читалъ, все провъдывалъ, Про Кіянъ - море, про Өзгоръ - гору, Все про голубиную - ли про книгу ту.

3-й СТИХЪ: О ДВУХЪ БРАТЬЯХЪ ЛАЗАРЯХЪ.

(Записань от Ирины Өедосовой.)

Довольно протяжно.

Жило да было два братца Лазаря. Одинъ былъ братецъ—богатый Лазарь, Другой былъ братецъ—убогій Лазарь. Три года убогій въ постелюшкѣ лежалъ, Три года убогій хліба - соли не видаль, Три года убогій свѣта бѣла не знавалъ. Пошель убогій къ брату своему, Къ брату своему просить милостыню: -Ай, -- закричалъ убогій своимъ тухлымъ голоскомъ, --Братецъ ты, братецъ, богатый Лазарь, Сотвори, братецъ, милостыньку, Милостыньку, братецъ, ради Христа, Ой, ради Христа, ради Бога распята!-Закричаль богатый громкимь голоскомь: "Сытъ ты, собака, прочь отъ окна! Есть у меня гости получше тебя, Получше тебя, побогатье меня, У которыхъ много злата да сребра, У которыхъ много скачна жемчуга!" Пошель убогій во чисто поле, Закричаль убогій своимь тухлымь голоскомь: -Господи Господь, Спасъ милостливой! (Здъсь поникъ убогій головой) Услыши, Боже - Господи, моленіе мое, Моленіе мое, что Лазарево: Пришли Боже трехъ ангеловъ своихъ, Трехъ ангеловъ своихъ да милосливыхъ, Выняли-бы душеньку изъ бѣлыхъ грудей И положили-бы душу на востро копье, Подынули-бы душу вверхъ высоко, Вверхъ высоко душу на небеса!-Услыхалъ Господь Богъ моленія его, Прислалъ Господь съ небесъ трехъ ангеловъ, Трехъ ангеловъ своихъ да милосливыхъ, Милосливыхъ да жалосливыхъ: Вынимали душу честну изъ тъла, Вынимали душеньку сквозь сахарны уста; Положили душеньку на золотъ подносъ, Подынули душу вверхъ высоко, Вверхъ высоко душу на небеса, Положили душу въ рай у Христа. Пошель богатый гостей провожать,

Нашла на богатаго скорбность слинота, Не узналъ богатый ни дому, ни жилья, Не видалъ богатый ни женъ, ни дътей. Пошель богатый во чисто поле, Закричаль богатый своимь громкимь голоскомь: -Тосподи Господь, Спасъ милосливой, Пришли ко мнѣ, Боже, трехъ ангеловъ, Трехъ ангеловъ ко мнѣ милосливыхъ, Выняли-бы душу честну изъ тъла, Честну изъ тѣла сквозь сахарны уста!-Услыхалъ Господь-Богъ моленье его, Моленье его, богата Лазарево. Послаль Господь съ небесъ трехъ ангеловъ. Трехъ ангеловъ да немилосливыхъ, Немилосливыхъ да нежалосливыхъ; Вынимали душу они нечестну изъ тъла, Вынимали душу, ломали крюкамъ; Положили душу на востро копье, Подынули душеньку вверхъ высоко, Положили душу въ огненну рѣку, Въ огненну рѣку, въ горячу въ смолу. Увидаль богатый брата своего, Сговорилъ богатый слово таково: —Братець родимый, убогій ты Лазарь, Сходи-ко ты братецъ, ко синю ко морю, Принеси-ко, братецъ, хошь мизинцемъ воды!...-Споговорилъ убогій брату своему: -Жили мы были на вольноемъ свъту, Въ тъ поры, братецъ, ты братцемъ не назвалъ, Въ тъ поры родимымъ не нарекалъ. Выли у тя гостюшки получше меня, Получше меня, побагатъе. А нонче мнѣ, братецъ, воля не своя, Не своя воля, воля Господняя! Была-бы воля - я принесъ-бы воды, Принесъ-бы водушки воду братцу свому. Братцу свому, что богатому-ли Лазарю!--

4-й СТИХЪ: О ЛЮТОМЪ ЗМБЪ *) И О ЕГОРІИ ХОРОБРОМЪ.

(Записань от Ирины Федосовой.)

Довольно протяжно.

Въ осьмомъ году, въ осьмой тысящи, Въ осьмой тысящи, въ Марки мъсяци, Въ Марки мъсяци напустилъ Господь, Напустиль Господь страсть великую, Страсть великую, змію лютую. Стала змія просить по головы, По головы по скотининой. Ай скота во градѣ мало ставится, Мало ставится да прівдается. Ай стала змія брать по головы, Ай по головы по лошадиныя. Ай кони во градъ мало ставится, Мало ставится да прівзжается. Ай стала змія да жать по головы, По головы по человъческой. Ай народа во градъ мало ставится, Мало ставится да оставляется. Собирались мужики все степенные, Надълали жеребья что дубовые. Повыпаль жеребій на царскій дворъ, На того царя да на Агапита. Закручинился царь, запечалился, Онъ повъсилъ свою буйну голову, Утонилъ **) онъ очи во сыру землю. Вотъ срътатъ его молода жена:

-Ужъ ты что-же, царь, кручинишься. Ты кручинишься что, царь, печалишься?-"Еще какъ-бы мив да не печалиться, А и какъ-бы мнѣ да не кручиниться?.. Ай повыпаль-то жеребій ноныся на дворь На меня, царя, да на Агапита!.. " -Не кручинься, царь, да не печалуйся: У насъ дочи есть Емлафія. Что Емлафія-ли Агапіевна. Станемъ дочь мы подговаривать, Подговаривать да ю обманывать: —Замужъ отдадимъ тебя, дочь родную, Мы за синее-ли то за морюшко, Мы во этое во царство во людейское, Мы за славнаго купца, богатаго, За богатаго купца, за тароватаго. Ты вставайко-то, дочь, утромъ ранёшенько, Умывайся, дочь, да ты бълёшенько, Споряжайся, дочь, да хорошошенько, Выходи-ко, дочь, да на широкій дворъ: Тамъ подывана тебъ троечка, Эта троечка да вороныхъ коней.--Повышла дочь на широкій дворъ, Тамъ стоитъ каретушка-ли темная, А на козлахъ сидитъ что дътинушка, Что дътинушка сидитъ поворедный. *) Закручинилась дочь, запрчалилась, Проливала она горючи слезы: Съ отцомъ съ матушкой вотъ прощается, Со былымь свытомь разставается. Она сѣла въ каретушку темную, Ай повезъ дътинушка ее поворедный, Ай ко этому-ли ю ко синю морю, Ко лютой змів да на съвданіе, На пещерское поклеваніе. Туть оставиль ее дѣтинушка

^{*)} Змія-выговаривается съ удареніемъ на і.

^{**)} Утонилъ-значитъ вперилъ, устремилъ.

^{*)} Поворедный - безобразный, вредный.

У синя моря одинёшеньку. Откуль, неоткуль по чисту полю Еще конь бъжить, да земля дрожить?... Повзжаль то Егорій хоробрый—свъть Ко тому да ко синю морю; Привязалъ коня онъ ко сыру дубу: -Поищи, дѣвица, въ буйной головѣ, Пока буду спать я на сырой земль. Ты гляди, д'ввида, на синё море: Какъ синё море да всколыхается, Аль волна да порасходится, Аль вода съ нескомъ да вдругъ номутится, И покажется змія, да змія лютая, Ты буди, дъвица, ото кръпка сну, Подымай мою-ли буйну голову!-Ай синё море да всколыхалося, Ай волна въ глубокомъ расходилася, Ай вода съ пескомъ да помутилася, Изъ того да изъ синя моря Показалась змія лютая, Змія лютая, трехглавая. Туть стала дъвица что будить его; Отъ крѣпка-то сну онъ не пробудится; А люта змія да приближается. Учала дъвица слезно плакати, Уронила слёзу на бѣло лицо, На бъло лицо Егорьево.... Оть кръпка туть сну онъ пробуждается: -Ты отръжь, дъвица, шелковъ поясокъ, Привяжи ты змію на одинъ узелокъ: Ужъ и будетъ змія кротка да смирна, Кротка да смирна, какъ скотинушка. Ты веди змію въ свое царство, Въ свое парство-ли государство, Ко тыймъ мужикамъ да пужливыимъ, Ко тому-ли царю ко Аганиту. А меня ты веди въ церковь Божію, Ко Егорью-свѣту ко хороброму,

Ко Никол'в веди ко Святителю И св'ящу затепли ко Спасителю! —

5-й СТИХЪ: ЛЕГЕНДА ПРО АЛЕКСЪЯ БОЖІЯ ЧЕЛОВЪКА.

(Записант отт Ирины Федосовой.)

Довольно протяжно.

Во славноемъ во римскоемъ во царствъ, У славнаго князя Ефимъ-Яна Не было ни сына, ни дочери, Не было никакого отродія. Пошель князь, Ефимъ-ли богатый, Пошелъ во мъстную во церковь; Поставиль онъ свъщи не большія, Положилъ поклоны земные: -Дай-ко, Господи, мало мив отродье, Пошли, Господи, на землю отплодье! Создай, Господи, сына, либо дочерь, Съ малыхъ лътъ ихъ на утъху, Мому полу-въку на перемъну, Подъ старые дни на потъху!-Вогородица гласомъ прогласила: "Ай-же, Ефимъ-Яне, княже богатый, Поди-ко ты въ свою каменну палату, Возьми-ко ты шелковъ свой неводъ, Идь-ко ты на синё море, Вылови свѣжую ты рыбину, Скорми обручной княгинъ Катеринъ: Съ той поры княгиня понесется; Принесеть чадо тебѣ мило,

Принесетъ тебѣ-ли она сына; Порекутъ ему имя Алексвемъ." Туть взяль Ефимь-Янь шелковь неводокь, Пошелъ ко синему ко морюшку, Выловиль онъ рыбину-бѣлужинку, Съблъ ее онъ съ обручной княгиней Катериною: Съ той поры княгиня понеслася; Срочну времю по исходъ Принесла княгиня ему сына. Туть зазваль къ себъ-ли князь богатый Всъхъ вокругъ поповъ и протопоповъ, Всвхъ къ себъ гостей-ли знатныхъ; Крестиль чадо онъ съ молитвой, Дали чаду имя Алексвй. Ростиль Алексъя до семи онъ лътъ; Стали его грамотъ учити, Сталъ святыя книги онъ читати: Алексвю-сввту грамота далася. Ростили Алексъя мать, отецъ, Ему стало ужъ семнадцать лѣтъ, Стали думать, какъ его женити, И княгиню стали прибирати Во своемъ во римскомъ въ славномъ царствъ. Вотъ прибрали что княгиню Пелагею У славнаго купца да у богатаго, Сходили въ Божію во церковь: Златые вѣнцы принимали, Единъ Вожій кресть ціловали Съ обручной княгиней Пелагеей. Приходили они въ свои палаты белокаменныя, Разставлены тамъ столы все дубовые, Разостланы скатерти тамъ бълыя, Разложены кушанья сахарныя, А и питвица медвяныя. Садились они за столы за дубовые Со своими гостями съ приходящими, Со своими друзьями со любимыми. Всв-то на пиру да навдалися,

Вев-то на пиру да напивалися. Алексви-свъть кушаній не искушаеть, Медвяныхъ питвицевъ не испиваетъ; Буйную головушку онъ приклоняетъ, Горючи онъ слезы проливаетъ. Подходила матушка родимая Ко этому столу да ко дубовому, И смотритъ она на чадо свое, Что горькія онъ слезы проливаеть, Кушаньевъ сахарныхъ онъ не искушаетъ, Медвяныхъ питвицевъ не испиваетъ: -Ай-же, чадо ты мое, чадо милое, Такъ-ли тебя, молода, да женили мы?... Аль княгиня теб' что-ль не по сердцу?!..-Выходили гости изъ за стола дубоваго, Свели молодыхъ во темную во спаленьку. Алексви-свыть спать не ложился, Всю ноченьку Господу онъ молился. И спроговорить обручная княгинюшка: "Ай-же, мужъ мой, мужъ любезный, Алексви, ты человъкъ-ли Божій, Что-же ты спать не ложишься, Всю ноченьку Господу молишься?" Онъ ей ничего не отвѣчаетъ. Сняль онь со руки златой перстенекь, Отдаль обручной его княгинюшкъ; Сняль онъ шелковой поясокъ Отъ свово ретливаго сердечушка. И спросила княгиня обручная: "Ты куды, Божій человѣкъ, справляешься, Скоро-ли домой возвращаешься?" Туть Алексъй Божій своей женъ отвъчаеть: -Когда этотъ перстень распаяется, Когда поясокъ тотъ расплетется, Тогда жди домой мужа, княгинюшка!.... И пошелъ Алексъй ко синю морю: Садился въ корабликъ онъ маленькій, Повхаль въ Юденское парство онъ.

Во эту пустыню во богомольную, Во эти скиты во подзёмные. На моръ буйный вътерокъ повъваетъ, Тонки парусы надуваетъ. Събхалъ Алексви, человъкъ Божій, Въ эту пристань корабельну, Во эту пустыню богомольну; Пришель онъ ве Божію во церковь, Надълъ онъ ризы черныя, Господу Богу молился День деньской со свъщами, А ночью-ли со слезами. Ничего про него не въдая, Родители слезы проливали; Все про него прознавали— Нигдъ не могли узнати. Туть Алексви, Божій человвкъ, Здумалъ вхать во свое римско во царство. Волоса его посълъли. Голова его побълъла. Пришель онъ въ Божью церковь, Всталь онь съ нищей, меньшей братьей, Тоже руку свою простираетъ. И какъ идетъ Ефимъ-ли, князь богатый, Милостыню онъ раздаваетъ, Своего онъ сына поминаетъ. Пришелъ онъ и къ каликъ перехожей: "Помяни и ты чадо мое мило!" -Ай-же, Ефимъ-Янъ, князе богатый, Со твоимъ сыномъ мы въ одной пустынь спасалися, Вмѣстѣ Господу молилися!— Сталь-то князь богатый подходити Ко этому каликъ перехожему, Сталъ-ли ему ласково онъ говорити: "Пойдемъ въ мою каменну палату, Поразскажень мнѣ про человѣка Божія." -Ай-же, Ефимъ-Янъ, князе богатый, Сострой келейку у свово крылечка у перёнаго,

Узришь чадо свое милое: Придетъ туда Алексви, Божій человъкъ. — Состроиль князь келейку особу, Взялъ калику туды жити; Стали ему яствы посылати. Прислуги яствъ тъхъ не приносятъ, Доносять все одни помои. И спроговорить Алексей, Божій человекь: -Приносите мнъ листъ бълой бумаги, Принесите черниленку со чернилами, Принесите перо лебединое!-И написаль онъ свое рукописаніе, Благодарилъ князя Ефима-Яна. Взяль свое онъ рукописаніе Во свою во праву рученьку. Тутъ понесло демьянъ *) и ладонъ По всему по римскому по царству. Всѣ люди-людюшки дивилися: —И гдѣ-жъ это мощи объявилися?— Пошель Ефимъ-Янъ, князь богатый, Во эту во келейку. Отворили двери дубовыя: Святой духъ-ладонъ столбомъ стоитъ, Алексъй Божій мертвъ лежитъ, Во правой рукъ рукописание держитъ. — И никто не могъ взять у него рукописанія. Пришелъ и Ефимъ-Янъ, богатый князь; Отдалъ ему Алексъй свое рукописаніе— И проливалъ Ефимъ-Янъ слезы горькія. Приходила матушка родная, Приходила и обручная княгиня Пелагея, Проливали онъ слезы горькія, Говорили-то онъ слова умильныя: "Что-же ты намъ не сказался? Мы-бы вмёстё съ тобою молились, За единый-бы столъ мы садились,

^{*)} Демьянг значить — Фиміамъ.

Во едину-бы въру поступали,
Вмъсть зёмные поклоны мы-бы клали."
И ухватилась обручна княгиня Пелагея
За этоть золотой перстенекъ:
Золотой перстенекъ распаялся,
Шелковой поясокъ расплетался...
И понесли Алексъя, Божія человъка,
Во эту соборну во церковь,
Несли по три дня, по три нощи.
И раздавалъ Ефимъ—Янъ, князь богатый,
Свое злато, свое серебро
По этой по нищей по братьъ,
Вспоминая сына свово милаго.

6-й СТИХЪ: НАРОДНАЯ ЛЕГЕНДА О ПРАВЕДНОМЪ ВАСИЛІИ.

(Записань от Ирины Федосовой.)

У вдовушки было у Пашицы,
Выло девять дочерей;
Всв пошли оны по спасищамъ,
Всв пошли по Божіимъ церковамъ.
Меньшая сестра Софіюшка,
Она пошла ко сусвду на бесвдушку;
Она свла—посвла на дверну лавочку,
Думала сказать: "ты, Господи, прости!"
Попала сказать: "Васильюшка—дружокъ,
Попотронься, подвинься на лавочкв сюды".
Проведала Васильева матушка:

Она скоро-то шла широкимъ дворомъ, Поскорве того по новымъ свнямъ; Отпирала дверь она дубовую, Отбранила сына свово однороднаго: —Еще что у васъ такое за совѣтъ большой? — И ушли Софіюшка съ Василіемъ вдвоемъ Дни коротать, грѣхи отмолять. Туть оны да переставилися. *) Такъ ужъ несли Василья на буйныхъ головахъ, А Софіюшку несли на бълыхъ рукахъ; Ай **) Василья отпъвали въ Божьей церкови, А Софію отпъвали что на паперти; Василья хоронили по праву руку церкови, А Софію хоронили по ліву руку церкови; На Василь выростала золота верба, На Софіи выростало—кипарись — древо, И чрезъ Божью церкову преосвященную Пруточки съ пруточками свивалися, Листочки съ листочками слипалися.... Люди йдуть да дивуются, Малки ***) идуть — да натышутся, Старцы идуть—да наплачутся. Проведала Васильева матушка: Она скоро шла въ нову кузницу: Топоры сковала булатные, На Васильюшк в срубила золоту вербу, На Софіюшкъ срубила кинарисъ -древо! Тутъ сама она вдругъ переставилась.

^{*)} Переставилися—умерли.

^{**)} Ай Василья—вывсто: А Василья то пли выдь Василья-то.

^{***)} Малки —значитъ дъти.

7-й СТИХЪ: О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЕЖЕНЕДЪЛЬНАГО ПО-СТА ВЪ ПЯТНИЦУ.

(Записань оть Ирины Федосовой.)

Довольно протяжно.

м вс-- -томъ

Старедъ въ пустынъ спасался, Немоглъ *) ни руками, ни ногами, Никакіимъ мѣстомъ. Пятница во снѣ показалась, Богородица гласомъ прогласила: —Въ пятницу, среду поститесь, На кажду субботу причаститесь, Въ воскресный день Богу молитесь; И дъти отца, матерь почитайте Отецъ, мать дѣтей не проклинайте, Жидовами ихъ не нарекайте: Жидовы у Господа прокляты, Кои Христа распинали, Святу Его кровь проливали, Златны Его ризы разрывали.— И расплачется душа моя Передъ Спасомъ передъ образомъ, И растужится тѣло мое Предъ Святой предъ Богородицей: -Ай же Ты, Господь-Царь Небесный,

Не лишай насъ Твоего блаженства;
Не дай намъ въчныя муки
За наше велико прегръшенье,
За наше большое беззаконьство.
Жили мы-были на вольномъ на свъту,
Въ Божью церковь не ходили,
Богу—Господу не молились,
Пятницу святую не постились,
Заповъди Твои не исполняли,
Свято Твое имя не воспоминали;
Матушку Пресвятую Богородицу не умоляли,
Много, много передъ Ней мы согръщали!....

8-й СТИХЪ: ЛЕГЕНДА О ЦАРИЩЪ КУДРІЯНИЩЪ И О ЕГОРІИ ПРАВЕДНОМЪ (времени татарскаго полона).

(Записант отт Ирины Федосовой.)

Довольно медленно.

Навзжаль Царищо Кудріянищо Во пустыню въ богомольную, Во обитель во спасёную. Всѣхъ Князей, бояръ повырубилъ, Молодыхъ княгинь въ полонъ побралъ; Благовърнаго Царя Феодора Онъ сподмя склонилъ, *) голову срубилъ.

^{*)} Немоглъ ни руками, ни ногами (немоглый) значитъ—не владъющій ни руками, ни ногами.

^{*)} Сподмя склонилг-обманомъ склонилъ, обманулъ.

Оставалося чадо милое, Чадо милое-дитятко единое, Одинокое дитя—Егорій свѣтъ, Егорій свѣть да семнадцать лѣть. Почаль онъ свъта Егорія мучити Всякамъ муками разноличными: Сталъ Егорія пилой пилити, Безъ питва, безъ яствъ томити. Какъ по Божьему повелѣнью, По Егорьеву богомоденью Во пилахъ зубья прикрошилися, Ай вкругъ люди изумилися, Что Егорія свъта пила нейметь, А молитва изъ грудей идетъ. А Царищо Кудріянищо, Онъ того, собака, не пытаютци, Ужъ онъ сталъ Егорья топоромъ рубить, Ужъ онъ мнилъ молитвы во груди сдавить. Въ топору лезья да отвалилися, Безъ крови лезья вдругъ притупилися— А Егорія свѣта топоръ нейметъ, На устахъ его улыбочка цвътетъ. А дарищо Кудріянищо Онъ того, невърный, не пытаютщи, Ужъ онъ сталъ Егорія въ котлѣ варить, Во котлѣ варить, во смолѣ кипить. Во котлѣ Егорій-свѣтъ стой-стоитъ, Онъ стоя-стоитъ, стихи поетъ, Онъ стихи поетъ да херувимскіе, А дъянья въ нихъ Ерусалимскія. Славу славить онъ ко Господу, Молить онъ Его за грѣшныхъ-тутъ. По Егорьеву по моленію, По сердешному умиленію А Егорія свъта и смола нейметь-Со молитвою онъ въ нее идетъ. А дарищо Кудріянищо Онъ того, невърный, не пытаютци,

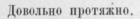
Ужъ онъ сталъ его на огнъ жигать. На огнъ свътъ-Егоръ сидия сидить, Ой сидий сидить, все стихи голосить; Славу славить онъ все ко Вышнему, Къ Богу Господу ко Всевышнему. Подъ Егорьемъ -свътомъ ростетъ травушка, Шелковая трава да муравушка; Ай цвъты ростуть да лазоревые, Отъ нихъ кисти висятъ да размашистыя. И по Божьему да повельнью. По Егорьеву-свъть богомоленью-Ай Егорья-свъта и огонь нейметь. А Царищо Кудріянищо, Онъ того, собака, не пытаютци, Какъ схватилъ Егорья за желты кудри, Потащилъ Егорья ко синю морю, Ужъ онъ сталъ Егорья на водъ топить, На водъ топить да колесомъ вертъть. А Егорій свѣтъ говолёмъ *) плыветъ, Говолёмъ плыветъ, все стихи поетъ; Славу славить онъ все ко Господу, Все ко Господу ко Всевышнему. А Царищо Кудріянищо, Онъ того, невърный, не пытаютци, Ужъ онъ взялъ Егорья за бълы ручки, Онъ повелъ Егорья во чисто поле, Онъ копалъ-то про Егорья что глубокъ подвалъ: Тридцать саженъ погребъ въ глубь идетъ, Двадцать саженъ въ долину возьметъ, Въ ширину пять саженекъ — Тука-бъ скоротать Егорьевъ въкъ! Онъ спустиль туды Егорья-свътушка хоробраго, Онъ желтымъ пескомъ его да призасыпливалъ, Онъ пеньёмъ-колодьёмъ заворачивалъ, А катучими что камушкамъ закидывалъ, Онъ пошелъ, невърный, порасхвастался:

^{*)} Говолёмъ-головлемъ (головль-рыба).

-- Не бывать Егорью на святой Руси, Не видать Егорью свѣту бѣлаго, Свъту бълаго. да солнца краснаго!.. Не видать Егорью отца, матери...-Какъ по Божьему вдругь да велѣнью, По Егорьеву богомоленью, Не отколь да со чиста поля, Со восхода солнышка съ утра, Да призавіяли-то в'тры буйные На этую да на могилушку: Ай бёлы камушки да раскатилися, Ай пеньё-колодьё развалилися, Ай желты пески вдоль поразнесло, Мураву-траву размуравило... Налетели Ангелы-Архангелы: "Ты вставай-ко, Егорій, за святую Русь. Ты подитко, Егорій, въ свою сторону: Ты сострой-ко, Егорій, церковь Божію, Церковь Божію Егорію что хороброму!"

9-й СТИХЪ: ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ТАТАРСКАГО ПОЛОНА.

(Записанъ отъ А. Чуевой.)

Какъ было то во тридцатомъ году,
Во тридцатомъ году, двѣ сотни, одна тысяща,
Какъ туча-ли черная понадвинулась,
На Русь—матушку что накинулась,
Ой темна, грозна та туча страховитая,
Татарва̀ погана, плодовитая!

Заволокла та туча, быдто смерчь кака, Заволокла-ли ясно солнышко, И не видать его намъ изъ за тучъ, Не грветь насъ его что жаркій лучь. Ко страшному-ль суду мы придвигаемся Иль къ смерти вев мы коротаемся? Иль гижвъ то Божій на людей нисшелъ И за грѣхи Господь враговъ навель?... Надъ нашею родной землей тѣ потѣшаются, Надъ прахомъ-ли отцовъ да надругаются; А землюшка стоитъ что не распахана, Въ закромахъ, въ погребахъ ничто припасено. Всякъ здёсь что странникъ живетъ, Притаившись въ углу, слово молвить боясь, Иль въ лѣсу схоронясь во дремучіемъ, Чтобъ не стрътиться ввъкъ со поганьскіемъ. А богатствіе въ лісь понатаскано, Въ безпорядка везда ямы роетъ народъ, Чтобъ не отняла все татарва — супостатъ. Женъ, робятъ, дочерей Прячуть словно что кладъ, Какъ приглянется кто-уведетъ супостатъ. А Князья во ордище поганое Умолить племя спѣшать окаянное! И дары-то везутъ златомъ, серебромъ, куницами, Да и скачныимъ жемчугомъ, медомъ и лисицами. Всюду вопли и плачъ раздаваются И мольбами вокругь оглашаются. Сирответъ отецъ-дочь татаринъ угналъ, И нагайка взвилась, коли пикнуть посм'влъ. Воетъ тутъ-же вдова, убивается, Горючьми-ли слезьми заливается: -Свѣтъ--родимый сынокъ, я вскормила его, Врагъ поганый угналъ во неволюшку, На тяжёлу круту на работушку! Въдь единый - онъ былъ у меня, у вдовы... Кто прокормить меня?.. а какъ смерть-то придеть, Кто закроетъ глаза, на кладбище снесетъ?....

Охъ, услыши, Господь, слезы грѣшныхъ людей, Стоны русской земли, женъ, отцовъ, матерей. Разорви тучу Ты страховитую, Отстрани Ты отъ насъ долю горькую! Поверни къ намъ лучи солнца краснаго, А и мѣсяца свѣть къ намъ Ты яснаго!... Ты Владычица, Святая Богородице, Многомилосливая Ты наша матушка, Наша-ли Ты Покровительница, Вѣковѣшная Заступница! Ты нашли, нашли святой Свой гнѣвъ На враговъ тъхъ супостатныихъ, Ты раскинь, раскинь святой покровъ На Твоихъ рабовъ смиренныихъ, Чтобъ враги тъ испужалися, Во свояси ворочалися! —

10-й СТИХЪ: ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ТАТАРСКАГО ПОЛОНА.

(Записань от няни Марьи Ивановны.)

Уныло и протяжно.

Не шумъ шумить, не- громъ гре-мить, мо ло - дой тур-чинъ по

лонъ дъ - литъ, по - лонъ дъ - литъ.

Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ, Молодой турчинъ полонъ дѣлитъ, Молодой турчинъ полонъ дѣлитъ: Да и кто кому достанется? Онъ меня ведетъ во невольище, Молоду жену мою на позорище... Убѣгу я въ степь, степь привольную, Отомщу врагамъ за кровъ православную. Подберу себѣ удальцовъ лихихъ,

Разгромимъ въ конецъ враговъ мы лютыхъ. У поганыхъ въ плѣну молода̀ сестра, Приневолена она за турча̀нина..... А легко-ль отцу тотъ позоръ сносить, Что родная дочь враговъ на свѣтъ родитъ?.. Изстрадалась вся Русь православная, Потонула въ крови земля наша славная!

11-й СТИХЪ: ЛЕГЕНДА О БРАТЬЯХЪ РАЗБОЙНИКАХЪ.

(Записань оть Ирины Федосовой.)

Ой у вдовушки, горе-Пашицы, Было девять сыновъ, единая дочь. Ой девять сыновъ вдругъ повозросли, Вдругъ повозросли и въ разбой пошли, Всв въ разбой пошли, во разбойнички. Одиноку дочерь замужъ выдали, Замужъ выдали за славное за синё море, За славнаго купца за богатаго. Она годъ жила не стоскнулася По своей родимой по сторонушкѣ, По своей родитель-родной матушкъ; А и другой жила-въ умахъ не было, А и на третій годъ стосковалася По своей родимой по сторонушкъ, По своей родитель--вдов' матушк', По своимъ братцамъ-яснымъ соколикамъ. А и свекровушка поддавалася: Ко свекрови она долго жалася,

Какъ и здумала съ мужемъ повхати. Вывзжали середь синя морюшка-Ай не тученьки призатемнили, Не бълы снъжки призабълъли, Призачернили да больши корабли, Призабълъли-тонки парусы; Приставали тутъ къ круту бережку. Ой навхало девять разбойничковь, Моего мужа взяли-ограбили, Ограбили — въ воду спустили; Ай меня младу обезчестили... Ужь какъ всё разбойнички пьють, ёдять, Пьютъ, вдятъ-добычу двлятъ. Ой разбойнички понавлися, Понавлися — спать разлетлися; Одинъ-то разбойникъ не влъ, не пилъ. Не вль, не пиль-взадъ впередъ ходиль; Взадъ впередъ ходилъ-спать не ложится, Спать не ложится - Богу молится, Горючьими слезьми обливается, Выдто горемъ лихимъ убивается. Ужъ онъ сталъ меня тутъ выспрашивать, Онъ выспрашивать сталь—вывъдывать: -Ты чьяго роду, чьяго племеви, А и замужемъ сколько времени? -"Ужъ я есть роду-ли небольшаго, Ай небольшаго да-й не меньшаго: Ужъ я есть роду середняго. Какъ у вдовушки было, Пашицы, Выло девять сыновъ, единая дочь; А и девять сыновъ вдругъ повозросли, Одиноку сестру замужъ выдали Ай за славное за синё море. Ужъ ей годъ жилось, не стоскнулося, А другой жила-въ умахъ не было". И спроговорить туть разбойничекъ: —Вы вставайтетко, братья родные, Своего да зятя мы пограбили,

Ай пограбили—въ воду спустили; Мы родну сестру обезчестили, Обезчестили—во полонъ взяли!— Повыстали всъ братья родные, Братья родные порасплакались, Порасплакались со родной сестрой, Во дълахъ лихихъ ей спокаялись!

12-й СТИХЪ: О ПУСТЫНЪ.

(Записанг отг Ирины Федосовой.)

Вступленіе.

Расплачется младъ юноша
Передъ Спасомъ передъ образомъ,
Предъ пустынею святою:
"Ты прими меня, пустыня,
Прійми, матушка святая.....
Хочу жить я во пустынѣ,
Хочу жить я во святыя:
Господу я Богу помолиться,

За млады лъта трудиться!" Какъ отвътъ держитъ пустыня, Держитъ матушка святая: У насъ нъту во пустынъ, У насъ нъту во святыя, Нѣтъ садовъ что виноградныхъ Нъту питвицевъ медвяныхъ-"Мнѣ-ко даромъ все, *) пустыня, Мнъ-ко даромъ все, святая! Ты прими меня, пустыня, Прійми, матушка святая..... Хочу жить я во пустынъ, Хочу жить я во святыя: Господу Богу молиться, За млады лъта трудиться!" Какъ отвътъ держитъ пустыня, Отвѣтъ держитъ что святая: —У насъ нъту во пустынъ, У насъ нъту во святыя Ни гульбищевъ, ни прокладовъ, Тихихъ-смирныхъ нѣтъ бесѣдовъ. -"Мнъ-ко даромъ все, пустыня, Мнъ-ко даромъ все, святая! Ты прими-жъ меня, пустыня, Прійми, матушка святая..... Хочу жить я во пустынъ, Хочу жить я во святыя: Господу Богу молиться, За млады лъта трудиться!" Ай отвътъ держитъ пустыня, Держить матушка святая: —У насъ нѣту во пустынѣ, Нѣтъ у насъ что во святыя, Нѣту сладкихъ уѣданьевъ, Нъту кушаньевъ сахарныхъ!--"Мнъ-ко даромъ все, пустыня,

Мнъ-ко даромъ все, святая:-Мнѣ ни яствушковъ сахарныхъ, Мнъ ни питвицевъ медвяныхъ, Ни садовъ мнѣ виноградныхъ, Ни гульбищевъ, ни прокладовъ! Ты прими-жъ меня, пустыня, Прійми, матушка святая....." Какъ отвътъ держитъ пустыня, Что отвътъ держитъ святая: —У насъ нъту во пустынъ, У насъ нъту во святыя, Нѣтъ кроватушекъ тесовыхъ, Ни перинушекъ пуховыхъ!-"Мнъ-ко даромъ все, пустыня, Мнъ-ко даромъ все, святая! Мнъ не надобно, пустыня, Мив не надобно, святая, Мнъ кроватушекъ тесовыхъ, Ни перинушекъ пуховыхъ! Ты прими меня, пустыня, Прійми, матушка святая.... Хочу жить я во пустынъ, Хочу жить я во святыя: Господу Богу молиться. За млады лъта трудиться!" Ай отвътъ держитъ пустыня, Ай отвѣтъ держитъ святая: —У насъ долгія объдни И пулночныя вечерни; И не жить тебъ, младъ юноша, Здъ не жить что во пустынъ!-"Мнѣ ко даромъ все, пустыня, Мнъ-ко даромъ все, святая: Твои долгія объдни И пулночныя вечерни! Хочу жить я во пустынъ, Хочу жить я во святыя: Господу Богу молиться,

^{*)} Мип-ко даром все-мнв все равно.

За млады лѣта трудиться! Ты прійми-жъ меня, пустыня, Прійми-жъ, матушка святая!"

13-й СТИХЪ: ЛЕГЕНДА ОБЪ АНИКЪ ВОИНЪ.

(Записант отт Ирины Өедосовой.)

Довольно протяжно.

Быль да жиль Аника воинъ Триста тридцать единое лѣто. Сильный, могучій, богатый, Много городовъ онъ раззорилъ, Много богатырей могучихъ прибилъ. Много слезъ, крови онъ пролилъ, Много женъ молодыхъ слёзилъ, Много малыхъ дътушекъ осиротилъ. Похваляется Аника воинъ единожды-Свять градъ Ерусалимъ что раззорити, Господень Гробъ разбити. Повхалъ тутъ Аника воинъ тотъ Въ Ерусалимъ святой онъ градъ; Вереть себь онъ саблю вострую, Да мечъ что самосъклый. И выбхалъ Аника воинъ на коню На путь да на дороженьку. Вдругь на чистомъ полѣ, На нуть да на дороженькѣ, Какъ встрътилось-то чудо чудное, Чудо чудное, да диво дивное: У Аники воина добрый конь что испугался,

Ко сырой земль коленкамъ припадался. И спроговорить Аника воинъ: "Ай-же, чудо-ли ты чудное, Чудо чудное, да диво дивное! Ты не красная-ль дівніца, Молодая-ль молодица?... Если красная дівица— Тебя замужъ я возьму, Молодая-жъ молодица-Такъ сестрою назову! Пожилая-ль молодушка, Али старая старушка?... Пожилая молодушка — Назову тебя матушка, Если-жъ старая старушка-Будешь мнѣ тогда бабушка!" И спроговорить то чудо чудное, Чудо чудное, да диво дивное: -Я не красная дъвица, Не младая молодица; Не пожилая молодушка И не старая старушка! И есть отъ Бога послана я На землю, воинъ, для тебя: Я смерть прекрасная, Душа я не постудная.... Пора тебъ, Аника, помирати, Грѣхи земные искупати. — И спроговорить Аника воинъ: "Ай же ты, смерть, смерть прекрасная, Душа ты, душа не постудная! Дай-ко мнѣ сроку по три года, По три года ровно отъ сёво дня." -Не дамъ тебъ сроку по три года, По три года ровно отъ сёво дня!---Ай-же ты, смерть прекрасная, Душа что твоя не постудная! Дай-же мнъ сроку по два года,

По два года отъ сёво дня. " -Не дамъ тебъ сроку по два года, По два года ровно отъ сёво дня!-И спроговорить Аника воинъ: Ай-же ты, смерть, смерть прекрасная, Душа ты, душа не постудная! Дай ми хошь сроку на годъ, Ровно что на годъ отъ сёво дня." - Слушай ты, Аника воинъ, Не дамъ тебъ я сроку что и на годъ!-И спроговорилъ Аника воинъ: "Ай-же ты, смерть, смерть прекрасная, Душа ты, душа не постудная! И дай-же мнв сроку на мвсяцъ, Ровно на мъсяцъ отъ сёво дня!" И спроговорить смерть-ли прекрасная, Душа, что душа не постудная: -Не дамъ тебъ сроку на мъсяцъ я, Ровно на мъсяцъ отъ сёво дня!-И спрашивалъ Аника сроку на недѣлю. И спроговорить смерть-ли, смерть что прекрасная, Душа-ли, душа не постудная: —Не дамъ тебъ я сроку и на три дня! -Тутъ взмолится Аника смерти своей: --Ай ты смерть-ли моя, смерть прекрасная, Ты душа-ли моя не постудная! Дай-ко мнѣ сроку хоть на три часа: Въ домъ чтобъ свой воротитися, Господу - Богу-бъ помолитися, Съ отцомъ съ матушкой проститися, Съ родомъ-племенемъ разстатися.... Мнѣ-бъ раздать свое-ли имѣніе Что по нищей-бы все по братіи ... " И спроговорить съ укоризной смерть прекрасная, Смерть прекрасная, душа не постудная: —Ай-же ты, Аника, Аника воинъ! Жилъ ты триста тридцать единое лъто, Не могъ ты сходити во Божію во церковь:

Богу въ церкови помолитися, За грѣхи да отпоститися! Со родомъ-племенемъ тебъ ужъ не проститься, Съ отцомъ, съ матушкою-не обняться; Не роздать тебъ свое имънье Что по нищей-то по братьв!. ..-И тутъ схватилъ Аника воинъ Онъ свою-ли саблю вострую, И занесъ онъ ручку правую Что на душу не постудную, И хотълъ срубити онъ у смерти Буйну голову прекрасну... Выняла тутъ смерть прекрасна Свои пилья, пилья вострыя И подръзала что кръпкія У Аники-война жилья. Тутъ Аника воинъ со добра коня свалился, По сырой земль онъ покатился,... —Ай-же ты, Аника-ли, Аника воинъ! Кабы ты, Аника, да не похвалялся— Ерусалимъ градъ раззорити И Господенъ Гробъ разбити, Ты-бы быль да жиль, Аника воинь, И другіе триста тридцать лѣть!

14-й СТИХЪ: БЫЛИНА О ДОБРЫНЪ НИКИТИЧЪ и ОБЪ АЛЕШЪ ПОПОВИЧЪ.

(Записанг отг Прины Федосовой.)

Умфренно.

Честна вдова, Офимья Алёксандровна, Отъ свово мужа роднаго, Микиты Алёксвича. Оставалось отъ него что чадо милое, Чадо милое-единое. Что Добрынюшка Микитовичъ! Какъ задумалъ онъ повхать во чисто поле, Во чисто поле, на большу дороженьку. Какъ уговариватъ его честна вдова, Честна вдова, Офимья Александровна, Какъ свое дитя ли, чадо милое, Чадо милое - единое, Что Добрынюшку Микитича: "Не покидай меня, честну вдову, Что Офимью Алёксандровну; Не оставляй свою жену младу, Что Настасью Тимофеевну, И своихъ ты малыхъ дътушекъ, Малыхъ дътушекъ-лебедушекъ!" И спроговорить Добрынюшка Микитовичь: —Ай же ты, родитель моя матушка, Честна вдова, Офимья Алёксандровна, На чтожъ ты меня, матушка, безчастна, спородила, Не учасью - таланомъ меня ты надѣлила? Ты-бы, матушка, меня-то спородивши, Ты-бы учасью—таланомъ да не обдѣлила! И какъ-же мнв, честна вдова, Офимья Алёксандровна, Какъ-же мнѣ не заступиться за родныхъ своихъ, За родныхъ собратіевъ-сердцу близкіихъ?... За своихъ собратіевъ, за весь бѣлый свѣтъ?.... Вотъ, родитель матушка, глупый мой отвётъ. Какъ навхали поганы люди, супостатные, Они ружуть, быють моихъ собратіевъ.... Не сидится здѣсь мнѣ безъ работушки, Имъ помочь идти-одна заботушка, Заботушка моей-ли буйной вотъ головушки!-Надъваетъ тутъ Добрынюшка Микитовичъ Какъ свое-то платье самоцвътное, Свои латы онъ желѣзныи.

Свои поручи, что мъдныи, Чтобы пулей-то его не пробивало, Чтобы сердце молодецко не дрожало. Не трава-ковыль качается— Богатырь передъ родитель матушкой склоняется, На булатный ножъ свой опирается: - Ужъ ты бласлови, родима моя матушка, Что свое дитя-ли милое, Литя милое-единое! Ты на гибель-ли да бласлови всъхъ супостатовьевъ, На защиту —что собратовьевъ!... — Туть съ колънъ онъ поднимается, На перёное крылечко опирается. Вотъ выводять что коня-то добраго, Его Бурушку косматова; Онъ къ коню-ли приближается, На четыре стороны онъ поклоняется: - Ай-же ты, мой добрый конь, Ретивой-ли Бурушка, косматый мой, Ты служи мнѣ вѣрой-правдою, А въ свободно времечко - утъхою! -На коня кладеть онъ потнички-то мягкіе, А на поднички кладетъ съделечко черкальское; Онъ подтягивать двенадцать крепкихъ подпруговъ, А подпруги-то тъ были все шелковыи, Что не ради-то красы, а ради крупости, Чтобъ могли могучаго богатыря снести. Туть въ свой домъ онъ ворочается, Господу чтобъ Богу помолитися, На четыре стороны роднымъ всемъ поклонитися, А особину поклонъ-честной вдовъ, Что родитель своей матушкв. И спроговорить-ли молода жена, Настасья Тимофеевна: "А когда-жъ тебя домой-то ждать, надёжа нашъ, Что надёжа-ли, Добрыня сынъ Микитовичъ?" И спроговорить Добрыня сынъ Микитовичъ: -Какъ не милая-бъ была семья мнв, не любимая, Такъ казнилъ-бы буйную твою я голову

За твои за рѣчи не умильныя! Проживитко, молода жена, Настасья Тимофеевна, Проживитко безъ Добрынюшки Микитича ты шесть годовъ.

Если черезъ шесть годовъ домой не буду я, Хошь-вдовой живи, а хошь-замужъ пойди, Хошь-за боярина, не хошь-то за крестьянина, Хошь-за купца пойди ты за богатаго, За домовитаго и тароватаго, А не ходи ты лишь за братца моего крестоваго. За смѣлаго Алёшу за Поповича...— Какъ прошло тому времечки ровно шесть годовъ, Какъ тутъ сталъ нахаживать князь Стольный Кіевскій, Какъ онъ сталъ тутъ подговаривать Молоду жену, Настасью Тимофеевну, За смѣлаго Алёшу за Поповича. И спроговорить что молода жена, Настасья Тимофеевна: "Я исполнила-то его заповъдь ужъ ровно шесть годовъ, Я еще ее исполню шесть годовъ, шесть долгіихъ въковъ! " День за день идеть-и какъ трава ростетъ, Недъля за недълю-какъ вода течетъ: Какъ прошло тому-ли времечку двѣнадцать лѣтъ Со Добрыни-то Микитича да со большой войны, Со большой войны, да со чиста поля. Сталъ опять тутъ Стольный князь нахаживать, Молоду жену такъ подговаривать, Женскій разумъ такъ обманывать: -Нъту въ живности Добрынюшки Микитича, Во чистомъ поли онъ съ непріятелемъ съвзжалися, Крѣпку грудь о грудь оны бивалися; Сорубилъ врагъ буйную головушку, Поташшилъ Добрыню въ плонъ *) Микитича; Его Бурушка себъ тогда онъ взялъ — Не видать ти боль-то Добрыни, жень върноей, Не слыхать его и рѣчи молодецкоей!-Пораздумалась Настасья Тимофеевна:

"Нѣтъ ни вѣсточку, вѣдь нѣтъ ни грамотки, Ничего-то нътъ мнъ отъ Добрынюшки Микитича..." Понаумилась *) день за день молода жена. Молода жена Настасья Тимофеевна, И рѣшила за Алёшу за Поповича Идти замужъ, что за смълаго за братьица. Слезно плакала честна вдова Офимья Алёксандровна: Унимала что невъступку свою любимую, Молоду жену Настасью Тимофеевну: -Не ходитко-ты за смѣлаго Алёшу за Поповича, Ужъ пождемъ еще два годика Мы Добрынюшку Микитича — Ты свово мужа, я сыночека, Что сыночека любимаго. Моего дитя единаго.— Не послушалась Настасья Тимофеевна Что честной вдовы Офимьи Алёксандровны. Они сдѣлали почестенъ славный пиръ, Какъ пошла она за смълаго Алёту за Поповича. Какъ шелъ пиръ да найвеликой, -Быль самь князь да Стольный Кіевскій, Всѣ князья туть были и бояре всѣ, Всѣ купцы-что найбогатыи Какъ на томъ честномъ да на пиру. А въ то время прівхаль посоль **) Ко честной вдовъ Офимьъ Алёксандровнъ. Прівзжаеть-то дітина незнакомый, Онъ челомъ бьетъ-низко кланяется: Ты-ко здравствуй-то, честна вдова, Что честна вдова, Офимья Алёксандровна; Ать-ко, гдв-ко у тебя любимая семья, Любимая семья, молода невъстушка, Что невъстушка, Настасья Тимофеевна? И спроговорить честна вдова Офимья Алёксандровна: "Ай-же ты, дътинушка—холопышко,

 $^{^{*})}$ \varPi лон, полон—плънъ, неволя.

^{*)} Понаумилась-обдумала.

^{**)} То былъ самъ Добрыня Микитичъ.

Коли было-бъ у тебя-то красно солнышко, Не смѣялся-бъ ты надъ домомъ надъ моимъ вдовиныимъ, Надъ моимъ житьемъ-бытьемъ сиротскіимъ! Закатилось мое красное-ли солнышко, Закатается теперь и ясный мѣсюшко-*), Что невъстушка моя любимая. То Добрынюшки жена родимая..... Какъ замужъ пошла Настасья Тимофеевна За свово за братца крестнаго, Что за смѣлаго Алёшку за Поповича!" И спроговорить дътинушка-холопышко: А коль въ живности Добрынюшко Микитовичъ?! ..-И просиль онъ свое платье скоморошино И гусёлышка свои яровчаты.... **) Онъ повдетъ на почестенъ пиръ, Что ко смѣлому Алёшѣ ко Поповичу. Подаетъ ему Офимья Алёксандровна Со испугу цвътно платье скоморошино, Подаетъ, сама-то оглядается И холопышкиной смълости дивляется, Туть одёлся-то Добрынюшка Микитовичъ И повхаль на честной на пиръ Что ко смѣлому Алёшѣ ко Поповичу. Онъ приходить во высокъ теремъ: Поразставлены столы дубовые, Поразсажены честны что гостюшки, Всв мвста вокругъ стола призабраны. Поразставлены все яства-то сахарныя, А и пивства все боярскія медвяныя. Туть гостямь челомь Добрыня быеть, Бьетъ челомъ онъ, кланятся; Особину поклонъ онъ стольнику, Стольному-то Князю Кіевскому.

И спроговорить Добрынюшка Микитовичь: —Туть ужъ нъть-ли мнь-ко мъста-мъстечка, За столомъ мнѣ мѣста за дубовыимъ?--Отвъчатъ тутъ Князь да Стольный Кіевскій: "У насъ мъстечки-то, вишь, вст заняты, Всѣ мѣста гостями принасажены; Тебъ мъстечко на печенькъ да на муравленной!" И спроговорить Добрынюшка Микитовичь: —Тако-ль молвишь, Стольный Князе Кіевской?!... Мнъ-ко мъстечко здъ да повыше всъхъ, Мнъ-ко мъсто-мъстечко получше всъхъ! -И всв гости на пиру да навдалися, Допьяна оны всѣ напивалися. И вев тутъ да порасхвастались: Иной хвастаеть житьемъ-бытьемъ, Иной хвастаеть златой казной; Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой, А безумный-молодой женой! Сталь какъ въ тупоры *) Добрынюшка Микитовичъ По гусёлышкамъ подрачивать, По струнамъ-то пальчики поваживать: Вев-то гости звеселилися. И спроговорить Князь Стольный Кіевскій: "Вотъ тебъ три мъстечка любимыя: Перво мъстечко-что подлъ-то меня, Друго мъстечко-что супротивъ меня, Третье мъсто-мъстечко -гдъ хошь садись!" И сълъ Добрынюшка Микитовичъ Что супротивъ Настасьи Тимофеевны. И спроговорить что Стольнику онъ Кіевскому: —Налей-ко ты мнъ чару зелена вина!— А въ эту-ли онъ чару зелена вина Спустиль свой золотой обручный перстень, Которымъ со Настасьей Тимофевной обручалися. Ту подносить чару онъ Настась Тимофевнъ:

^{*)} Мпсюшко - м сяцъ.

^{**)} Яровчаты— звонкія, яркія (яркій звукъ— значило прежде чистый звукъ.) Это слово имѣетъ тоже значеніе, что у Сурикова въ словѣ «звонкогу̀ды.» (Смотри «Садко,» стихотвореніе Сурикова).

^{*)} Въ тупоры не надо смѣшивать со въ тьпоры: первое значить – въ это время, а въ тьпоры — тогда, въ то время.

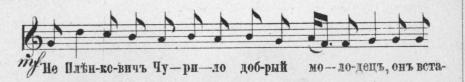
-Ты бери-ко чару ту единой-то рукой, Ужъ ты пей вино единымъ духомъ: Выпьешь до дна-увидаешь доста! *) А не выпьешь до дна-не увидишь добра.-И взяла она чару единой рукой, Выпивала вино что единымъ-то духомъ И увидала на диб золотой перстенекъ, Которымъ обручались оны со Добрынюшкой. / И сталь Добрыня Микитичь выспрашивать: —Кто-жъ изъ васъ Настасью Тимофевну подговаривалъ За смѣлаго Алёшу за Поповича?— И вев гости туть да изумлялися, Другъ на друга оглядалися: Туть большій-то туляется **) за средняго, А средній-то туляется за младшаго, А у младшаго-то и отвъта нътъ! Туть вставала молода жена, Настасья Тимофеевна, Что вставала-то она на рѣзвы ноженьки, Чрезъ дубовый столъ она перескочила И поклонилася Добрынюшкѣ Микитичу, И во всемъ она ему да тутъ спокаялась. Вев-то гости съ пира разбъжалися, А Стольный самт Князь Кіевскій Во Микитину во вотчину ушелъ. Всв-то рады, кого Богь унесь! И взяль Добрыня туть Микитовичь, Взяль Алёшу за жёлты кудри, Повытащиль его изъ за дубова стола, Да и метнулъ его онъ о дубовый полъ. Таскалъ онъ, что хотель, ***) самъ приговаривалъ: -Всякій-то чорть, то правда, женится, Да не всякому-то женитьба удавается. Какъ удавалася Алёшенькъ Поповичу,

Мому смѣлому что братцу-ли крестовому.... Какъ не дивую я разуму женскому, Дивую я псу милитеньскому!.—

15-й СТИХЪ. БЫЛИНА О ЧУРИЛЪ ПЛЪНКОВИЧЪ И О БЕРМЯТЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

(Записант отт Ирины Федосовой.)

Умъренно скоро.

/ Не Плънковичъ Чурила добрый молодецъ, Онъ встаетъ-то по утру ранешенько, Наливаеть онь тазь ключевой воды, Умываеть свое онъ бѣло лицо, Утираетъ Чурила въ тонко полотно. Надъваетъ Чурила на ножки Зелёнъ сафьянъ онъ сапожки, Зелена сафыяна турецкаго, Барскаго покроя нѣмецкаго, Щепеткова шитья новгородскаго. Натянувши сапожки зелёнъ сафьянъ, Надъваетъ Чурила цвътной кафтанъ, Онъ цвътной кафтанъ- цвътно платьице, А къ нему достальной весь нарядьице: Опоясывать кушачки онъ шелковые, Шаровары на немъ гальнетуровые; Надъваеть онъ шапку въ пятьсотъ рублевъ, Во пятьсотъ рублей, въ пятьдесять этажей:

^{*)} Доста—достаточно. (Во многихъ славянскихъ наръчіяхъ до сихъ поръ сохранилось это слово.)

^{**)} Туляется—прячется, скрывается.

^{***)} Что хотьль-значить: сколько хотьль.

Чтобы спереди не видать было лица бълаго, А чтобъ сзади не видны-то кудри желтыя. Онъ выводить коня малошахманка, Малошахманка, вътроноженька; Онъ съдлае съделько черкальское, Что черкальское онъ свое, да удальское. И подтягивать онъ да двѣнадцать подпругъ, Шесть паръ крѣпкихъ самъ-другъ; Ужъ подпруги что были шелковыя, А узоры по нимъ все цвътовые, И не ради красы, ради крѣпости, Шелковыя подпруги на рѣдкости! Только видъли Чурилушку сидючи, Не видали дороднаго ъдучи, Какъ стрѣлу его катючи; Только видѣли во чистомъ полъ куревну. *) На большой дорогѣ проталину... Ай, увидела Катерина Микулишна. Ко оконечку бросилась радошно; "Слава Богу-ли, слава Господу, Вдеть гостюшко въдь любимый, Спасомъ-батюшкой онъ хранимый: То Чурила-ли сынъ онъ Плѣнковичъ!" Она скоро шла по новымъ сънямъ, А скорви того по большимъ дворамъ; Отпирала воротечки что широкія И, отвъсивъ поклоны-ли низкіе. Запущала конишечко да Чурилино. Она брала Чурилу въ бълы рученьки. Цъловала его во сахарны уста, Въ разсыпныя кудри что добра-молодца!.. Ужъ вела-ли коня да Чурилинаго, Что во стойло вела во кониное, Въ стойло кониное - лошадиное: Насыпала пшены бѣлояровой, Наливала питья что медвянаго;

Подходя-ли къ коню поклонилася: "Вшь, конь, душа ты нечистая, Ией, товарищъ, душа беззаботная!.. " Она скоро бъжитъ широкимъ дворомъ, А скорве того по новымъ свнямъ, А скорбе еще въ нову свътличку, Во столовую теплу горничку. Она ставила-ли столы что дубовые, Разстилала что скатерти бранныя, Подавала-кушанья все сахарныя, Наливала питвица да медвяныя. Она съла съ Чурилой яства вкушати, Нѣжны рѣчи пошла со милымъ говорити.... Принавлись они - принакушались, Ласковыхъ словъ принаслушались Со Чурилой со Плѣнковичемъ... Выходили они изъ стола что дубоваго. "Не оставила-ль тебя я голоднаго?" Что спросила душа Катеринушка, Катерина свѣтъ--радость Микулишна, Убирая столы что дубовые, Укладая въ нихъ скатерти бранныя. Вралъ Чурила дощечку онъ шашечную, Приглашалъ съ нимъ играть онъ Микулишну: — Станемъ-ко, Катерина, мы въ шашки играть, Чтобъ не даромъ намъ время терять.-"Ужъ мы разъ проиграли, другой зовемъ, Ужъ мы другой заводимъ, доигрываемъ." Туть брала Катерина Микулишна дощечку, Эту дощечку во бълую-ли ручку, Говорила Чурилѣ таковы слова: "Ай-да Чурила, сынъ Плёнковичъ, Ужъ мы бросимъ дощечку о дубовый полъ, Аль закинемъ ее да во задній уголь! Пойдь къ лъшему та дощечка, Изчезай одна за другой шашечка! Лучше ляжемъ съ тобой на тесову кровать, На кроватушкѣ съ тобой позабавимся,

^{*)} Куревна-разбросанный, дымящійся еще костеръ.

Нъту дома пока Бермяты, сына Васильича ... " Какъ изъ заднихъ дверей, изъ челядиныхъ, Увидала дъвчоночка черная, Она перва злодъйка — челядинка: -Ай-же ты, Катерина Микулишна, Что у тя за гость гостить?... Выдто брать родной на пуховой лежить?... Ай, Чурило ты, добрый молодецъ, Пойду донесу Бермя что сыну Васильичу!-И спроговорить Чурила Плънковичъ: -Ай-же ты, дівчоночка-ли черная, Ты злодъйка сапостатная! Еще вотъ тебъ полтина на бълилушко, А и вотъ тебъ другая на румянчишко, Еще вотъ тебъ и третья на костычъ-ли сарафанъ; *) Вотъ тебъ и шапочка въ пятьсотъ рублей, Что ушиста, и пушиста и завъсиста, Чтобы спереди не видно лицо черное, А чтобъ сзади-то не видно пушка вшиваго! -И спроговорить Катерина-то Микулишна: "Да лучше эти полтинушки мнв отдай, Лучше этую шапочку самъ сдержи!" Туть повороть держить дівчоночка черная: Она скоро идетъ по бълу двору, Поскорве того по чисту полю, Скорёшенько она во Божью Церковь-то. Увидалъ-то ее Бермята, сынъ Васильевичъ, Сердечушко его да пріужахнулось, Головушка его да призадумалась; Потупилъ очи ясны во дубовый полъ, Сталь выспрашивать-ли черную дѣвчоночку: -Ай ты, върная наша служаночка, Чего ты ждешь, не крестишь лицо черное? Со какимъ идешь со радостнымъ извъстьицемъ?..-И спроговорить девчоночка ли черная:

"Ай-же, ты, Бермя, что сынъ Васильевичъ, И что у твоей у Катерины у Микулишны За гость гостить, что быдто брать родной?... А то въдь добрый молодецъ-Чурила Плънковичъ!" Запираетъ Василій - попъ книги-то Божьи, Замыкаетъ и церковь онъ посвященную; Выходить Бермя на дорожку мощеную: Онъ тихо идетъ по чисту полю, Потишње того ко бълу двору. Увидала тутъ его Катерина Микулишна: "Охти мнъ. .. преохти мнъ! ... твердила она, "Идеть по полю Бермята сынъ-что Васильичь!" Она клала Чурилу Плънковича въ кованый ларецъ, Туть пошла она срѣчать Вермяту сына Васильича: Въ одныхъ чулочечкахъ что безъ башмачиковъ, Въ одномъ кокошничкъ и безъ платочика Она вышла за двери-то во сѣнечки; Она тихо-то шла по новымь сънямъ, Потишве того къ широкимъ дверямъ Что большимъ-ли дворомъ со придворьямъ. Воротечки широкія она отпирала, Скоро наскоро поклоны клала. И спроговорить Бермята сынъ Васильевичь: —Ай ужъ ты да Катерина Микулишна! Что-же ты въ одныхъ чулочечкахъ безъ башмачиковъ? Что-же ты въ одномъ кокошничкъ безъ платочека? -"Ай, Бермята сынъ Васильевичъ! Послѣ тебя я непоразмоглась, На постелюшку, улеглась.... Головушка моя разбольлась, Личушко мое разгорѣлось!..." Тутъ Бермята сынъ Васильевичъ Поворотъ онъ держитъ къ дѣвчоночкѣ черныя: —Ай ужъ ты, дъвчоночка черная, Черная злодъйка-челядинка. Что ты просказала про Катерину Микулишну?.. Опосли меня она непоразмоглась, На постелюшку она улеглась....

^{*)} Костычь — сарафань или просто костычь — значить домашній сарафань.

Головушка ея, слышь, разболёлась, И личушко да разгорѣлось!...-Тутъ дѣвчоночка и спроговариватъ: "Ай же ты, Бермя, что сынъ Васильичъ! Сходи-же ты во стойло во конюшенькъ, Тамъ стоитъ Чурилино конишечко; Посыпано пшено ему да бълоярово, А питвице дано ему медвяное...." Туть повороть держить Вермята сынь Васильичь Ко своей-ли Катеринъ что Микулишнъ: -Ай-же, ай что Катерина ты Микулишна, Что-же тамъ на стойлѣ во конюшенькѣ Есть, кажи скоръй, Чурилино конишечко?-Отвъчаетъ Катерина тутъ Микулишна: "Оттого тутъ есть конишечко Чурилино, Что со моимъ братцомъ родимыимъ Что въ чистомъ полюшкѣ оны съвзжалися, Оны другь другу срътушку сръталися, Оны крестамъ златымъ да побраталися, Оны добрымъ конемъ да обмѣнялися — Такъ оттого здѣсь конюшко Чурилино!" Тутъ поворотъ держитъ Бермята сынъ Васильичъ: -Ай-же ты дівчоночка, дівчонка черная, Завела ты говорить, такъ договаривай! Стала разсказывать, такъ ужъ доказывай....— Отвѣтъ держитъ дѣвчонка, дѣвка черная: "Ай же ты Бермя, ай сынъ Васильичъ! Посмотриже ты на ствнушку лицовую, Что на стѣнушку лицовую - на стопочку точёную: Что висить тамъ кунья шубочка Чурилина!... " Отвъчаетъ Катерина тутъ Микулишна: "Со моимъ-то братцемъ что родимымъ, Въ одномъ мѣстѣ оны угощалися, Оны допьяна-ли напивалися. Оны шубьями въ обмашку обмѣнялися!" Повороть держить Бермята сынь Васильичь: -Ай-же ты дівчонка, что дівчонка черная, Стала говорить - такъ договаривай,

Стала ужъ доказывать - досказывай!-И спроговорить-ли туть дъвчонка черная: "Есть у васъ ларецъ-то окованный; Ты возьми ларецъ во бѣлы рученьки, Ужъ ты вздынь ларецъ что выше-ли головушки, Ужъ ты брось-ко тотъ ларецъ да о дубовый полъ. " И взялъ Бермята сынъ Васильичъ Тотъ ларецъ во бѣлы рученьки, Подъяль онъ повыше-ли головушки И бросиль онъ его да о дубовый полъ. Вев тутъ гвоздья разскочилися, Дубовы всв доски развалилися, Да и выскочиль оттудова Чурилушка.... Пораздумался Бермята сынъ Васильевичъ ... Во дому казнить—не хочется.... Такъ ужъ онъ одной рукой Чурилу за щеку, А другой схватиль его за волосы, Черезъ скамьи онъ его да перекинуль И учалъ таскать что силы-моченьки: Онъ по сънечкамъ да какъ овесъ толкётъ, По крылечику -- мътокъ какъ волокётъ.... Такъ поштенье отдаетъ Чурилъ Плънковичу онъ! И безъ вина пошелъ Чурилушка пьянёшенекъ: Идеть дворомь, а самъ шатается. И воротился тутъ Бермята сынъ Васильевичъ Ко свой что Катеринв-то Микулишнв: • - Ай-же, Катерина свътъ Микулишна, Ты-бы бѣлое лицо да не стыдила, Ты-бы мужа своего да не срамила, Ты-бъ Чурилу-молодца да не любила!--И сказалъ потомъ Бермята дъвкъ черныя: -Ты-бы знала, дёвка черная, коровъ доить, Ты-бы знала-бы телять поить, Ты-бы знала что порядокъ-чистоту водить, А не знала-бы чужихъ какъ мужнихъ женъ-ли дово дить!..-Молодецкое туть сердце разгорѣлося.... Какъ занесъ свою онъ саблю вострую, Онъ срубилъ дѣвчонкѣ буйну голову. /

сибирская быль о колдунъ ермилъ тимофенчъ.

(Легенда о Ермилъ Тимофенчъ, записана на Уралъ отъ дружковъ. *)

Жилъ-былъ на свѣтѣ, отъ отца-матери рожёное дитя, по имени Ермилъ, а отца-то звали Тимофеемъ. Вѣдный былъ старикъ, а сынъ ростетъ— не по лѣтамъ умёнъ парень. Вотъ и пришелъ онъ къ отцу-батюшкѣ, ко родитель-матушкѣ, палъ въ ноги родимымъ съ таковыми рѣчами: "бласловите-де меня идти во Божій свѣтъ, хочу-де володѣть имъ." Испугались не на шутку старики, а онъ все свое да свое: "Не пустите, говоритъ, доброй волею, уйду и безъ родительска благословеньица!"

Вотъ и пошелъ онъ бродить по свѣту и бродилъ онъ бродилъ и невѣдомо сколько лѣтъ. Долго-ли, коротко-ли бродилъ онъ, только не безъ пути: спознался онъ со всѣми колдунами и колдуньями, и заколдовали они его отъ всякихъ бо̀лѣзтей и отъ ранъ. И стала у того Ермила силушка рости не по днямъ, а по часамъ. Вотъ, набравшись силушки той въ запасъ, сталъ онъ думать думушку крѣпкую: "какъ-бы ту силушку въ дѣло пустить, чтобы землями володѣть."

Думалъ-думалъ — и надумалъ пойти къ козакамъ, на Волгъ что. Провъдалъ онъ ихъ. Чтожъ? ничего! — проживають, отъ врага Царя избавляютъ. Поселился онъ у тъхъ козаковъ, къ себъ ихъ приколдовалъ и сдълали они его своимъ атаманомъ, и слушались его ровно во малыя дъти. Только не сидится на мъстъ Ермилу и все-то точно-что зудитъ, да зудитъ его: и того-то ему мало, и этого не хватаетъ. Вотъ собралъ онъ козаковъ во единый кругъ и молвилъ имъ таково слово: "Братцы-козаки, народъ православный, поведу я васъ

казну наживать, старыя татарскія гнізда разгребать! *) И пошли — и набрали эти козаки себъ сокровища несмътныя, да и-чего гръха таить не разъ и пограбили, идучи путемъ дорогою. Дошелъ слухъ о томъ до Грознаго даря-батюшки, осерчаль онъ и приказаль техъ козаковъ изловить, а Ермила привести передъ Его грозныя очи. Вотъ тутъ, какъ бъда-то стряслась, и стали козаки укрываться и стали больше да больше грабежомъ пробавляться. Затъмъ они (козаки) какъ-то пробрадись къ самой Астрахани: моремъ Хвалынскимъ плавали и, захвативши все добро Азіатскаго Салтанскаго набольшаго **), убили его, нехриста, а сами хотъли пробраться за море въ степи, да побоялись погони и стали пробираться къ нашимъ горамъ Уральскіимъ. И теперь знать ***) тѣ мѣста, гдѣ они укрываючись пробирались втихомолку льсомъ дремучіимъ: слъды колдуна и время не сгладило; ямы его и по сіе время видать, и трава на томъ мъстъ не ростеть. И всъмъ путемъ, какъ шли-то они, понарыли они ямъ и зарывалися въ нихъ, какъ погоню услышатъ, что и не видать ихъ. А самъ-то колдунъ примется во всѣ стороны бросать большущіе шары, да огненные все... и летьли ть шары, поднималися они "выше лъсу стоячаго, выше облака ходячаго. Извъстно народъ увидитъ-всъ разбъгутся. А какъ уходить станутъ далъ, ну и знаютъ ужъ всё просто потому, что признакъ такой колдунъ дастъ: вдругъ охватить это пламя яму, такъ изъ подъ земли огонь и пышетъ и пышетъ... а люди-то изъ пламени, прямо изъ ямы, вотъ къ небу-то такъ и подпрыгиваютъ

^{*)} Дружками называются на вольныхъ сибирскихъ трактахъ ямщики, такъ что когда напр. говорятъ: «здъсъ ъзда на дружкахъ», значитъ здъсъ ъздятъ на вольныхъ (вольнонаемныхъ) лошадяхъ.

^{*)} Объясняють разсказчики это такъ: предполагалось, что татары, вытъсняемые русскими все далъе и далъе, зарывали, въ надеждъ воротиться назадъ, много сокровищъ въ землю, и что Ермакъ много таки такихъ сокровищъ отрылъ.

^{**)} По источничкамъ историческимъ Ермакъ съ товарищами дъйствительно убили персидскаго посла и воспользовались его добромъ.

^{***)} Знать-замётно, извёстно.

и ничего—цѣлёхоньки: въ огнѣ не горятъ. И гулъ этто пойдетъ повсюду, быдто стогнетъ кто, быдто земля содрогнулася, а по лѣсу такой раскатистый хохотъ раздается, а деревья такъ и гнетъ, такъ и пригинаетъ къ землѣ. а потомъ паръ повалитъ, да дымъ.... и пепломъ всѣ деревья покроетъ. Боится народъ и идти къ тому мѣсту, а кому и дорога черезъ лѣсъ лежитъ, обходомъ плетётся: страшатся колдуну въ когти попастъ. А какъ постѝхнетъ, да доберутся по малу до гнѣзда-то колдуньяго, глядъ, а ужъ ничего и нѣтъ! одна яма, какъ есть яма, и изъ нея деревья торчатъ; а въ нутро заглянутъ—все обгорѣлое. Да чего говорить: такъ и понынче все голо тамъ. *)

Такимъ-то вотъ путёмъ, скрываючись по лѣсамъ и ямамъ, дошли козаки до Усолья. Провъдалъ тутъ Ермиль, что боярамъ Строгоновымъ нужны люди надежные для охраны ихъ добра отъ злыхъ людей - вотъ и пошли они къ нему. Тамъ долго ли, мало-ли жили у него, только много они ему людей подчинили и много добра сохранили и кръпко не хотълось Строгонову отпущать Ермила. Да не сидится ему: "непригоже вольному козаку холопомъ быть!" Нахмурился Ермилъ и пошелъ онъ дальше со своими людьми вольными, и много они ръкъ переплыли и много лъсовъ миновали, у Серебряной ръки зимовали, да на Тагилъ весну стрътали. А тамъ разошлись въ разныя стороны: кто съ Ермакомъ остался на мъстъ, а кто съ Кольцомъ, а кто съ Ванькой Каиномъ пошелъ за добычею, да землю распознавать. И сошлися они наконецъ съ Котовскимъ царемъ Кучумкой и взяли его въ полонъ, потому татарина-что пулю пустить козакъ въ него, то и убъетъ, а самимъ ничего-заколдовалъ ихъ вишь всёхъ Ермилъ на побіеніе поганыхъ нехристей. Да окроми того и повърье имъ шибко помогло: вишь татарьё знали, что какъ покажется бълая береза гдъ ни на есть на ихъ земль, такъ значить былымь людямь туть ужь и жить *). Прослышаль про то Ермиль и снарядиль людей взадъ идти за березами, и-куды поведетъ козаковъ, тамъ перво на перво и березокъ понавтыкаютъ. И обчистилъ онъ всю Сибирь-отъ отъ татарвы, угналъ ихъ за горыза горы, да еще и догоню дошибить ихъ снарядилъ. И стали величать Ермила Сибирскимъ царемъ, и сталъ онъ разсаживать всюду набольшихъ.

И слава Ермила пронеслася по всему свъту бълому и до Москвы дошла. И раздумался Грозный

^{*)} Дъйсгвительно еще недавно въ лъсахъ, находящихся по краямъ проселочной, соединяющей деревни между собою, дороги, идущей отъ Уфимской губ. къ Уралу (гдв прежде быль вольный трактъ на деревенскихъ лошадяхъ, или говоря мъстнымъ языкомъ, трахть на дружкахъ, какъ назывались вольные ямщики здъсь и въ Западной Сибири) показывали проъзжающему въ разныхъ мъстахъ остановки Ермака. Еще 15 лътъ тому назадъ я сама видъла одну изъ такихъ ямъ и привожу подробный о ней разговоръ мой съ ямщикомъ. Я была очень удивлена, когда разговорчивый ямщикъ, показывая головою въ лъсную чащу, гдъ видиълся какой-то пригорокъ, сказалъ: а вотъ тутъ, почитай на краю дороги, яма колдуна. - Мы остановили лошадей и прошли по направленію, указанному ямщикомъ. Ямы никакой не оказалось, но, почти рядомъ съдорогой, мы увидали отчетливо пригорокъ, круглый, похожій на могилу, засыпанную землей. Трава на немъ росла кой-гдъ колючая и жидчая, но пе краямъ и даже по склону росли деревья. Ширина этого подобія кургана была до 12 саженъ въ поперечникъ. Мы взобрались на ея верхушку и-странное дёло-дёйствительно недоумъвали, почему не растетъ почти трава на этомъ курганъ. — Да въдъ это пригорокъ или могила, — сказала я ямщику, гдб-же туть яма-то?-Но онъ утверждаль, что это яма, что тутъ была «крипость колдуна,» что колдунъ прошелъ тутъ при Грозномъ Царѣ и нарылъ крыпостныхъ ямъ, изъ которыхъ и защищался. «Да и земля-то и понынче рыхлая—вишь подается подъ ногами, и видать, что засыпанная яма!» - Куда-же самъ-то онъ дъвался?-спросила я, выслушавъ весь его разсказъ. «Да кто-жъ его знаетъ про то върно-то! кто говоритъ: махнулъ на

небо и изчезъ, а кто, что дальше пошелъ и всюду такихъ-же ямъ понарылъ, крѣпостей понастроилъ.» Меня это заинтересовало и, распрашивая всѣхъ всюду по дорогѣ, я записала наконецъ на Уралѣ подробно всю эту легенду о колдунѣ Ермилѣ.

^{*)} То-же самое повърье распространено доселъ по всей Азін.

Царь-Осударь, Иванъ Васильевичь. А и собираетъ онъ думныхъ своихъ бояръ крѣпку думу-думушку чтобъ думати. И спроговоритъ-ли Грозный Царь: "Появился Сибирскій царь, а и кака ему отъ насъ честь подобаетъ?... А и призовитетко къ Моимъ свѣтлымъ очамь того Сибирскаго царя, Ермила Тимофеевича!"

А Ермилъ тутъ какъ тутъ въ бѣлокаменную прибылъ съ зла̀томъ—серебромъ, соболиными шубами, лисицами и куницами.

И выносили Ермилу дары: несчетную казну и камни самоцвътные и одежду латную и мечи булатные. Не взялъ ничего Ермилъ "покуль не взмилуется Царь!" И доползъ онъ на колънкахъ до Грознаго Царя-батюшки, а Ванька Кольцо подавалъ Царю злато-серебро, лисицъ—куницъ чернобурыихъ, а и таковы слова говорилъ: "вы примитетко отъ насъ великую наградушку!" Не польстился Царь на злато-серебро, а польстился-же — взялъ лисицъ, куницъ чернобурыихъ. И посылаетъ онъ Ермила: "володъй ты землями Кучума, а намъ дань выплачивай!"

И повхаль Ермиль во земли Котовскія, а и жиль тамь двѣ зимы, едно лѣто, браль съ нихъ сборы—выходы великіе. А и тѣ татары въ конецъ збунтовалися поборами великими, и на Ермила они напущалися. Догнала несмѣтная сила татарская его, почитай, всегото съ дюжиной людей, на Енисей-рѣкѣ. Ермилъ перескочилъ съ одной переходеньки на плотучекъ и, какъ одежда-то тяжела была, что камень, пошелъ ко дну посоритель Сибири, усмиритель Котовскаго Царя Кучума.

Не дѣло вольному козаку въ холопство идтити, не дѣло и латныя одёжды носити! Не пріяла мать сыра—земля тѣла колдуна, не сокрушили его стрѣлы калёныя, а схоронила Ермилу, Царя Сибирскаго, быстра Енисей—рѣка: она ему и стала могилушкой, а студёныя волны ея—ему саваномъ!

отдълъ иу.

СТАРИННЫЯ НАРОДНЫЯ ПЪСНИ:

ВЕСЪДНЫЯ, ЖАЛОБНЫЯ, СИРОТСКІЯ, ХОРОВОДНЫЯ, ПЛЯСОВЫЯ и ШУТОЧНЫЯ.

№ 1. СЯДУ Я, МЛАДЕШЕНЬКА, ПОДЪ ОКОШЕЧКО.

(бесѣдная пѣсня.)

Довольно протяжно.

—Сяду я, младешенька, подъ окошечко, Погляжу въ окно я, въ окошечко.— Во полѣ туманъ растуманился— Любезна—ка что запечалилась..... Пишеть миленькій ко мнѣ вѣсточку, Ко мнѣ вѣсточку—вѣсть не радошну! Не перомъ писалъ—не чернилами, Онъ писалъ—то мнѣ горючьми слезьми Вѣсть нерадошну—распечальную: "Добрый молодецъ, я побитъ лежу, Не убитый я, не подстриленный,

Не подстриленный, а зараненый. Вѣла грудь моя испоколота, Ража кровь да испропущена... Во грязи лежу, какъ китайчатый, Во крови лежу, какъ кумачный, Подъ родимоей-ли подъ матушкой, Подъ зеленою-ль подъ елиночкой!" Испроговорить тогда добрый молодець: —Ужъ ты, матушка, зелёна елиночка, Распусти свои прутья ветлые Отъ вершиночки до сама корня, А вокругъ корня до сыра камня, Призакрой-ко мое тѣло дѣтское. Тѣло дѣтское-молодецкое, Чтобы вътромъ, буйнымъ вътрышкомъ Тъло мое, тъло не сушило, Чтобы солнцемъ, краснымъ солнышкомъ Тѣло мое, тѣло не пригрѣло, Чтобы дождемъ, мелкимъ дождичкомъ Тѣло мое, тѣло не мочило! ...-

№ 2. ВСБ СУСЪДУШКИ ДЪВУШКУ РУГАЮТЬ И БРАНЯТЬ.

(бесвдная пвсня.)

Довольно медленно.

Всѣ сусѣдушки дѣвушку ругаютъ и бранятъ, Насказали любезному, любить не велятъ. Разсердился мой любезный дружокъ на меня, Часто ходитъ по широкой мимо моего двора— Не заходитъ-то любезный ко мнѣ посидѣтъ.

Зашелъ-прошелъ во конюшенку свою онъ нову, Береть онь, береть нову серебряну узду, Онъ съдлаетъ - убираетъ ворона свово коня, Поъзжаетъ мой любезный со широка со двора. Становился противъ Шашина *) окна, Скидываеть черну шляпу со себя, Раздаваеть душь - Шашь низкій свой поклонь, Говоритъ: "прощай, любезна милая моя, Не томись ты у косевчатыхъ оконъ, Я убду въ чужедальны города!..., Залилася я горючими слезами И за полы я сгребла его руками: -Не прощайся, мой любезный другь, со мной, Не прощайся - ворочайся, ворочайся ты домой. Ворочайся, миленькій, до своего двора, Не забудь, дружокъ любезный, сиротиночку меня. —

№ 3. МОЛОДОСТЬ-МЛАДОСТЬ.

(протяжная бесёдная пёсня, иногда поется и на бесёдкахъ сговорныхъ.) Довольно протяжно.

Молодость, молодость—младость! Вышла я за старова замужь. Эхъ, то-ли было дѣвочье время?!... Старый мужъ на рученьку ложится— Быдто колодина валится; Старый мужъ къ устамъ припадаетъ— Быдто смолой поливаетъ!... Молодость, молодость—младость! Вышла я за ровнюшку замужъ;

^{*)} Шаша — Саша.

Ровня мужъ на рученьку ложится— Быдто перо лебедино садится; Ровня мужъ къ устамъ припадаетъ— Быдто медомъ поливаетъ!..,

№ 4. НЕ СИДИТКО, ДУНЯ.

(бесёдная пёсня.)

Медленно.

Не сидитко, Дуня, доздно вечеромъ, Ты не жгитко, не жги свѣчи воску яраго, Во вторыхъ ты не тай свъчи сальныя И не жди ты, не жди дорога гостя, Дорога гостя-дружка милаго. Я не гость въдь пришель, Я не въ гости зашелъ-А зашель я къ тебъ поспроситися, За любовь твою поклонитися; Ты позволь, позволь мнт женитися.... -Поженись-ко, женись, другь безсовъстный, Ты возьмитко, возьми у состада дочь, У сосъда дочь, мою подружку, Я съ которою да училася Ужъ я шелкомъ шить да и золотомъ; Мы училися, какъ дружковъ любить, Какъ дружковъ любить, да домой ходить.-Мнъ подружку взять-будешь гнъвъ держать, Будешь гнввъ держать, станешь гнвваться; Мнъ-ко взять-ли не взять самою тебя, Самою тебя, прежню подружку!

№ 5. КАЛИНУШКА СЪ МАЛИНУШКОЙ.

(бесёдная пёсня.)

цвв - токъ гдв ми лень-кій да пьеть, Калинушка съ малинушкой, лазоревый цвътъ. Лазоревый цвётокъ, гдё миленькій пьетъ? . Онъ пьетъ-не пьетъ, голубчикъ мой. За мною посла шлеть. Я, млада-младёшенька, замъшкалася За уткамъ, за гусямъ, за лебедямъ, За вольной птицей- пташечкой, за жарочкой. Жаръ птица по бережку похаживатъ, За рѣченьку за быструю поглядыватъ. За рѣченькой за быстрой слободушка стоить: Не маленька слободушка-четыре двора; Во каждой задворикѣ четыре кумы. -Вы, кумушки-голубушки, подруженьки мои, Кумитесь и любитесь, любите вы меня; Вы ходите въ зеленый садъ-возьмитетко меня: Вы сорвете-ко цвътику-сорвитетко вы мнъ, Совьете-ко по вънчику - свейтетко вы мнъ: Вы пойдете къ Дунай-ръчкъ-возьмитетко меня, Вы спустите въ Дунай-рѣчку — спустите мой вѣнокъ. Вет выонки по верху, одинъ мой потонулъ, А дружки всѣ домой пришли-одинъ мой не пришелъ: Остался мой любезненькій за нуждою, За нуждою за крайнею -- зимовку зимовать... А я-ли, молодёшенька, по миломъ тосковать!

№ 6. ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛБ.

(беседная песня.)

Въ чистомъ полъ, Въ широкомъ раздолѣ Выростало древо. Это древо не плохое-Бъленька береза; Она изтонка высока, Листьицомъ широка, Прутышкомъ частая, Корочкой бѣлая. На березъ бълой той Сидълъ соловейко. Ужъ онъ жалко распъваетъ, А меня-ли, красну дівку, Печаль разбираетъ. Разбираетъ печаль-горе: Милый во неволъ, Во такой большой неволъ-Въ рекрутскомъ наборъ. Познавалась я съ любезнымъ Ровно три часочку; Разставалась со любезнымъ Ровно три годочку.-Познаванье-было тайно, Разставанье—явно..... Провожу дружка милова Въ городъ-ли въ Даниловъ, До заставушки Московской,

До воротъ трухмальныхъ. У вороть съ дружкомъ разстались, Слезьми обливались; На насъ люди дивовались: —Что это за парка? Мужъ-ли то съ женой, Али брать съ сестрой?... Нѣтъ, не мужъ то со женою И не брать съ сестрою, Молодецъ то удалой Съ дъвкой дорогой! -На прощанье другъ наказывалъ, Честью-лестью уговаривалъ: -Посмирнъе ты живи, Себя, лапка, береги!— Я наказу не послушала И любовь съ дружкомъ порушила.... Я съ другимъ пошла гулять. Нова дружка цъловать! Во гуляньицъ покаялась, Горючьми слезьми наплакалась, Со новымъ дружкомъ гуляючи, Стара друга вспоминаючи: Видно прежній другъ Лучше новыхъ двухъ!

№ 7. ИЗЪ ДОЛИНЫ, ИЗЪ ЛЪСОЧКУ.

(бесъдная пъсня.)

Довольно протяжно.

Изъ долины, изъ лѣсочку, Изъ за турецка городочку Дъвушка идетъ, На село бредётъ. Въ рукахъ несетъ два цвъточка, Пастушка даритъ, Пастушка дарить — Сама говорить: "Ужъ пастухъ ты, пастушокъ, Деревенскій паренекъ, Не покинь меня. Я въ лѣсу одна!" Пастухъ дѣвкѣ взрадовался, Со скотинкой управлялся, Погонялъ домой. Погоняя по деревнъ, Къ женкъ забъжалъ. Къ женкъ забъжалъ-Лва словца сказалъ: -Ужъ ты женка боярыня, Московская сударыня, Неглъ ночевать— Я пойду гулять Вечоръ дъвки меня звали, Красавицы позывали Въ зелёнъ садъ гулять. Выхожу я на долинку, Гдѣ хранилъ свою скотинку, Тамъ дѣвушки нѣтъ, Разлапушки нътъ. Куда дъвка запропала? Подъ ракитовъ кустъ запала!--Пускай миль пройдеть, Меня обождетъ. Дъвушка несмолчала, Жалкимъ голоскомъ вскричала: "Пойди, милъ, сюда-Я въ лѣсу одна!"

Парень дѣвкѣ взрадовался;
На бѣлы груди метался,
Началь цѣловать—
Уговаривать:
—Ужъ ты дѣвка,
Ужъ ты красна,
Изволь ты любить,
Я буду дарить.
Пораночку башмачкамъ,
Туфелички съ бантичкамъ,
Аршинъ кумачу....
Люблю какъ хочу!—
"Съ того со аршина
Кумачникъ *) сошью,
Его лентой обошью."

№ 8. Я ВЧЕРАШНИМЪ ДНЕМЪ МИЛОВА ПРОВАЖАЛА,

Умъренно.

Я вче - ра — — шнимъ днемъ ми-ло

ва про-во - жа — — ла.

Я вчерашнимъ днемъ милова провожала, Провожала— увѣряла, Что "повѣрь буду любить!" Во любовь дружку сказала, Другу мысли повѣряла, Другу—мысли, радость, сердце Любезному отдавала: "Ты повѣрь, дружокъ любезный,

^{*)} Кумачникт — Кумачевый сарафанъ.

Вуду я тебя любить; А зачёмъ ты, другъ сердешный, Сдёлаль въ сердцё моемъ гнёвъ? Поразсвяль жаръ по сердцу, Во лиценькъ кровь зажегъ, Призаставиль ты, любезный, Въчно плакать и тужить. Ужъ я плакала-рыдала, Если встръченька пришла. Течетъ ръченька Фонтанка, По ней быстрая струя..... Я на эту быстру рвчку Гулять выхожу, Тоску-горе выношу. -Теки, ръчка, теки, быстра, Неси горе отъ меня!-На водѣ горе не тонетъ И волною не несетъ. Приплывало это горе Ко крутому бережку, Ко зеленому саду.... Кабы у меня, младеньки, Были сизы крыльица, Полетвла-бъ я, млада, Поискала -- бы дружка; Отыскала-бы милова Во зеленыимъ саду; Онъ играетъ, мой любезный, Со другою, не со мной; Меня, бъдненьку, несчастну, Награждаеть лишь тоской.... Какъ дружокъ меня любилъ--Нынче вовсе позабылъ!

№ 9. НАТЯЛАСЬ НА МЕНЯ ЗЛОДЪЙ ЖЕНА.

(бесъдная пъсня.)

Натялась *) на меня злодъй-жена, Злодей-жена, змён лютая. Она день журить, ночку спать не даеть, Ночку спать не даетъ, на рукъ лежитъ; На рукт лежить, во глаза глядить, Во глаза глядитъ-цъловать велитъ!... Цъловать ее мнъ, братцы, не хочется, Сердце не воротится; Поворотится - все кровью обольется, Обольется—времечко обойдется! Я пойду, схожу, братцы, на рыночекъ, Я вокругъ пройду лавочки торговыя, Зайду въ эту лавочку угловую. Я куплю женъ пару ситцеву, Я другу возьму пару бѣлую; На ръзвы ноги-то башмачики козловые, На бълу грудь возьму я шаль зеленую, На головушку возьму шляпу розовую. Сокручу жёнку, какъ боярыню, И посажу жёнку-жену въ новы саночки. Я впрягу, братцы, пару вороныхъ коней И повезу женку-жену въ торгъ на ярмарку, И посажу я женку-жену середи торга, И запрошу, братцы, за ё небольшу цѣну, Небольшу цёну за жену-три денежки!

^{*)} Натялась—насъла (на шею).

Не дають, братцы, за жену и двухь денежекь.... Поведу женку-жену ко синю морю, Посажу я жену въ малу лодочку, Отпущу жену, братцы, во синё море́. .. Самъ повыстану, добрый молодецъ, на круту гору, Посмотрю, братцы, на синё море́,

№ 10. ХМБЛЬ.

(бесъдная народная пъсня.)

Медленно.

Ужъ ты хмёль-ли моя, хмёль, Веселая голова, Отчего-же ты, хмѣль, Зарождаешься? Зарождалася хмёль Отъ сырой земли, Подымалася хмёль По точиночкѣ вверхъ, По той-ли по точиночкъ. По тоненькой еловиночкъ. Кто за хмѣлемъ-повадился, Какой человѣкъ? Повадился за хмѣлемъ Дътинушка. У дѣтинушки того Ни усъ, ни бороды, Ни ума у головы. На кабакъ иде дътина-Быдто маковъ цвътъ;

Съ кабака иде назадъ-Быдто мать родила! Встръчала, замъчала Молода жена: - Поди. пьяница, домой. Поди, пропащая, домой! Сгубилъ, пропилъ, замоталъ Все, пропаща голова. Все житье-бытье мое, Все приданье дівочьё!— "Я кутилъ, жена, шутилъ, А коровушку купилъ!." -Ты коровушку купилъ, А кто тебя просиль? Мнъ-ко лишнюю работу Тъмъ ты снарядилъ. Ты-бы лучше масла, Маслица купилъ, Да крупивчатой муки Полъ-бы пуда разомъ. Я, младенька, бы тогда Прислугу наняла; Прислуга-бъ за меня Пристряпливала, А я-бъ по горенкѣ что Порасхаживала, Да стряпійку-бъ на свободушкъ Побранивала. -

№ 11. - Н О Ч Е Н Ь К А.

(старинная бесёдная пёсня.)

Всю я ноченьку, млада, просидела,

Всю я думушку, млада, продумала. Одна думушка у дѣвушки съ ума нейдетъ, Со крѣпкаго со разума. И я сама-ли, красна дъвушка, Сама худо сдѣлала, Своего дружка поразгнъвала: Назвала дружка горькой пьяницей! Ужъ какъ мой дружокъ-то вина не пьетъ, Вина неймаетъ, кушатъ сладку водочку. Я домой пошла, со дружкомъ не простилася.... Черезъ два поля дружка-бы въ глаза видъть, Черезъ темный лѣсъ голосъ его слышать! Черезъ рѣченьку лишь-бы съ нимъ говорити: "Что, милый, ростеть за ръченькой?" -Ростетъ шелкова трава.-Кто эту травоньку, повыкосиль, Кто да эту дъвицу поизсушилъ?-Какъ косилъ--косилъ травку, Косилъ старо-прежній другъ..... Сушить-крушить дъвушку, Крушить ее прежня волюшка, Прежня волюшка, другъ неровнюшка!-

№ 12. ЭКО СЕРДЦЕ.

(старинная бесёдная пёсня.)

Эко сердце, эко бъдненько мое! Полно, сердце, ныти, ныти-изнывати! Тебъ, сердце, спокою не видати.... Безъ спокою сталь-то мальчикъ нездоровъ; Нездоровьице-болить буйна голова, Не глядять на свът веселые глаза. Изъ очей моихъ-очей днемъ туманецъ поднялся, Во туманъ частый -ровный дождь пошелъ... Дождь прибиль-примочиль шелкову всю траву, Приломалъ во саду всѣ лазурны цвѣты. А у мила дружка—за рѣкой сѣнокосъ, Тамъ косила-гребла красна дѣвка душа.... Притупилась стальная востра коса, Припотъла красна дъвида душа: Миткалинная рубашечка къ тълу ей льнетъ, И дъвушкъ сънокосъ и на умъ-то нейдетъ!....

№ 13. КАТЕНЬКА.

(бесъдная пъсня.)

—Что, Катенька, бѣла̀ ходишь, Чѣмъ, Катенька, личико наводишь?— "Наводила свое личко бѣло Бѣлиламъ и румянамъ."

-Скажи Катенька, кого върно любишь?-"Полюбила я, дввушка, маіора, Мальчика молодаго; Во другихъ-офицера Съ Москвы полковаго, Я не долго съ нимъ, дъвушка, водилась: Во полъ-дёнъ лишилась, Во полъ-лёнъ я полишилась, Семерыхъ я полюбила: Семерыхъ братцовъ двородныхъ, Во восьмыхъ я дядюшку; Во девятыихъ-лакей, Во десятыхъ-свой мужикъ. На чужой мнѣ сторонѣ, Въ хлопотливой - то семь в -Злая-то свекровушка, Лихая золовушка!"

№ 14. БЫЛЪ Я ВЪ ГОРОДЪ КРОНШТАДТЪ,

На головкѣ розовый платокъ,
На ногахъ башмачики у ней козловы,
Чулки новы раскострёны. *)—
Съ молодцомъ пошла гулять ...
Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Онъ стаканъ вишневки пилъ:
—Распроклятая вишневка,
Пить ее нужна сноровка....
Нужно знать вино какъ пить
И какъ къ дѣвушкамъ ходить!—

№ 15. НЕСЧАСТНАЯ КРАСНА ДЪВУШКА.

(народная жалобная пъсня.)

Медленно.

Hе-счас—тна-я крас — на-я дѣ вуш—ка

Несчастная красна дѣвушка
На свѣтѣ родилася!
Съ горя помутило
Мысли, умъ и сердце,
Вѣрно полюбила
Молодаго парня.
Полюбивши красна дѣвка
Рѣчь таку ему держала:
—Пойду я, красна дѣвушка,
Ко подружкѣ на бесѣдушку;
Я спрошу, спрошу дружечка:
—Любить тя, али бросить?...
Кину, брошу, красна дѣвка,
Любить тебя не стану!—

я на-свъть ро-ди - ла - ся!

^{*)} Раскострёны—узорчатые.

Испроговорить-ли мой любезный: "Лучше-бъ, красна дъвушка, Ты мнѣ не говорила: Молодецкое сердечко Ты-бы не знобила! Лучше съвзди, красна дввушка, Во Китай во городъ: Ты зайди-ко, красна дѣвка, Въ оружейну лавку: Ты возьмитко, купи, девушка, Ручной пистолетикъ, Ты купи-ко, красна дъвушка, Пороху да дроби. Занарядь-ко, красна дъвушка, Ручной пистолетикъ, Прострѣлитко, красна дѣвушка, Ретливо мое сердечко.... Чтобъ оно не ныло-бы И горюшко свое забыло-бы; Чтобъ оно да не стонало И разлукушки не знало, Чтобы ты меня любила, На могилъ-бъ на моей ты выла!...

№ 16. С У Д Ь Б А.

(народная жалобная пъсня.)

Я безъ братца-то, безъ ясна сокола. Никакой судьба отрады Мнъ сердечку не дала! Въ огорченьице- то меня судьба, Ахъ, что судьба привела.... Съ огорченьица-то я въ пустыню, Во пустынюшку пойду я жить: По мнѣ некому-то по безсчастной Плакать ни тужить! По несчастьицу случилось мнѣ-ко Дружка милаго любить. Я теперь одна-одной осталась Плакать и тужить.... Съ того горя, со кручины горькой Я пошла-бъ съ дружкомъ гулять; Мнъ-жъ въ удълъ досталось, горькой, Плакать и рыдать! Съ того горя, со печали тяжкой Я по рѣченькѣ гулять пошла. Прихожу я къ быстрой рѣчкѣ, Тоску-горе приношу, Тоску-горе приношу, Дунай-рѣчкъ говорю: Теки, рѣчка, Дунай быстрый, Возьми горюшко съ собой!..-На водъ горе не тонетъ, Волной горе не несетъ! Со пескомъ вода что вдругъ закрутится, Да и помутится: Какъ покажется да у синя моря Да синь горючъ камень, А на камешкѣ да вдругъ повыростетъ Что чистъ ракитовъ кустъ; Какъ соловушко да совьетъ гитздышко Что подъ кусточкомъ тъмъ; Когда выродить да младъ соловушекъ Что малыхъ дѣтушекъ-Наживу, козакъ, да я тѣмъ временемъ

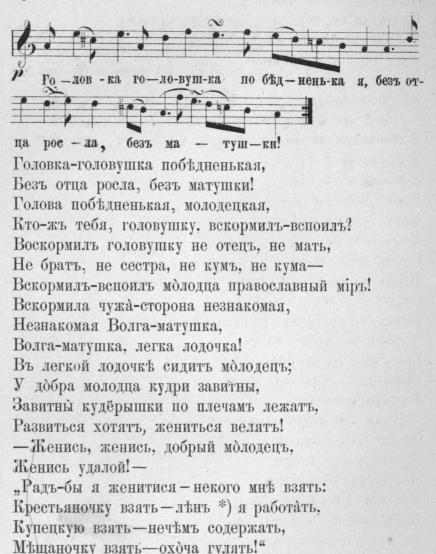
Сросла, дъвушка, безъ матери, отца,

Какъ-ли она, какъ-ли она гладитъ-Волоса только деретъ! Вдоль да по ръчкъ, вдоль по Казанкъ Сърый селезень плыветъ, Вдоль да по бережку, вдоль по крутому Добрый молодець идеть. Самъ онъ со кудрями, Самъ онъ со русыми Разговариваетъ: -Кому эти кудри, кому эти русы Достанутся расчесать?...— Достались тѣ кудри, Достались тѣ русы Вдовѣ молодой расчесать. Какъ она не чешетъ, Какъ она не гладитъ-Слезы свои льетъ. Вдоль да по ръчкъ, вдоль по Казанкъ Сърый селезень плыветь, Вдоль да по бережку, вдоль по крутому Добрый молодецъ идетъ. Самъ онъ со кудрями, Самъ онъ со русыми Разговариваетъ: -Кому эти кудри, кому эти русы Достанутся расчесать?— Достались тъ кудри, Достались тѣ русы Красной дёвкё расчесать. Какъ она не чешетъ, какъ она не гладитъ-Волосъ къ волосу кладетъ.

№ 19. ГОЛОВКА-ГОЛОВУШКА ПОБЪДНЕНЬКАЯ.

(сиротская пѣсня.)

Протяжно.

^{*)} Люнг - значить лёнивъ.

№ 20. УЖЪ ТЫ КАТЯ—КАТЕРИНА,

(хороводная пъсня.)

Довольно скоро.

-Ужъ ты Катя-Катерина, Разноличная дѣвчина,— Говорила Катѣ мать, Уговаривалъ и братъ, -—Полно, Катя, изупись, *) Съ холостыми не водись! Холостые -- молодые Проведуть славу худую; Худа славушка пройдетъ-Никто замужъ не возьметъ. Худа славушка ужъ есть-Тебѣ Катенька не честь! Кто-жъ теперь тебя возьметь, Кто безчестіе прійметь?... Ни бояринъ, ни купецъ, Ни удалый молодецъ; Только возьме-ли, не возьме Горькій пьяница вдовецъ. На всю улицу боецъ. Ужъ вдовецъ тебя не пуститъ На улицу погулять, Въ короводахъ танцовать.-"Не пойду я за вдовца,

Полюблю я удальца!
Въ короводъ мальчикъ на ногу ступилъ,
За кровинку алой лентой подарилъ.
Я маіора полюбила,
Алой лентой подарила,
А теперь назадъ возьму:
Я маіора не люблю!"
За маіоромъ Катя ходитъ,
Умаіора ленты проситъ:
"Маіоръ дай, маіоръ дай,
Маіоръ, ленточку отдай!
Мнъ диковина такая,
Маіоръ, лента золотая.

№ 21 У КОЛОДЕЧКА БЫЛО У ХОЛОДНАГО.

(хороводная пъсня,)

Умъренно.

Уколодечка было у холоднаго, У ключа было у студёнаго: Красна дѣвица воду черпала, Добрый молодецъ коня поилъ, Красну дѣвушку подговаривалъ: —Ты пойди, дѣвица, за меня замужъ, За меня замужъ во Казань во городъ. Нашъ Казань—городъ на горѣ стоитъ, Казань-рѣчка тамъ медомъ течетъ, И по полямъ, полямъ хлѣбородныимъ Лежатъ камешки самоцвѣтные, И по лугамъ нашимъ по зеленыимъ Все трава ростетъ да шелковая.—

^{*)} Изупись - образумься.

"Не обманывай-ко, не заманивай, Добрый-ко молодецъ, не подговаривай! И вотъ Казань-городъ не на горъ стоитъ. Вотъ Казань-городъ край рѣки лежитъ! Ваша ръченька не медомъ течетъ. Ваша рѣчка не сахаръ влечетъ; И на поляхъ вашихъ хлъбородныихъ-То не камешки самопвътные. И на лугахъ вашихъ что зеленыихъ Не трава ростеть-ли шелковая, Не цвъты въдь ростутъ что лазоревые: Ваша ръченька изъ слезъ течетъ, Ваша ръченька печаль волокёть!..... На поляхъ, поляхъ хлѣбородныихъ Лежать головы человъчески. На лугахъ, лугахъ на зеленыихъ Все трава ростетъ что болотная. Я сама въ Казань-городъ въдь повыросла, Я съ Казань-рѣченьки сама воду пила... Ужъ ты, добрый молодецъ, не обманывай, Не обманывай меня, не подговаривай! Ужъ нейду я, дъвица, замужъ за тебя, Во Казань во городъ за тебя-ли, молодца!

№ 22. ПОЙДУ Я, ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ ПОЙДУ ЗАГУЛЯЮ.

Пойду я, добрый молодецъ, пойду—загуляю, Пойду я къ любушкѣ, зайду подъ окошко; Подъ окошко тихохонько стукну,

Я спрошу любушку про здоровье: "Ты здорова-ль, моя любушка, живешь-поживаешь?" -Очень плохо здоровьице безъ дружка милова: Тесова моя кроваточка пуста простояла, Перина моя пуховая трубкой пролежала, Соболиное одъялышко въ ногахъ провалялось, Круго-складное сголовьице отъ слезъ потонуло, Ново-ситцевы наволочечки отъ слезъ полиняли.... Все я, любезненькій, тебя сожидала, Тебя сожидая, всю ночку, младешенька, не сыпала. Ужъ ты, милый мой, милый дружочекъ, Ужъ отдай ты, отдай мнѣ колечко назадъ; За колечко мое меня въдь маменька журила, За серебряно-ли то меня маменька бранила: —Ты куды, куды колечко подъвала?..— Право, маменька, въдь я не виновата: Я во садикъ капустушку полола, Праву бѣлую я ручку наколола; Между грядъ свое колечко обронила. Тутъ мила моя подружка проходила, Золото мое колечко находила, Своему дружку она его дарила; Подаривши, другу нѣжно говорила: -Ты держи мое колечко, пока холостъ, Поженившися, отдай колечко мнѣ назадъ, Не пойду тогда гулять я въ темный садъ!-,

№ 23. УЖЪ ТЫ ДЪВИЦА—КРАСАВИЦА.

(хороводная пѣсня.)

Умъренно.

11 ужъ ты дъ — ви — ца кра—са — ви—ца,

-Ужъ ты, дѣвица-красавица, Вспомни, вспомни, любезная, Какъ съ тобою мы погуливали. Забавны рѣчи поговаривали: Не жениться мнѣ во вѣки, Тебь, дъвкь, замужь не идти!...— Я прослышаль, добрый молодець, Что невзгоду надъ собой: Мою милу замужъ отдаютъ Что за быстру-ли за ръку, За холодну-ли за воду, За калиновый мостокъ, Чрезъ глубокій тотъ потокъ. Пойду, выйду, добрый молодецъ, Я на быстру-ли на рѣку, На крутенькій бережокъ; Ужъ я вижу, добрый молодецъ, ..

По калиновомъ мосту Бѣжитъ тройка вороныхъ; Вороныя три лошадки, Извощички правятъ удалы, А и катится карета О четыре колеса; Мою милую, любезну Ко вънцу-то, знать, везутъ. -Ужъ ты, дъвица красавица. Забавница-ли ты моя, Прежня любушка душа, Ты простипься ли со мной?— "Я и рада-бы простилась, Старо-прежній дружокъ мой, Путь-дорожка удалилась, Кони мащутъ головой; Добры кони не стоятъ, Кучерамъ нельзя сдержать, Фалетуры торопять, **Бхать** далье велять!" —Ужъ ты, дѣвушка—краса,

Ты забавница моя, Ты взгляни хотя назадъ, Обернися на мой взглядъ! -"Рада, рада-бы взглянула, Головой-бы я махнула, Да дівиці воли ніть, Не пошлю тебѣ привѣтъ." -Ужъ ты, дѣвушка-краса, Прежня матушка моя, Ты смахни хоша платочкомъ, Самымъ, самымъ уголочкомъ! — "Я и рада-бы смахнула, Да платочка нътъ въ рукахъ, Утереть слезы въ очахъ!..." —Ужъ ты, дѣвушка—краса, Ты забавница моя. Напиши ко мнѣ письмо, Брось въ стеклянное окно!-"Я-бы рада — написала: Мнъ слободы теперь нътъ, Не глядѣла-бъ я на свѣтъ! Прежде я тебъ писала. Сколько писемъ посылала; Слуги върны не доносятъ, Вътеръ письма тъ разноситъ.... Слуги върны - лиходъи Разлучить съ тобой хотёли; Слуги върны докучили— Насъ съ тобою разлучили!,

№ 24. ВО ПОЛБ ГУЛЯЕТЪ КОЗАКЪ МОЛОДОЙ.

(хороводная пѣсня.)

Во полѣ гуляетъ козакъ молодой, На ворономъ конъ при сбрув золотой. Красавица плачеть надъ быстрой ръкой.... Какъ на ръченькъ, надъ чистой водой Козакъ молодой выспрашиватъ у ней: "О чемъ ты, дъвица. плачешь, О чемъ – ли ты слезы все льешь? Коня-ли ти жалко. Аль сбруи моей золотой? Али жалбешь о батюшкв, Али о родной ты матушкъ?, -Мнѣ не жалко, красавецъ, Не жалко коня воронаго, Не сбруи жалью златой; Мнѣ не батюшки роднаго И не матушки родной..... Я плачу-рыдаю по волъ своей, По косынькъ русой моей. Когда была я младешенька, Гуляла, ръзвилась я во садочкъ, Цыганка меня молодая за рученьку брала, На правую глядела, головой качала; Сказала: потонешь, потонешь въ день свадебный твой!

Не вѣрю, не вѣрю цыганкѣ младой! Сострою, сострою чрезъ рѣченьку мостъ, Калиновый мостъ я на десять верстъ.— Насталь воть, насталь и свадебный день. Повхали всв черезь быструю рвку По вечеру въ церковь къ ввицу. На мосту-ли конь поткнулся, Изломился калиновъ тотъ мостъ— Упала княгиня въ глубокую рвку. Сбылися слова всв цыганки младой.

№ 25. ДУНЯ БЪЛАЯ РУМЯНА.

(хороводная пъсня.)

Довольно скоро.

Дуня бѣлая румяна Полюбила Ивана: —Я за то люблю Ивана, Что головушка кудрява, Личко бѣло да румяно!--Ваня рѣчь говоритъ, Ночевать Дунъ велить: "Ночуй, ночуй, Дунюшка, Погости, голубушка! Ты ночуешь у меня, Подарю, Дуня, тебя; Подарю, Дуня, тебя Я сережками серебряными, Други золотыя со подвъсточками; А на славушку пойду-И жемчужны подарю!, На то Дуня окидалась, Ночевать Дуня осталась; Ложилася она спать

На Иванову кровать.
Мало, мало ей спалось,
Много, много видъло́сь:
Вудто-о́ъ Ванюшка пришелъ
И къ постелькъ подошелъ.
Онъ по горенкъ похаживатъ
И сапожками поскрипыватъ;
Онъ къ кроватушкъ подходитъ,
Меня, дъвушку, онъ будитъ:
—Къ тео́ъ Ванюшка пришелъ,
Онъ подарокъ дорогой—
Перстень новый золотой,
Въ уши сережки жемчужны.
Не ходи-жъ къ кому не нужно!—

№ 26. Я ПОБДУ-ЛИ, ПОБДУ.

(игровая хороводная пъсня.)

Оживленно.

Я повду-ли, повду въ Нову - Ладогу гуляти, Молодой женв покупокъ закупати.

Привезу я своей женушкъ покупку—

Гальнетуровую *) шубку.

Я прівду-ли, прівду—привезу-ли:
— Ты примай-ли, моя жёнушка, не чванься,

Душенька, ты сердце мое, не ломайся! Поглядитетко, добрые вы люди,

Какъ жена меня, молодца, не любитъ,

Душечка-сердце меня ненавидитъ!... Я повду-ли, повду въ Нову-Ладогу гуляти, Молодой женѣ покупокъ закупати. Привезу своей я женушкѣ покупку— На головушку ей шелковый платочекъ. Я прівду-ли, прівду-привезу-ли: -Ты примай-ли, моя жёнушка, не чванься, Душечка, ты сердце мое, не ломайся! Поглядитетко, добрые вы люди, Какъ жена меня, молодца, не любитъ, Душечка-сердце меня ненавидитъ!... Я повду-ли, повду въ Нову-Ладогу гуляти, Молодой жень покупокъ закупати. Привезу я своей жёнушкѣ подарокъ-Вкругъ сердечушка ей шёлковъ поясочекъ. —Ты примай-ко, моя жёнушка, не чванься, Душечка, ты сердце мое, не ломайся! Поглядитетко, добрые вы люди. Какъ жена-ли мужа-то не любитъ, Она, радость моя, меня ненавидитъ!.... Я повду-ли, повду въ Нову-Ладогу гуляти, Молодой женъ покупокъ закупати, Привезу я своей женушкъ покупку, Что подарокъ-шелковую плетку. -- Поглядитетко, добрые вы люди, Какъ жена меня, молодчика-то, любить, И она меня не ненавидитъ: Поблизёшеньку она ко мнѣ двигается, Попустёшеньку она мнв поклоняется!....

^{*)} Гальнетуровый-штофный.

№ 27. ЖЕНАТЫЙ ЧОРТЪ ПРОКЛЯТЫЙ.

(хороводная пъсня.)

Женатый чорть проклятый, Его жизнь бъдна, тошна: Глѣ ни ходить, ни гуляеть, Все жена за нимъ глядаетъ; Все жена за нимъ слъдитъ, Во глаза его бранитъ, Во глаза его браиить, Горьки рѣчи говорить: —Лучше нътъ на свътъ краше Холостаго полюбить! Холостой мальчикъ гуляетъ, Какъ соколъ въ полъ летаетъ; Прилетаеть онъ домой, Спать ложится на спокой, Спать ложится на спокой, Нътъ заботы никакой.... Только есть одна забота-Размолодушка душа, Уродилась хороша! Во чистомъ полѣ гуляла, Въ чистомъ полъ при долинъ, На зеленыемъ лугу, По край рѣчки, По край быстрой, На крутенькомъ берегу. Во рѣченьку посмотрю.... Илетъ милый мой дружокъ,

180 0

Машетъ правою рукой, Своей шляпою черной: "Перейди, сударушка, На мою сторонушку!.. -Рада-бы я перешла, Переходу не нашла; Только жердочка тонка. А и рѣчка глубока-Перейти ее нельзя.—

№ 28. У ТАНЮШКИ СЪ ПО ВАНЮШКЪ ГОЛОВУШКА БОЛИТЪ.

(плясовая пъсня.)

У Танюшки съ по Ванюшкъ головушка болитъ, Охъ головушка болитъ.... Станетъ маменька бранить: Не велить въ кабакъ ходить. Зелена вина мнѣ пить, Цѣловальника любить. — Цёловальникъ молодой. Проводи меня домой Ты до горенки новой, До кроватки тесовой. До перинки пуховой. На перинъ Катерина, Въ головахъ стоитъ дътина, Въ головахъ стоитъ дътина — Что Ванюха сиротина. -Спросилъ Ваня у меня:

Не болить-ли голова? Не болить-ли голова, Не поеть-ли животь? Хошь поеть-то животь: Далече милый живеть, Далече онь, далече, На чужой-ли сторонь!.. За Камой за ръкой Перевозчикъ молодой, Перевозчикъ молодой, Не хочу идти домой! Ты свези меня, младу, На тою на сторону."—

№ 29. ВСЕ НЕМИЛО, ВСЕ ПОСТЫЛО.

(плясовая пѣсня.)

Легко и живо.

—Все немило, все постыло, Во бесѣдѣ дружка нѣтъ.... Не могу глядѣть на свѣтъ! Всѣ кусточки, всѣ листочки Про милова говорятъ-- Разсуждала душа — Маша, Идучѝ изъ дома въ садъ. Съ утра завтра день прекрасный За малиной въ лѣсъ пойду,

За малиной, за калиной, За черной смородиной. Солучилось красной дівкі Въ темномъ лъсъ ночевать. - Товарища нѣтъ со мной.... Гдѣ онъ, другъ мой дорогой? Вотъ идетъ онъ, мой милой, Несеть гусли подъ полой: -Ужъ вы, гусли мои-мысли, Разыграйтесь гусли - мысли, Я вамъ пъсенку спою Про женитьбу про свою. Какъ женила молодца Чужедальная сторонка; Макарьевска ярмарка Раззорила до конца, Раззорила молодца!

№ 30. ИЗЪ ПОДЪ ДУБА, ИЗЪ ПОДЪ ВЯЗА

Несеть въ зубахъ небылицу
Воть калина и т. д.
Про душу красну дѣвицу,
Про Аннушку сестрицу:
Воть калина и т. д.
—Она стояла на плоту,
Мыла шелкову фату.

Вотъ ка̂лина и т. д. Она мыла — колотила, Фа̀ту въ воду опустила;

Вотъ ка̀лина и т. д. Въ воду по̀ поясъ вскочила, Туфелёчки утопила;

Вотъ ка̀лина и т. д. Чулочики обмочила, Вълы ручки надсадила.

Вотъ ка̀лина и т. д. Миѣ не жалко туфелько̀въ, Жалко бѣлыихъ чулковъ:

Вотъ ка̀лина и т. д. Туфли батюшка купилъ, Чулки милый подарилъ!

Воть калина, воть малина! Верьби вьюшки, вьюшки вьють, Да верьби оны, оны!

№ 31. БЫЛЪ СЕЛЕЗЕНЬ.

(плясовая пъсня.)

Выль селезень, быль молодець, Рушилъ перья, рушилъ бѣлы По чистому по полю; Мелкій пушокъ, мелкій пушокъ, Мелкій пушокъ по крутымъ бережкамъ. Брала перья, брала перья, Врала перья красна дівица душа, Милу дружку, милу дружку, Милу дружку на подушечку, Сердешному, сердешному, Сердешному въ изголовьице; Двоимъ съ милымъ, двоимъ съ милымъ, Двоимъ съ милымъ на здоровьице! Изъ по бережку, изъ по бережку, Изъ по бережку Иванушка самъ шелъ, Изъ по крутому, изъ по крутому, Изъ по крутому Васильевичъ соколъ. Во правой тросточка камышова, Околь тросточки ленточка букетова. Молодецъ тростью упирается, Онъ букетовой лентой похваляется: —Эта лента, эта лента, Эта ленточка ала-Мнѣ сударыня дала, Мнѣ пожаловала И за этой лентой изсушила молодца...--Ты сюда, сюда, Иванушка дружокъ, Ты пожалуй на минуту, на часокъ. У меня есть тово-сёго про тебя: Сладка водочка анисова, Тесова кровать росписана, А перинушка разостлана!..-На перинушкъ дътинушка спитъ; У дътинушки безъ перстня рука, У дътины безъ ума голова. Кабы этому дътинушкъ, Кабы этому молодому, Ему-бъ чарочка зеленаго вина,

Табакерочка серебряна, Пролежаль-бы въ кабаку на боку, Проглядёль-бы красну дёвку за рёку— Красныхъ дёвушекъ во горенку, За стекольцами въ околенку.

№ 32. ПО УЛИЦЪ МОСТОВОЙ.

(плясовая пѣсня.)

Живо.

По улицъ мостовой, мостовой, Во горницъ во новой, во новой Стоялъ столикъ дубовой, дубовой; На немъ чаша медова, медова, Полна меду налита, налита. —Это кто-же наливаль, наливаль?--Наливала красна дѣвица-душа, Подносила что Ивану-молодцу: "Ужъ ты спей. Иванушка — дружокъ!, Добрый молодецъ жениться собирался; Его матушка родима снаряжала, Государыня родима собирала: -Потдешь, мое дитятко, жениться На душечкъ на красной на дъвицъ, Тебъ будутъ дъвицы пъсенки спъвать, По тебъ, сударь, невъсту припъвать; Ты дари ихъ не рублемъ-полтиной, Унижайся своимъ низкіимъ поклономъ, Еще того паче - уговоромъ! -

№ 33. ЗАИНЬКА.

(плясовая пъсня.)

Скоро.

по-ка-жи ко,бёленькій, сво-и нож-ки ско-рыя, са-нож-ки ко-зло-вы-е!

Заинька бѣленькій, Покажи-ко, заинька, Свои ножки скорыя, Сапожки козловые! Заинька бѣленькій!

Заинька бѣленькій Изволь ножки скорыя, Сапожки козловые.

Заинька бѣленькій! Покажи-ко, заинька, Свое платье цвѣтное.

Заинька бѣленькій! Изволь, душа, посмотри Мое платье цвѣтное, Мое расхорошее!

Заинька бѣленькій! Покажи-ко, заинька, Покажи-ко, бѣленькій, Твои ручки бѣлыя, Перстни золочёные.

Заинька бѣленькій! Изволь, душа, посмотри Мои ручки бѣлыя, Перстни золоченые.

Заинька бѣленькій! Покажи-ко, заинька, Покажи-ко, бѣленькій, Свое личко бѣлое, (Припавъ протяжнае.)

(Мелодія опять сначала.)

Свои брови черныя,
Глазы развеселые!
Заинька бъленькій!
Изволь, душа, посмотри
Мое личко бълое,
Мои брови черныя,
Глазы развеселые.
Заинька бъленькій!

Заинька бѣленькій! Заинька бѣленькій, Покажи-ко, заинька, Свои кудри желтыя!

Заинька бѣленькій! Изволь, душа, посмотри Мои кудри желтыя.

Заинька бѣленькій!

Ушки долги, ножки-крошки,

Заинька бѣленькій! Некуда-то заюшкѣ, Некуда повыскочить, Некуда-то заюшкѣ, Некуда повыпрыгнуть!

Заинька бѣленькій! Заинька бѣленькій, Въ сторону вскочить—

Много сорому *) хватить; А во другу вскочить—

Рѣкою брести.

Заинька бѣленькій! Заинька бѣленькій, Рѣка—рѣчка быстра, А лединушка часта,

Заинька бѣленькій! А лединушка часта. Поцѣлуй дѣвку въ уста, Не ради поста— Ради спасенья!...

(Мелодія сначала.)

(Мелодія сначала.)

(Мелодія сначала.)

Заинька бѣленькій! По досюльному *) закону Четырѐ на кону **), А что нынѣшній законъ— Девяносто пять на конъ! Заинька бѣленькій!

№ 34. АХЪ ВО ПОЛБ-ПОЛБ.

(шуточная пъсня.)

Весело.

Ахъ, во полѣ—полѣ
Фатерушка стоитъ:
Изба тесомъ крыта,
Скалой пушена.
Во фатерѣ стѣны
Будто лебедь бѣлы;
Кругъ печки опечки
Муравленныя.
Сидитъ баба на печи,
Она мѣситъ калачи,
Растворяетъ квашенку
На донышкѣ—на уторышкѣ; ***)
Среди квашенки мука,
По утореньямъ—вода.

^{*)} Соромъ-срамъ, стыдъ.

^{*)} По досгольному-до сей поры существовавшему.

^{**)} Четыре (поцёлуя) на кону—значить по четыре (поцёлуя) заразъ.

^{***)} Уторышко-закваска.

Три недѣли квашня кисла И не выкисла, На четвертую недѣльку Призагомовала *); Я на пятую недѣлю Стала мяконькихъ катать. Ужъ я по полу катала, По подволичью **) валяла, На печи спекла, Кочергой сгребла; Взяла срыла въ коробокъ, Отвозила въ городокъ. Городскіе что робята Догадливы они были, Догадливы были— Навстрѣчь поспѣшили. Навстрѣчь вдругъ одной Идетъ тотъ и иной, Идетъ самъ дворянинъ, Идетъ къ нимъ одинъ. Городскіе-то робята, Догадливы они были: Они хлъба не купили, На хлъбъ цъну наложили. -Дворянину за полтину, А домъ щемлю за грошъ!-"Ты куды, баба идеть? Куды ситнички везешь?" —Охъ везу я ситнички— Мягкіе пшеничнички!— "Ты везешь не ситнички. А везешь ты прянички! Ты везешь не прянички, А везешь ты камешки!,

отдълъ у.

ВОЛОЧЕБНАЯ И ВЕЛИЧАЛЬНАЯ НАРОДНЫЯ ПЪСНИ.

№ 1. ВОЛОЧЕБНАЯ ПЪСНЯ.

(колядовская бѣлорусская.)

Очень медленно.

Ой шли—брели волочебные, (Припъвъ:) Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій! Волочебные, люди добрые.

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!

Во шатались, во пыталися—

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!

До того сёла, до того двора,

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!

До того двора до Дзёминова.

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!
—Ци дома, дома самъ панъ Дзёма?—

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!

^{*)} Иризагомовала-начала подниматься, - забродила.

^{**)} По подволичью-по полу въ съняхъ.

Ёнъ хоць дома, да не кажецця, Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій! Да не кажецця, прибираецця! Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!

Надзіваець ёнь куны—соболи.

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій! И надзѣваець ёнъ кунню шубу,

Христосъ воскресъ, сынъ Вожій! А потомъ того самъ панъ Дзёма,

Христосъ воскрёсъ, сынъ Вожій!

Не мори много, да дари скоро.

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій! Узяўши *) сумейку въ клѣць по горѣлку:

Христосъ воскрёсъ, сынъ Божій!
—Ты, хозяюшка, свое дзѣльце **) знай:

Христосъ воскрёсъ, сынъ Вожій! Сковородку ў пець, по колбаску въ клѣць! Христосъ воскрёсъ, сынъ Вожій!

Кажному пъущу по красному яйцу,

Христосъ воскрёсъ. сынъ Божій! Починальщику ходь и парочку!

Христосъ воскрёсъ, сынъ Вожій!.

№ 2. ТЫ СПАСИ, ДА БОЖЕ ГОСПОДИ.

(величальная пъспя.)

Плавно и торжественно.

Ты спаси, да Боже — Господи, Спаси Царя да Бога — Русскаго,

Всей Россіи сберегателя. За христіанску въру-то стоятеля! Та спаси, да Боже-Господи. со Царицей съ милосердною, Со любимой всей семеюшкой. Со сердечными со дътушкамъ, День - подъ краснымъ-то подъ солнышкомъ, Ночь-подъ свътлымъ-то подъ мъсяцомъ, Подъ звъздамъ да поднебесныимъ. Ты во здравіи въ чудесныимъ. Какъ нашъ Царь по полю разъвзжаетъ, Пусть десница Божья охраняеть! Спереди Его самъ Богъ-Господь идетъ И Царя земнаго за собой ведеть; Со людьми-ли Царь на тронъ говорить-Позади Его самъ Богъ стоитъ, Надъ главой Его все ангелъ-бы леталъ. Отъ печали онъ Царя-бы охранялъ, Отъ напастей онъ отъ супостатныихъ И отъ злыхъ людей отъ ненавистныихъ. Когда выбдетъ на чисто поле Онъ, На парадъ на генеральскій, Разсмотрѣть солдатовъ-то молодыихъ, Ужъ какъ ласково-то имъ Онъ проговариватъ, Какъ всемилостно со ними разговариватъ. Изъ солдатушекъ всякъ храбрыихъ. Въ глубинъ сердечушекъ бурлацкіихъ, Вога Господа такъ проситъ, Спаса образа такъ молитъ: -Спаси нашего Царя Ты батюшку, Ты спаси Его съ Царицею, Со семьей Его любимою! Ниспошли Имъ благъ земныхъ, Ниспошли дней радошныхъ, Наибольше всъхъ-спокойствія. Во делахъ всёхъ - удовольствія! Онъ въдь, батюшко, и день и ночь Мыслить какъ-бы намъ помочь

^{*)} Примичаніє: Буква в передъ другой согласной выговаривается какъ у краткое, т. е. не составляя отдёльнаго слога, поэтому я п ставлю надъ этой гласной знакъ ў.—Узяўши—взявши.

^{**)} Дзильце-дѣльце.

И отъ насъ, радътель, отъ своихъ дътей, Молить - ждеть благихъ въстей. Мы-жъ за батюшку, Царя любимаго, Всъмъ сердцамъ людскимъ родимаго, Мы молебны что прослуживамъ, На колъняхъ-ли промадивамъ, Вога нашего упрашивамъ: -Ты храни, да Боже-Господи, Сохрани Царя любимаго, Дай здоровья тьму сердешному. Дай ты радость безупрешному; Укрѣпи Его ты силушку На въковъшную ты жирушку: *) Дай ты силу богатырскую, Кръпость, храбрость Ерусланскую! Чтобъ сусвди всв завистные И враги всѣ супостатные Вогатыря-бы нашего боялися, Его силы устрашалися, Уму-разуму-бы удивлялися!--Дай-же Боже, Боже-Господи, Тебѣ много лѣть да здравствовать Съ милосердной со Царицею, Со любимой со семеюшкой. За Твое за прасосудіе, За Твое-ли милосердіе!

VI.

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПРИБАУТКИ.

приданое дочери отъ отца и десяти вратьевъ.

1) НАРОДНАЯ СКАЗКА.

Какъ и было насъ у батюшки десять сыновъ. А и я то, молодешенька, одиннадцата дочь. Всв-то братьица работу работали, Раныимъ ранёшенько въ извозъ отътзжали, А иной на полюшкъ время провожалъ, Что кормильпу-землюшку онъ-ли поднималъ. А я при доми съ матушкой стаюсь. Покуль со коровушкой да не управлюсь Молодцы удалые вкругь меня снують, Ленточкамъ, гостинечкамъ дъвку поштуютъ. Какъ задумалъ меня батюшка замужъ выдавать, А родимы братики дъвку снаряжать. Воть что первый братикъ-то приданое даеть: Се быка, се козла, се маленькаго козля доморощеннаго! Вотъ второй-ли что братъ мнъ приданое сулитъ: Два быка, два козла, два теленка, два козленка доморошенные!

Вотъ и третій что братъ мнѣ въ приданое ведёть: Три быка, три козла, три телёнка, три козленка доморошенные!

Вотъ четвертый-то братикъ приданое даетъ:

^{*)} Жирушка-жизнь.

Се чётыре быка, се чётыре въ придачу козла, Се чётыре теленка, се чётыре козленка доморощенные! Вотъ и пятый то братъ мнѣ приданое сулитъ: Пять быковь, пять козловъ, се чётыре быка, се чётыре козла, Три быка, три козла, два быка, два козла, Се козля, се малаго козленка доморощеннаго. Вотъ шестой-ли мой братъ мнѣ въ приданое ведетъ: Шесть быковъ, шесть козловъ, пять быковъ, да и пять козловъ,

Сё чётыре быка, се чётыре въ придачу козла, Се три да быка, да и три се въ придачу козла, Два быка, два козла, два теленка, два козленка, Се быченка, се козленка доморощеннаго! Воть седьмой-то что братикъ приданое даетъ: Да и семь что быковъ, да и семь ли козловъ, Шесть быковъ, шесть козловъ, пять быковъ, пять козловъ, Се чётыре быка, се чётыре-ль что козла, Да и три се быка, да и три се козла, Два быка, два козла, се быка, се въ придачу козла. Да еще-ли что се малаго козленка, се козля доморощеннаго. Воть восьмой-ли что брать отъ другихъ не отстаетъ, Онъ во хлѣвецъ-то идеть, мнѣ въ приданое ведетъ: И на восемь быковъ, и на восемь въ придачу козловъ, Семь быковъ, семь козловь, шесть быковъ, шесть козловъ, Да и пять-ли быковъ, да и пять-ли что козловъ, Се чётыре быка, се чётыре козла, три быка три и козла, Еще два-ли быка, еще два-ли въ прибавку козла, Се быка, се козла, се маленькаго теля доморощеннаго. Вотъ девятый-ли братъ у стола онъ сидитъ, Подбоченившись сидить, мнв въ приданое сулить: И на девять быковъ, и на девять козловъ, И на восемь быковъ, и на восемь козловъ. Еще семь-ли быковъ, еще семь-ли козловъ, Да и шесть что быковъ, да и шесть что козловъ, Се чётыре быка, се чётыре въ добавокъ козла, Еще три то быка, да и еще три то козла, Два что быка, два что козла, се быка, да и се козла, Се маленькаго теля, телёнка доморощеннаго.

Ужъ десятый-то брать отъ другихъ не отстаетъ, Ръчь съ усмъшкой ведетъ, еще болъ даетъ: И что десять быковъ, и что десять козловъ, И что девять быковъ, и что девять козловъ, Еще восемь быковъ, еще восемь козловъ, Еще семь-ли быковъ, еще семь-ли козловъ, Да и шесть то быковъ, да и шесть то козловъ, Еще пять что быковъ, еще пять что козловъ, Се чётыре быка, се чётыре козла, Се три-ли быка, се и три-ли козла, И два то быка, да и два то козла, Се быка, се въ придачу къ нему то козла, Се бычёнка, се телёнка доморощеннаго! А и батюшка по горницъ похаживатъ, Своей правою-то ножкой притолакивать, А усмъшкой родныхъ братцевъ то одабриватъ. Какъ и батюшкинъ черёдъ-то приходилъ, Онъ, родимый, самъ-отъ мнѣ въ приданое сулилъ: Се едину свинью - Оксинью, Да и боровка-ли, борова – Василья, Се телицу годовицу-Анютку, И двих вловицу-Васютку!

2) Загадка:

Баринъ вздилъ мимо кузницы и все видитъ, что кузнецъ куетъ день и ночь. Онъ и спрашиваетъ: что ты кузнецъ все куешь, куда деньги дъвать будешь?

А я, баринъ, перву долю —долга плачу, втору долю —ва долга даю, третью долю—ва воду рою, а на четверту долю—сама воспитываюсь.

Разгадка:

Первая доля—от и мать кормлю.
Вторая "—сына рошу.
Третья "—донь кручу (замужъ отдаю.)
Четвертая "—себя содержу.

3) Отчего козакъ гладокъ?

Оттого козакъ гладокъ: Поѣлъ козакъ—да и на бокъ; Заботы никакой, У головушки не ропчетъ И у сердечушка не топчетъ.

- 4) Наша водка вину тетка! Раздеретъ глотку И пьетъ водку.
- 5) Небо и земля мимо идуть, а словеса Божіи не ждуть.
- 6) Безъ добраго дъла и воды моей не пей.
- 7) Лътъ семи достатоки самъ смотри.
- 8) Краса не жиръ, а жирушка *)-не пиръ!
- 9) Передъ краснобаемъ не мудри, а ухо востро держи.
- 10) Бери весь деготь: батюшка прівдёть вина навезёть!
- 11) Ваба на Новгородъ три года сердилась, а Великой про то не зналъ-въдалъ.
- 12) По бъднымиъ свищетъ соловей, по богатымиъ служитъ архіерей.
- 13) Чу̀дна Казанска на четырехъ столбахъ, на пяти углахъ.
- 14) У нашего сосъда всъ дъвки хороши, а все-жъ одна Васюшка.
- 15) 40 у насъ д'вокъ на деревн'в, да одна Васюшка!
- 16) Дівушки по участи, ягодки по станиців.

- 17) Пусть-бы долюшка сиротская, лишь-бы волюшка господская!
- 18) Богоданна матушка-что Ладожко бурливое.
- 19) Смъхъ сдержишь -- обидушку упредишь.
- 20) Не толки воду въ ступъ-дно отвалится.
- 21) Скорая смерётушка—меньшая заботушка
- 22) Воду пей, остатки не лей: остатки сладки пойдутъ на добавки.
- 23) Гдё свёть? Тамъ, гдё насъ нёть!
- 24) Бери себѣ, что помѣщается въ утробушкѣ, остатокъ отдавай тягость сбавляй: тягость сбавляешь грѣхи отпущаешь.
- 25) Не держи сороку за хвостъ закаркаетъ.
- 26) Сколько тебѣ лѣтъ? Сколько вчёра было того нѣтъ! *) Подъ столомъ ходила хворостъ носила; столъ переросла коровъ доить пошла; косу отпустила въ работницахъ служила; пора настала съ молодцемъ гуляла; пора прошла замужъ пошла; замужемъ двадцать лѣтъ жила тяжко горошко несла; овдовѣла осиротѣла! Вотъ тебѣ и весь сказъ! а когда родилась память извелась! **)
- 27) Какъ ты, бабушка, крестишься? Съ розмысломъ, дътко, съ розмысломъ! —
- 28) Зачёмъ ты, бабушка, идешь? Затёмъ, чтобъ не сидёть! —
- 29) Малы дѣтушки что глупы утушки: въ каку̀ ни на есть ихъ лужу бросишь—поплывутъ

^{*)} Жирушка-жизнь.

^{*)} Иногда Ирина отвъчала: "Сколько мив лътъ – столько тебъ пътъ!" и т. д.

^{**) &}quot;Прина Федесова чаще говорила:" А когда родилась не помню!

- 30) Не бросай на вътеръ лишнихъ словъ, чтобы потомъ не вопить: охъ, охъ, охъ!—
- 31) Мысли, но не вымышляй: знай разницу.
- 32) Войдешь въ домъ со поклончикомъ уйдешь со гостинчикомъ.
- 33) Говори учливо-выслушають правду.
- 34) Сердце согрѣешь—кривду сбрѣешь.
- 35) Учасью не гордись, всякому поклонись.
- 36) Тебъ-бы все пъсни, а дома нужда тресни.
- 37) Соловеюшко Богу пъсенки возжупляетъ, добрымъ людюшкамъ душу звеселяетъ.
- 38) Чистая душа что чистая водя—все въ ней наскрозь видать.
- 39) Животное съ зёми подбираетъ, а худой человѣкъ карманы обчищаетъ.
- 40) Замужство что жеребій: кто что вытащить.
- 41) Не чихни ненарокомъ: люди скажутъ "съ порокомъ".
- 42) Не топци Лисицу ногами—сбережень себѣ шкуру! (Игра словъ: и свою шкуру, и лисицыну).
- 43) Не всякъ успъхъ себъ ладитъ, кто другимъ гадитъ.
- 44) Сердечушко каже: "тукъ, тукъ!" Вѣрь!
- 45) Безъ върушки что черви добры людюшки.
- 46) Върующему умереть одёжду переодъть!
- 47) Малы дѣтушки что часты звѣздочки—и свѣтятъ и радуютъ въ темну ноченьку!
- 48) Людской задоръ что вострый топоръ: не думаетъ рубитъ.
- 49) Снимай пѣночки, не трожь сливочки, нето молоко пригоритъ.
- 50) Вѣдный-то рубитъ, а богатый губитъ.
- 51) Лучше сто разъ смолчи, а одинъ не оболги.

приложение.

Ирина Федосова, крестьянка Олонецкой губерніи, портреть которой пом'вщенъ въ начал'в 1-й части этого изданія, была привезена мною въ мое Тверское им'вніе съ научной цілью. Эта женщина за 80 літь, совершенно сідая и сгорбленная, но полная энергіи и ума. Живеть она дома тімь, что поеть на свадьбахъ, голосить на похоронахъ и тішить молодежь на сговорахь и въ праздничые дни. Память у этой старухи изумительная и річь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духомъ старинной поэзіи, что при всякомъ улобномъ случать говорить экспромиты, складъ которыхъ совершенно напоминаеть распіваемыя ею старинныя пісни. Для образца привожу нікоторые изъ пропітыхъ ею въ нашемъ дом'в экспромитовъ

№ 1. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ПЪСНЯ.

(Экспромптъ Ирины федосовой.)

(Привътствіе Д. А. Агреневу-Славянскому 26-го Декабря 1887 г.)

Плавно,

Не ясенъ соколь въ тепло гивздышко слетаеть, Не красное солнышко теперь распекаетъ По этымиъ по свътлымиъ по свътличкамъ, По этыимъ столовыимъ по горничкамъ. По этыимъ по теплыимъ по спаленкамъ; Не свътёлъ мъсяцъ что просвътливатъ, Путь дороженьку прокладыватъ Со луной да съ поднебесною, Со звъздой да съ подвосточною Онъ во свътлую во свътличку, Во столову нову горничку — То со стадушкомъ гусиныимъ, Со другимъ да съ лебединыимъ, Съ гордой поступью, вальяжной Выступаетъ плавно, важно Господинъ-ли нашъ Славянской, Свътъ нашъ Дмитрій Александровичъ!

№ 2. ИЗЪ ПО СУХОМУ ПО ДЕРЕВУ.

(Экспромптъ Ирины федосовой).

(величальная пѣсня. *)

Плавно.

Изъ по сухому по дереву,
Изъ по высокому по терему.
По мостиночкамъ дубовыимъ,
Нерекладочкамъ кленовыимъ,
Какъ идетъ наша боярыня.
Госпожа наша сударыня.
Госпожа-ли что Славянская,
Ольга свѣтъ-ли Христофоровна
Тонка идетъ тетивочка,
Зелена идетъ травиночка,
Во великой во заботушкъ,

Во большой да во сколотушкѣ, Во здоровой во головушкѣ; И мила, и доброладная, И до бѣдныхъ-то желанная.

№ 3. ПОЗДРАВЛЕНІЕ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ. *)

(Экспромптъ Ирины федосовой.)

Умъренно.

Ты душа да красна дъвушка, Надежда Дмитровна голубушка, Ты боярышня Славянская, Ты надёженька дворянская; Ты красна какъ солнце красное, Ты была какъ сныжко былое, Твои оченьки веселыя, Поговорушки учливыя; Изтонка дѣвка высокая, А походка горделивая: Ты катаешься, какъ стопочка. При поклончикъ какъ плёточка. Ты вѣдь дѣвушка ученая, Ты боярышня крученая, **) Ты и съ толкомъ-то засѣяна, Ты и съ разумомъ порожена! Тебъ дай да Боже-Господи Жениха тебъ да полюби. Мужа умнаго - разумнаго, Молодца тебѣ таланнаго;

**) Крученая-съ приданымъ.

^{*)} Привътствіе это было сказано О. Х. Агреневой—Славянской Ириной Федосовой ІІ-го Іюля 1887.

^{*)} Пропъто Н. Д. Агреневой-Славянской 1-го Япваря 1887 г.

Соловутную славутину, *)
Вогатиную богатину,
Чтобы медъ гребла лопатами,
Жемчугъ брала-бы ухватами,
Злато мъряла четверками,
Чисто серебро—маленками!

№ 4. ПРИВЪТСТВІЕ НА ДОРОГУ **).

(Экспромптъ Ирины федосовой.)

Торжественно.

А не бъла ле-бе- душкавъчистомъполъ ле-та-етъ,

А не бъла лебедушка въ чистомъ полъ летаетъ. Мала пташица со гнъздышка слетаеть— Наша Надёженька со дому повзжаеть. Въ путь дороженьку она да отправляется. Со родимой своей матушкой прощается, Горючьми слезами заливается... Ты-ко дай ей, Боже-Господи, Путь дороженьку хорошую, Путь хорошую, путь веселую, Жизнь безпечную, разудалую; Тев Надёженька, добраго здоровьица, Наша желанная ты умница! Впереди тебя Господь идеть, Позади тебя Матерь Божія, Бережетъ тебя-стережетъ; А вокругъ тебя все-ли ангелы, Все-ли ангелы да архангелы! Тев дай да Боже Господи,

Хорошо-бъ тебѣ игралося,
Чтобъ струна не застоялася,
Вѣлы рученьки-бы не дрожалися,
На словахъ-бы не мѣшалася,
Красота—бы не стерялася!
Выла-бы честь—хвала тебѣ великая,
Свѣтъ Надежда наша Дмитровна,
И участь-бы была не жалкая;
И наживать тебѣ златой казны,
И много злата, много сѐребра,
И много скачнаго бы жемчуга....
А отправляйся въ путь—дороженьку безъ ропота!

№ 5. НОЗДРАВЛЕНІЕ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ. *)

(Экспромптъ Ирины Федосовой.)

Умъренно.

Поздравляю васъ, господинъ честной, Дмитрій да Дмитревичъ, Тебя съ Новымъ-то со Годушкомъ, Со великимъ тебя ластьицемъ, **) А со добрыимъ здоровьицемъ, Со тѣлеснымъ тебя здравіемъ, Со душевныимъ спасеніемъ! Ты свѣща да нетоплёная, Ты верба да золочёная, Ты сахарна деревиночка, Ты изюмна ягодиночка; Красота да красна солнышка, Вълота да снѣгу бѣлаго.

^{*)} Соловутную славутину-большую славу.

^{**)} Привътствіе это сказано Ирнной Федосовой въ с. Кольцовъ Тверской губ. Н. Д. Агреневой-Славянской въ день отправленія ея заграницу.

^{*)} Пропъто Ириной Федосовой Д. Д. Агреневу-Славянскому 1-го Января 1887 года въ сельцъ Кольцовъ, Тверской Губ. **) Ластьице — ласковый нравъ.

Твои ясныя въдь очушки, Твои свътлые что взглядушки, Твои очи-ясна сокола. Твои брови-черна соболя; Твоя рѣчь да вѣдь умильная, Твоя ласкушка обильная: Говоришь ты. какъ рублемъ даришь, Рѣчи умныя - разумны говоришь; Вь устахъ рѣчь та разсыпается, Какъ скачёнъ жемчугъ катается. На младой твоей головушкъ Въ три ряда кудрь завивается, Во четвертый заплетается, А на каждой волосиночкъ По скачёной жемчужиночкь! Съ городовъ люди събзжалися, Красотъ да дивовалися, Уму-разуму срекалися, Съ твоей лаской обвыкалися! Какъ отъ добраго-то деревца Ростеть отрасель цвътущая, Такъ отъ умныхъ отъ родителевъ Ростеть племя-родъ могущее. Тебъ дай да Боже-Господи Справедливо управляти, Честь - хвалу всёхъ заслужити И любовь людей пріяти!

№ 6. ПОЗДРАВЛЕНІЕ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ. *)

(Экспромптъ Ирины Федосовой.)

Умъренно.

^{*)} Пропъто Ириной Федосовой Е. Д. Агреневой-Славянской 1-го Января 1887 г.

При пути да при дороженькъ Душа красна стоитъ дъвушка, Зелена да какъ травиночка И тонка да какъ тетивочка: То боярышня Славянская, Свътъ Елена наша Дмитровна. Изъ личка-то ты смуглёшенька, На рѣчахъ-то ты скромнёшенька, На весельи-веселёшенька, На занятіяхъ скорёшенька, На походочк в легошенька, На привътъ хорошошенька! Что за поступь лебединая, Что за взглядьице орлиное У души у красной дівицы, У тебя-ли у красавицы!... Добры людюшки съвзжалися, Красотъ да дивовалися, Уму-разуму срекалися И любовью распалялися!

7. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ПЪСНЯ. *)

(Экспромптъ Ирины Федосовой.)

Торжественно.

Поздравляемъ тебя, голубушка, Свѣтъ Елена—ли что Дмитровна, Со великимъ со рожденіемъ, Съ особитымъ блаполучіемъ; Со таланной тебя участью, И со Божіей тя милостью,

^{*)} Поздравленіе это сказано въ с. Кольцовѣ Тверской Губ. Ириной Федосовой Е. Д. Агреневой-Славянской въ день ся рожденія.

Со душевнымъ тя спасеніемъ. Со тѣлесныимъ тя здравіемъ! Дай Богь тебъ милости Божіей, Жениха богатаго и хорошаго, Умнаго-ли тебѣ что разумнаго; Мното злата тебъ, много серебра, Много камней тебъ самопвътныихъ, И на много лътъ тебъ здравствовать, И на много лътъ тебъ властвовать! Благодарствую въ день рожденія На твоемъ на угощеніи: На чаяхъ тебя, на кофеяхъ И на сладкихъ тебя водочкахъ; За оръхи за калёные, За конфекты за медовыя! Мы ужъ такъ-то угощалися. До пьяна да напивалися!

№ 8. ПОЗДРАВЛЕНІЕ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ. *)

(Экспромптъ Ирины Федосовой).

Умъренно.

Ты голубка Ольга Дмитровна,
Ты душа да красна дѣвица,
Ты боярышня Славянская,
Твое личко бѣло бѣлица,
А сама-то ты разумница,
Ты красавица—приданница!
Поздравляю съ новымъ счастіемъ,
Со великимъ блаполучіемъ.
Ты вѣдь дѣвушка въ пятьсотъ рублей,
Твоя воля въ цѣлу тысящу,

А самой тебѣ цѣны вѣдь нѣтъ! Не сочти за рѣчи льстивыя, Вѣдь слова мои правдивыя, Хоть сама я угловатая, Поговорка чваковатая!

 [&]quot;) Пропъто Ириной Федссовой О. Д. Агреневой-Славянской 1-го Январа 1387 г.

оглавленіе.

ATTRAL STRAIG

отдълъ і.

Илачи, голошенія и причитанія по	умери	пимъ.		
보다 가지하다 보고 있다. 하는데 나는데 이렇게 되었다면 하다 되었다면 하는데 하는데 하는데 하는데 보다 하는데 보다 했다.				Cmp.
Плачъ по мужт или по отцт				5
Плачъ по мужѣ или по отцѣ				22
— cecrpt.				30
— — женв				
— — женѣ				42
Голошеніе матери на могил'в взрослой дочери посл'в отп'ввані	я.			44
— замужней сестры по родномъ братъ				
— племянины по дядѣ				49
Плачъ по холостомъ, не старомъ, дальнемъ родственникъ, или			чкѣ.	50
Старов фрческій плачь по умершемь родственник .				52
Плачь по воспитанник или воспитанниць, или пріемышь				54
Поминальное причитаніе по родной теткъ.				57
— — отцѣ духовномъ				58
Причитаніе кумы по умершемъ старшинѣ—кумѣ.				60
Голошение старухи по мужт на могилт въ 40-й день.				61
— дечери по отцѣ на могилѣ въ 40-й день				62
Плачъ матери по убитомъ на войнѣ сынѣ				63
Голошеніе матери надъ тъломъ утопленника—сына на берегу	v ozena			66
Причитание кумы на поминкахъ по умершемъ отъ опоя.	oocpa			
причитание кумы на поминкахы по умершемы оты опом.				
отдълъ и.				
отдвявля.				
Голошенія по рекрутамъ и рекрутс	kia n'	вени.		
Проводы и прощаніе родныхъ съ рекрутомъ.				71
Плачъ при проводахъ новобранца.				. 76
Отрывокъ изъ плача жены по мужѣ новобранцѣ.				82
По славному по Невскому прешнекту.				83
Горы, горики-горы круты, высоки.				84
Собирайтесь-ко, братцы робятушки,				85
сооправлесь-ко, орагцы роолгушки,				00
от в пл пп				
отдълъ ии.				
Великопостные стихи былины и	леген	ды.		
1.8				88
1-й стихъ великопостный				96
2-й Стихъ: о книгъ голубиной				99
З-й стихъ: о двухъ братьяхъ лазаряхъ				99

						Cmp.
4-й стихъ: о лютомъ змів и о Егорі	и хоробромъ.					102
5-й стихъ: легенда про Алексъя Боя						105
6-й стихъ: народная легенда о право						110
7-й стихъ: о происхожденіи еженедъ			ıv .			112
8-й стихъ: легенда о царищъ кудрія					ени та-	
тарскаго полона)				D P C II		113
9-й стихъ: изъ временъ татарскаго и						116
10-й стихъ: изъ временъ татарскаго						118
11-й стихъ: легенда о братьяхъ разб						119
12-й стихъ: о пустынъ						121
13-й стихъ: легенда объ Аникъ вонь						124
14-й стихъ: былина о Добрынъ Ник						
15 й стихв. былина о Доорынь ник	MINTE H OOF A.	лешъ по	повичъ.			127
15-й стихъ: былина о Чурилѣ Плѣн	жовичъ и о Бе	риятъ в	асильич	ъ.		135
Сибирская быль, о колдунъ Ермилъ	тимофентъ.		1001			142
0.70	папп	TV				
0.1	д в л в	IV.				
Старинныя народныя и всн	и. бескли	rg ere	тоби	na	eunom	aria
					cupore	min,
хороводныя,	плисовыя	и шут	олны	1.		
Сяду я, младешенька, подъ окошечко).					147
Вев сусвдушки дввушку ругають и	бранятъ.					148
Молодость-младость.						149
Не сидитко, Дуня						150
Калинушка съ малинушкой .						151
Въ чистомъ полъ.						152
Изъ долины, изъ лѣсочку .						153
Я вчерашнимъ днемъ милова провож	ата					155
Натялась на меня злодъй жена					Sual Par	157
Хмёль.				•	e/	
Ноченька.						158
Эко сердце						159
Катенька.						160
						161
Быль я въ городъ Кронштадтъ						162
Несчастная красна дъвушка.						163
Судьба						164
На молодца тоска нападаеть.						166
Вдоль да по рѣчкѣ						167
Головка — головушка побъдненькая						169
[1] [1] [1] [1] [1] [1] [1] [1] [1] [1]						170
[[[[[[[[] [[] [[] [[] [[] [[] [[] [[] [171
Пойду я, добрый молодецъ пойду за	гуляю .					172
						173
Во полѣ гуляетъ козакъ молодой.						176
Дуня бълая румяна.						177
Я повду-ли, повду						178
Женатый чорть проклятый.						180
У Танюшки съ по Ванюшкѣ головуш	ка болитъ.					181
Все немило, все постыло						182
Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза.						183
Былъ селезень.						184
По улицъ мостовой						186
						100

							Cmp.
Заинька							187
Ахъ во полъ-полъ						41.00	189
			5.00				
0 T	дъ	ЛЪ	٧.				
Волочебная и ве.	лича.	льная	пароді	ныя	пъсни.		
Волочебная пъсня							191
Ты спаси, да Боже Господи!		1					192
0 Т	11 18	ЛЪ	Vf.				
•	,, 1,		gist dans to				
Народныя сказки, за	гади	и, пос	ловицы	И	прибаут	ки.	
приданое дочери	отъ	отна и	лесяти	БРА	тьевъ.		
							10-
Народная сказка							195
Загадка	•		tentine and			40.60	197
Пословицы и прибаутки .							198
在1000mm 1000mm							
н Р н	Л 0	жЕ	H I E.				
Величальная ибсия		Sternish !					201
Нзъ по сухому по дереву					4		202
Поздравленіе съ новымъ годомъ							208
Привѣтствіе на дорогу.							204
Поздравление съ новымъ годомъ.						11203	205
						1	200
Величальная поздравительная пъсня							207
Поздравленіе съ новымъ годомъ							208
TOTAL							